

Социология

**ЖУРНАЛ
РОССИЙСКОЙ
СОЦИОЛОГИЧЕСКОЙ
АССОЦИАЦИИ**

**4
2011**

Содержание

Демография

Ломоносов о сохранении и размножении российского народа <i>Воронцов А.В., Глотов М.Б. М.В.</i>	4
Репродуктивные ориентации и поведение семей, имеющих ребенка с онкологическим заболеванием <i>Гусева М.А., Лебедь О.Л., Цейтлин Г.Я.</i>	14
Демографические концепции российских социологов (М. Ковалевский, К. Тахтарев, П. Сорокин) на рубеже XIX–XX веков <i>Злотников А.Г.</i>	25
Перспективы прокреационного раздела демографической науки <i>Реут Д.В.</i>	36

Образование и наука

Социологическое обеспечение менеджмента качества высшего профессионального образования <i>Бегинин В.И., Булгаков С.В.</i>	48
Институциональные функции образования <i>Иванова В.А.</i>	43
Возрождение России как ведущего центра мировой теоретической науки <i>Романенко М.В., Сюй Яньли.</i>	66
Самочувствие молодых специалистов <i>Сушко В.А.</i>	79

Культура и религия

Институциональные модели социально-христианского служения <i>Денисова Л.Е.</i>	84
Знание религиозных догматов на Северном Кавказе <i>Дзусов И.И., Дзуцев Х.В., Цогоева Ф.Б.</i>	90
Дуальная модель духовного пространства социума <i>Робатень С.С.</i>	102
Социокультурные детерминанты-императивы перспективы современного общества <i>Сивринов Б.С.</i>	114
Феномен культовой альтернативы <i>Тендит К.Н.</i>	125

Экономическая социология

Институционально-аксиологическая сущность денег в социологии Г. Зиммеля <i>Верховин В.И.</i>	132
Круизный туризм на Волге <i>Лысикова О.В.</i>	147

Сегментация рынка по мотивам потребительского выбора <i>Митяева О.А.</i>	158
Модернизация социальной структуры белорусского и российского обществ <i>Соколова Г.Н.</i>	172

Информационное общество

Информатизационное сознание как предпосылка включенности в информационное пространство <i>Жилкин В.В.</i>	183
Взаимодействие в интернет-пространстве как фактор изменения общественного сознания <i>Кузин С.А.</i>	190
Эволюция социального пространства как Web 4.0 и 5.0 <i>Рыжов В.А., Рыжов С.В.</i>	196

Дебют

Проблема знания в радикальном конструктивизме Э. фон Глазерсфельда <i>Корбан И.В.</i>	206
Экономическая культура как социальный медиатор: диалектика культурного и экономического начала <i>Миннегалиев И.М.</i>	213
Россия и арабский Восток. Из истории взаимоотношений <i>Экарева И.Л.</i>	220

ДЕМОГРАФИЯ

М.В. Ломоносов о сохранении и размножении русского народа

Воронцов А.В., Глотов М.Б.

В статье рассмотрены социально-демографические воззрения М.В. Ломоносова, изложенные в трактате «О сохранении и размножении русского народа». Выделены основные проблемы воспроизводства русского населения, для решения которых великий русский ученый предложил конкретные практические рекомендации, сопроводив их обстоятельными объяснениями, основанными на личных наблюдениях за жизнью народа и научном анализе социальных факторов. Обращено внимание на актуальность предлагаемых М.В. Ломоносовым рекомендаций для улучшения демографической ситуации в России.

Ключевые слова: воспроизводство русского населения, увеличение количества и сохранение рожденных, неравенство супружества, уменьшение младенческой смертности, смертность от несчастных случаев, вредность церковных обрядов, борьба с болезнями, распространение медицинских знаний, разумный образ жизни, миграция, отношение государства к подданым

Vorontsov A.V., Glotov M.B.

M.V. Lomonosov about retention and multiplication of the Russian people

This article analyses socio-demographic views of M.V. Lomonosov, represented in his treatise "Maintenance and Reproduction of Russian people". The article discusses main problems concerning the reproduction of the Russian population, as well as specific practical recommendation suggested by this great Russian scientist. Lomonosov supported them with the solid explanations which were grounded on his own observations among Russian people as well as on scientific analysis of social facts. Particular attention is given to the topicality of Lomonosov's recommendations of how to improve the demographic situation in Russia.

Key words: reproduction of the Russian population, increase in the number and preservation of newborn, marriage inequality, reduction of infant mortality, mortality from accidents, harmfulness of religious rites, disease control, the spread of medical knowledge, a reasonable way of life, migration, the state's attitudes to his subjects

Среди многочисленных трудов Михаила Васильевича Ломоносова по естественным, социально-экономическим и гуманитарным наукам долгое время оставался практически неизвестным его трактат «О сохранении и размножении русского народа», который был составным разделом отправленного 1 ноября 1761 года письма И.И. Шувалову – члену Российской академии наук и первому куратору Московского университета. Впервые этот трактат был опубликован по цензурным соображениям частично в 1819 году, а полностью – только в 1871 году. Первые отклики на него юриста И.К. Сухоплюева, историка И.А. Тихомирова, философа и социолога Г.В. Плеханова появились в начале XX века [1], а затем к 250-летию со дня рождения М.В. Ломоносова [2]. Детальный анализ трактата был представлен в монографии В.П. Лысцова, которой отметил, что в предыдущих публикациях о М.В. Ломоносове вопросу «о социальной направленности выраженных в трактате идей уделялось недостаточно внимания» [3, с. 205]. В этих публикациях М.В.

Ломоносов в большей степени был охарактеризован как экономист и статистик, хотя содержание его трактата обнаруживает всю широту понимания великим русским ученым социально-демографических проблем тогдашней России. Содержание трактата М.В. Ломоносова позволяет признать его одним из предшественников отечественной социологии и демографии как наук.

В середине XVIII века появляются первые научные публикации, посвященные демографическим проблемам. Так, работавший в то время в Российской академии наук швейцарский ученый Даниил Бернулли опубликовал цикл статей о продолжительности брака. Он построил первую таблицу прекращения брака и в ней рассчитал вероятность этого события для среднестатистической пары. Соотечественник Д. Бернулли, академик Российской академии наук – математик Леонард Эйлер определил порядок вымирания поколений и ввел новое понятие – «вероятность продолжительности предстоящей жизни», сегодня оно именуется как «возраст дожития». Предложенный им метод построения таблиц смертности, как и таблица смертности Джона Граунта, до настоящего времени применяется в демографии.

В отличие от швейцарских ученых М.В. Ломоносов в своем трактате впервые глубоко и всесторонне представил научный анализ главной демографической проблемы – воспроизводства российского населения и предложил комплекс практических рекомендаций по ее разрешению. К проблеме сохранения и размножения российского народа он подходил с позиций социально-экономических интересов государства Российского, которые в то время были в поле

внимания правительства. Русский ученый, по всей вероятности, был знаком с проектом «О разных государственных пользы способах» (или «О сохранении народа») двоюродного брата И.И. Шувалова и фактического руководителя правительства при Елизавете Петровне П.И. Шувалова и с проектом Законодательной комиссией «О состоянии подданных вообще» [4], в которых предлагалось принять законы, облегчающие жизнь малоимущего населения. Также М.В. Ломоносов высказывался одобрительно о попытках Елизаветы Петровны, давшей обет никого не предавать смертной казни, ограничить законодательно ее применение, избавляя «подданных от смерти, хотя бы иные по законам оной и достойны были» [5].

В письме к И.И. Шувалову М.В. Ломоносов, предлагая меры по улучшению хозяйственного и политического развития страны, на первое место поставил вопрос о необходимости решения демографических проблем. Он считал, что сохранение и размножение российского народа является «самым главным делом» и заявлял, что именно в населении страны состоит «величество, могущество и богатство всего государства, а не в обширности, тщетной без обитателей». С его точки зрения, вопросы о росте численности населения, его здоровье и воспроизводстве являются вопросами первостепенной государственной важности. Призывая к использованию государственного законодательства и административных мер для решения демографических проблем, М.В. Ломоносов в трактате обращает внимание также на вопросы отношения с церковью, изменения быта и обычаев, от которых зависит сохранение российского народа.

Предлагаемые М.В. Ломоносовым в трактате практические рекомендации по воспроизводству российского народа можно выделить в три группы:

1. для увеличения количества рождающихся,
2. для сохранения рожденных,
3. для устранения факторов, влияющих на здоровье людей и воспроизводство населения.

Для увеличения количества рождающихся – «для обильнейшего плодородия родящих» М.В. Ломоносов считал необходимым:

- запретить неравенство супружества, когда «малых ребят, к супружеству неспособных, женят на девках взрослых» или «когда мужчина в престарелых годах женится на очень молодой девушке, которое хотя и не столь опасно, однако приращению народа вредно»;

- не допускать брак по принуждению, «ибо, где любви нет, не надежно и плодородие»;

- разрешить вступать в брак четвертый раз и даже в пятый после смерти предыдущей жены, так как запрета на это нет «в наших узаконениях» и «никакими соборными узаконениями не утверждено»;

- не допускать принудительного пострижение молодых овдовевших священников и дьяконов в монахи, «что натуре человеческой противно» и «чем к греху, а не к спасению дается повод, и приращению народа не малая отрасль пресекается»;

- мирянам запретить принятие монашества – женщинам до 45, а мужчинам до 50 лет, так как монашество в молодости наносит «знатный ущерб размножению человеческого рода».

Для сохранения рожденных М.В. Ломоносов рекомендовал:

- учредить народные богадельные дома для приема внебрачных

детей для сохранения жизни невинных младенцев» и чтобы избежать случаев, когда «в отчаянии матери детей своих убивают»;

- для уменьшения младенческой смертности издать и распространить «хорошие книжки о повивальном искусстве» и «наставления об излечении младенческих болезней»;

- отменить вредный обряд крестить младенцев в холодной воде, «потому что холодная изшедшему недавно из теплой матерней утробы младенцу конечно вредна».

Для устранения факторов, влияющих на здоровье людей и воспроизводство населения, М.В. Ломоносов считал целесообразным:

- всеми мерами содействовать более разумному образу жизни;

- отказаться от изнурений себя в Великий пост, что «здоровья своего никою мерою починить не могут, употребляя грубую постную пищу, которая и здоровому желудку тягостна»;

- вести борьбу с болезнями путем организации надлежащей медицинской помощи и широко распространять медицинские знания;

- открыть в каждом городе аптеки, чтобы лекарства «не трудно было сыскать везде в России»;

- устранять причины смерти от несчастных случаев;

- прекратить притеснения раскольников и рекрутчину, от которых «русские люди бегут за границу».

Особенность трактата «О сохранении и размножении российского народа» состоит в том, что свои рекомендации М.В. Ломоносов сопроводил обстоятельными объяснениями, основанными на личных наблюдениях за жизнью народа и научном анализе социальных факторов, которые препятствуют естественному процессу воспроизводства населения, таких как се-

мейно-брачные отношения, предписания церкви, образ жизни людей, состояние медицинского обслуживания, отношение государства к подданным.

Так, по поводу неравных браков, когда муж намного моложе жены, что было вызвано желанием родителей жениха приобрести опытную работницу, М.В. Ломоносов замечает следующее: во-первых, такие браки зачастую бывают бесплодными, во-вторых, отражаются на здоровье подростков, в-третьих, иногда возможны убийства ребенка, зачатого от постороннего мужчины, в-четвертых, могут привести к умерщвлению мужа и осуждению жены на смертную казнь. Что касается брака, когда муж намного старше жены, то такой брак, по его мнению, является отступлением от естественных норм и способствует супружеской неверности со стороны молодой жены. С точки зрения автора трактата, следует запретить вредное приумножению и сохранению народа неравенство супружества и придерживаться следующих правил: невеста жениха не должна быть «старее, разве только двумя годами; а жених старее может быть 15 годами», но лучше, когда муж старше жены на 7-10 лет. Это правило целесообразно, так как женщина, особенно от частой беременности, скорее старится, чем мужчина. К тому же женщины рожают «едва далее 45 лет, мужчины часто и до 60 лет к плодородию способны». То, что идея М.В. Ломоносова об ограничении неравных браках, была реализована Синодом, сообщают И.К. Сухоплюев и И.А. Тихомиров. Они ссылаются на предложенный Синодом проект, согласно которому запрещалось венчать 17-18 летних юношей с женщинами старше 35-40 лет, и 50-55 летних стариков с

девушками моложе 17-18 лет. На основании этого проекта в 1775 году был принят соответствующий синодский указ [6]. В современном российском законодательстве подобная рекомендация отсутствует.

Необходимость принятия мер для запрета принудительных браков предлагалась уже в первой половине XVIII века в законодательных проектах Петра I и в публицистических выступлениях В.Н. Татищева. Так, Петр I указом Синоду от 5 января 1724 года подписывал родителям и господам под страхом большого штрафа не принуждать детей к бракосочетанию, а в процессе венчания тем, кто устраивает свадьбу, заявлять о том, что с их стороны нет принуждения. Ссылаясь на теорию естественного права и указ Петра I, В.Н. Татищев признавал преимущества свободного выбора тех, кто вступает в брак, и недопустимость насилия в этом вопросе. Однако признание неправомерности принудительных браков носило словесный характер и провозглашалось с целью не допустить браки дворян с представителями низших сословий, особенно с крепостными крестьянами.

В трактате «О сохранении и размножении российского народа» М.В. Ломоносов выступал против принуждения к браку независимо от того, в какой сословной среде оно происходит. Он отмечал, что в семьях, созданных по принуждению, несогласия, споры и драки вредят зачатому плоду и нередко являются причиной преждевременных родов или рождению нездорового ребенка. Для недопущения брака по принуждению М.В. Ломоносов предлагал обязать священников, совершающих обряд венчания, если им станет известно «о невольном сочетании», не допускать этого под угрозой ли-

шения их чина священнослужителя. Если указ Петра I от 5 января 1724 года требовал наказания штрафом только тех, кто принуждает к браку, то М.В. Ломоносов считает, что заслуживает наказания и священник, который не воспрепятствует этому и не спросит пред обрядом жениха и невесту о принуждении их к браку.

В трактате М.В. Ломоносова много внимания уделено узаконенной церковью норме, запрещающей вдовцам вступать в брак четвертый раз. Апеллируя к своим наблюдениям того, что в условиях высокой смертности женщин в России многие мужчины остаются в молодом возрасте за короткое время вдовцами трижды и могли бы еще жениться, ученый полагал, что «было б законам непротивно, если бы для размножения народа и для избежания непозволенных плотских смешений» разрешить четвертый, «а по нужде и пятый брак». При этом М.В. Ломоносов ссылается на отсутствие четких юридических оснований и противоречий обычаем христианских народов этому запрету. Однако он рекомендует, чтобы те, кто вступает в четвертый и пятый брак, предоставляли свидетельство соседей или родственников умерших жен, что их поступки в предыдущих браках были «незловны и безззорны». Если же у кого-то «окажутся вероятные знаки неверности или свирепости, а особливо в двух или во всех трех супружествах – тем лицам не позволять четвертого брака». Предложение о возможности четвертого брака не было реализовано, более того 29 марта 1767 года Синод издал закон «О недействительности четвертого брака».

Также осталась без внимания и рекомендация М.В. Ломоносова относительно монашества молодых

овдовевших священников и увеличения возраста пострижения в монахи для молодых женщин и мужчин, несмотря на то, что еще в 1722 году правительство пыталось ограничить уход не достигшей 30-летнего возраста молодежи в монахи. Свою рекомендацию ученый аргументировал следующими соображениями: «монашество в молодости ничто иное есть, как черным платьем прикрытое блудодеяние и содомство, наносящее знатный ущерб размножению человеческого рода, не упоминая о бывающих детоубийствах».

Предложение М.В. Ломоносова по сохранению и воспитанию внебрачных и подброшенных детей основывалось на изданных в первой половине XVIII века указах об устройстве богаделен или госпиталей в губерниях, также при церквях и монастырях, куда должны помещаться незаконнорожденные и подкидыши. Эти заведения обязаны были содержаться за казенный счет, привлекать искусных нянь для ухода за младенцами, обучать детей грамоте и ремеслам. Более подробно вопрос об организации воспитания беспризорных детей русским ученым будет рассмотрено в трактате «Об исправлении и размножении ремесленных дел и художеств», о чем он упоминает в письме И.И. Шувалову.

К проблеме младенческой смертности М.В. Ломоносов подходит как демограф, приводя статистические данные. По его расчетам, если предположить, что мужское население России составляет 12 миллионов, из которых 1 миллион состоит в таком супружестве, что в два года рождается по ребенку, то ежегодно должно появляться полмиллиона новорожденных. Однако в течение трех лет их жизни половина младенцев умирает. А

если учитывать вновь нарождающихся за это время, то ежегодно младенческая смертность будет составлять по 100 тысяч родившихся. Согласно статистическим данным, большое количество младенцев погибает во время родов от неумения повивальных бабок и неосторожности рожениц. Еще больше детских жизней уносят различные болезни и неспособность врачей лечить их. В связи с этим М.В. Ломоносов обращается к правительству: «Не стоит ли труда и попечения нашего, чтобы, хотя десятую долю, то есть десять тысяч, можно было удобными способами сохранить в жизни?»

Среди причин высокой младенческой смертности М.В. Ломоносов особо обратил внимание на православный обряд крещения, который требовал погружать все тело ребенка с головой в холодную воду независимо от времени года, так как, согласно церковному предписанию, вода в купели должна быть натуральной, лишенной каких-либо примесей, в качестве которых признавалась и теплота. Подвергая резкой критике данный обряд, ученый, опираясь на современные физические теории, доказывал несостоятельность взглядов церкви на природу теплоты. Понимая непреклонность церковных устоев, он заявлял: «Однако невеждам попам физику толковать нет нужды; довольно принудить властью, чтобы всегда крестили водою, летней в рассуждении теплоты равною». При этом погружение ребенка с головой даже в умеренно теплую воду небезопасно, «когда мокрота в глаза, в уши, в ноздри, а иногда и в рот вливается; а когда рот и ноздри поп запирает рукою, тогда пресекается дыхание». Более того М.В. Ломоносов указывает, что от

крещения в холодной воде «в следующих болезнях, кои всякой младенец после преодолеть должен», возможен смертельный исход.

Продолжая полемику о вредности церковных обрядов, М.В. Ломоносов рассматривал пагубность для взрослого населения России соблюдения поста и празднования церковных праздников. В качестве аргумента ученый приводил тот факт, что «неравное течение жизни и круто перемененное питание тела не токмо вредно человеку, но и смертоносно, так что вышпи-санных строгих постников, притом усердных и ревностных праздничколюбцев, самоубийцами почесть можно». Именно в эти дни «мертвые по кабакам, по улицам и по дорогам и частые похороны доказывают то ясно».

М.В. Ломоносов также считал, что великий пост в России и церковные праздники приходятся «в самое нездоровое время года, что здесь не принята в соображение жестокая природа севера». Так как масленица, великий пост и пасха приходятся на первую половину весны, когда преобладает холодная погода, тает снег, повышается влажность воздуха, происходит гниение отбросов, усиливаются вредоносные испарения, отсутствует свежая растительная пища, то это способствует увеличению инфекционных заболеваний и смертности людей. Он предлагает изменить календарь православных постов и праздников. По его мнению, целесообразно, чтобы масленица была в мае, великий пост в конце весны и начале лета, а пасха ближе к Петрову дню, что способствовало бы «сохранению здоровья движение тела в крестьянах пахотною работою, в купечестве — дальнею ездою по земле и по морю, военным — эк-

зерцицией и походами». В результате было бы меньше праздности, меньше пирушек, пьянства, неравного питания, «надрывающего человеческое здравие». Кроме того тот, кто возвращался домой, напившись на масленицу, не замерз бы, а на пасху – не провалился бы под лед. Как в прежние времена, так и сегодня российские церковные и государственные законодательные институты оставляют без внимания эти аргументы великого ученого.

Целесообразность переноса церковных праздников на конец весны – начало лета М.В. Ломоносов обосновывал также тем, что на севере – это «по концам тучное, а в середине сухое время есть самая праздная часть года». В это время «крестьяне не имеют никакой большой работы», купцам в распутицу «почти нет проезду из города в город с товарами», для моряков затруднено плавание, а для военных из-за «слякоти не могут быть удобно экзерциции».

Предвидя возражения отцов церкви о невозможности изменения укоренившегося с древнейших времен сроков проведения церковных праздников, М.В. Ломоносов, обращает их внимание на то, что эти сроки были установлены для народов Земли Обетованной и Греции задолго до крещения русского народа и не имели в виду природно-климатические условия России. И все же он рекомендует им для «сохранения жизни столь великого множества народа» собрать в России вселенский собор и изменить календарь церковных постов и праздников.

Уделяет внимание М.В. Ломоносов и качественному составу пищи, ее роли в физическом развитии представителей разных народностей и областей. Так, он отмечает, что там, где питаются

исключительно рыбой, народности малорослы, слабосильны и малочисленны. Там же, где употребляют в пищу в основном мясо, они отличаются более крупным и крепким телосложением и большей численностью. В областях, которые изобильнее скотом многочисленнее, чем в тех «местах, где скотом скудно, и в мясоед по большей части питаются рыбою или пустыми щами с хлебом».

Одним из факторов, препятствующих сохранению русского народа, М.В. Ломоносов считал отсутствие в России надлежащего состояния медицинской науки и здравоохранения, распространение, особенно в сельской местности, безграмотных целителей, которые «лечат наугад» и своими «вороженьем и шептаниями» умножают болезни людей, «приближая их скорее к смерти». Однако ученый не отрицает возможностей народной медицины и одобрительно отзываясь о тех, кто действительно знает, как лечить некоторые болезни. Он приводит в пример коновалов и костоправов, которые «иногда и ученых хирургов в некоторых случаях превосходят». И все же, заявляет он, необходимо «учредить лечение по правилам, медицинскую науку составляющим».

Вызывает тревогу у М.В. Ломоносова малочисленность медицинского персонала в войсках, где «лекари не успевают перевязывать и раненых, не токмо, чтобы всякого осмотреть, выспросить обстоятельно, дать лекарства», от чего те, кто мог бы выжить, умирают. Ученый был обеспокоен увеличением смертности из-за сверхенного отсутствия в русских деревнях врачей. Он предлагает свой план налаживания врачебного дела в России.

Во-первых, требуется «по всем

городам довольное число докторов, лекарей и аптек, удовольствованных лекарстами» иметь. Во-вторых, для изучения лечебного дела «послать довольное число российских студентов в иностранные университеты и учрежденным и впредь учреждаемым внутри государства университетам» предоставить «власть достойных производить в доктора», а также аптекарей и врачей обязать обучать учеников своему искусству. М.В. Ломоносова не удовлетворяла распространенная в России практика приглашения иностранных докторов, в большинстве случаев немецких. Он заявлял, что немецкими докторами «всего государства не наполнишь». Кроме того иностранные лекари плохо знают русский язык, придерживаются чуждых российскому народу веры и нравов, дорого берут за лечение. Некоторые из рекомендаций М.В. Ломоносова были реализованы еще при его жизни. Так, в ноябре 1763 года была учреждена Медицинская коллегия, в ведение которой были переданы больницы и аптеки, а также подготовка медицинских кадров и присуждение звания доктора медицины. Однако, как отмечал И.А. Тихомиров, медицинских учреждений было по-прежнему очень мало, и главную роль в их деятельности продолжали играть немцы [7].

В поле зрения М.В. Ломоносова не остался без внимания вопрос о предотвращении смертности, вызванной такими несчастными случаями, как стихийные бедствия, эпидемии, наводнения и пожары, утопление и замерзание, пьянство и драки. Для предупреждения о стихийных бедствиях и эпидемий ученый предлагал сочетать применение административных мер по оповещению народа с просветительской работой по изданию и

распространению специальных руководств. Чтобы уберечься от наводнений, М.В. Ломоносов предлагал запретить около великих рек «на низких местах, вешней особливо воде подверженных» строить жилища, что делают для того, «чтобы вода и сено и всякая от воды удобность была близко».

Относительно предупреждения смертности от пожаров, утоплений и замерзаний, пьянства и драк автор трактата намеривался рассмотреть их в письмах «Об улучшении государственной экономии» и «Об истреблении праздности». В данном же трактате М.В. Ломоносов подробно описывает, как предотвратить кровопролитие, вызванное поземельными спорами, и каким образом следует избавиться от разбойничьих нападений, что «будет служить не токмо для общей безопасности и к сбережению российского народа».

В отличие от попыток правительства избавиться от разбойников, используя специальные военнизированные подразделения, М.В. Ломоносов отдавал предпочтение оборонительным мерам, с помощью которых возможно перекрыть доступ разбойникам в города и села. Он считал, что применение оружия противоречит самой идее сохранения народа, к тому же, как показывала практика, вывести таким образом «сие зло, или, хотя знатно убавить, нет почти никакой надежды». Другое дело, если закрыть разбойникам доступ в населенные пункты и с помощью местных жителей можно будет часто ловить их поодиночке. М.В. Ломоносов также советует установить строгий контроль над предоставлением ночлега приезжающим. Действенным, по его мнению, будет и объявление жителям о вознаграждении за поимку разбойника («за всякую го-

лову по 10 рублей»), а за поимку главарей и сообщение о тех, «кто держит воровские прибежища по 30 рублей». Через два года после написания М.В. Ломоносовым трактата в 1763 году был принят указ о вознаграждении за донос на содержателя притона – 50 рублей, за поимку и привод атамана – 30 рублей, разбойника – 10 рублей [8]. Сегодня некоторые из предлагаемых М.В. Ломоносовым рекомендаций могли бы быть использованы в борьбе против террористов и бандитов.

Одним из факторов, которые влияют на численность российского населения, М.В. Ломоносов считал миграцию. И если П.И. Шувалов в своем проекте основной причиной бегства русских людей за границу объявлял тех, которые, «учинив какое либо воровство или преступление скрыться желают» [9], то автор трактата утверждал, что «побеги бывают более от помещичьих отяготений крестьянам и от солдатских наборов». В большинстве случаев совершают побеги жители приграничных с Польшей сел. В этой связи М.В. Ломоносов предлагал, что «лучше пограничных с Польшею жителей облегчить податями и снять солдатские наборы, расположив их по всему государству». В то же время ученый предлагал поощрять иммиграцию, тем самым пополнять «место беглецов за границы» приемом иностранных граждан, не только одиночками, но и целыми семьями. Он считал, что пространственные земли России «в состоянии вместить в свое безопасное недра целые народы и довольствоваться всякими потребами, кои единого только посильного труда от человеков ожидают к своему полезному произведению». Большие размеры иммиграция в Россию приняла с 1763 года в цар-

ствование Екатерины II, тогда были приняты специальные указы, созданы правительственные учреждения по делам иностранных переселенцев, которым предоставлялись значительные льготы. Сегодня российское правительство более озабочено нахлынувшей волной нелегальной миграции гастарбайтеров, чем оттоком отечественных и привлечением иностранных высококлассных специалистов.

Заканчивая письмо графу И.И. Шувалову, М.В. Ломоносов попытался составить демографический прогноз на ближайшие 20 лет с учетом, что его рекомендации будут использованы для «сохранения и приращения подданных» российского государства. По его расчетам возможно увеличение численности населения России может составлять «до полумиллиона душ», что даст увеличение численности населения России за 20 лет «до 10 миллионов». При этом надеется, что его рекомендации «не будут ничем народу отяготительны, но будут служить к безопасности и успокоению народному».

Сегодня, когда в России наблюдается нарастание демографического кризиса, многие высказанные М.В. Ломоносовым 250 лет назад рекомендации и советы по сохранению и размножению народа российского, являются актуальными и могут быть учтены учеными и политиками при разработке и реализации современной демографической политики государства.

Ссылки:

1. См.: Сухоплюев И.К. Взгляды Ломоносова на политику народонаселения // Ломоносовский сборник. 1711-1911. – СПб., 1911; Тихомиров И.А. О трудах М.В. Ломоносова по политической экономике // Журнал Министерства

народного просвещения. – 1914. – Кн. 2; Его же. О трудах М.В. Ломоносова по статистике России // Журнал Министерства народного просвещения. – 1915. – Кн. 2; Плеханов Г.В. История русской общественной мысли. В 3-х т. – М.-Л., 1925.

2. См. напр.: Бак И.С. Михаил Васильевич Ломоносов (К 250-летию со дня рождения) // Вопросы экономики. – 1961. – № 11; Иванов П.В. Великий патриот и гуманист: М.В. Ломоносов о роли народа в историю – Курск, 1961; Перевалов В.А. Вопросы статистики населения и труда в работах М.В. Ломоносова // Вестник статистики. – 1961. – № 11; Птуха М.В. М.В. Ломоносов как статистик // Ломоносов. Сборник статей и материалов. Т. V. – М.-Л., 1961.

3. См.: Лысцов В.П. М.В. Ломоносов о социально-экономическом развитии России. – Воронеж, 1969.

4. См.: Проект П.И. Шувалова 1754 г. «О разных государственных пользы способах» // Исторический архив. – 1962. – № 6; Проект нового Уложения, составленный Законодательной комиссией

1754-1766 гг. // О состояниях поданных вообще. – СПб., 1893.

5. Здесь и далее цитаты даны по первоисточнику «Письмо к его высокородию Ивану Ивановичу Шувалову» [Электронный ресурс] – Режим доступа http://sinsam.kirsoft.com.ru/KSNews_312.htm.

6. См.: Сухоплюев И.К. Взгляды Ломоносова на политику народонаселения // Ломоносовский сборник. 1711-1911. – СПб., 1911. С. 190-191; Тихомиров И.А. О трудах М.В. Ломоносова по политической экономии // Журнал Министерства народного просвещения. – 1914. – Кн. 2. С. 251.

7. См.: Тихомиров И.А. О трудах М.В. Ломоносова по политической экономии // Журнал Министерства народного просвещения. – 1914. – Кн. 2. С. 255-256.

8. См.: Лысцов В.П. М.В. Ломоносов о социально-экономическом развитии России. – Воронеж, 1969. С. 242.

9. Проект П.И. Шувалова 1754 г. «О разных государственных пользы способах» // Исторический архив. – 1962. – № 6. С. 107.

Репродуктивные ориентации и поведение семей, имеющих ребенка с онкологическим заболеванием¹

Гусева М.А., Лебедь О.Л., Цейтлин Г.Я.

В 2010 г. проведено анкетирование 798 матерей из разных регионов РФ, имеющих детей-инвалидов в возрасте от 5 до 18 лет с онкологическими заболеваниями в состоянии ремиссии. В статье анализируется влияние на репродуктивное поведение социально-экономических, социально-психологических и социокультурных факторов, личностных особенностей респондентов, а также медицинских характеристик самого заболевания и методов его лечения. Выявлено, что большинство семей, имеющих ребенка с онкологическим заболеванием, консолидируется для борьбы с болезнью; в них отмечается возрастание роли семейных ценностей, отцовства и материнства и, соответственно, потребности в детях. Эти семьи нуждаются в постоянной поддержке с учетом всего комплекса социально-психологических и медико-социальных проблем. Ключевые слова: дети, семья, онкологические заболевания, репродуктивная стратегия.

Guseva M.A., Lebed O.L., Tseitlin G.Ya
Reproductive strategies and behaviour of families with cancer children

In 2010 we conducted the research studies of the families with cancer children including the questioning of 798 mothers from the different regions of the Russian Federation having disabled children with cancer, aged from 5 till 18 years, in the remission. The article gives a detailed analysis of the different factors determining these strategies: socio-economic, socio-psychological and socio-cultural, personal features of respondents, medical characteristics of their children's' diseases and the therapy methods. The research proves that the majority of the families with cancer children consolidate to overcome the difficulties connected with cancer treatment, and their parenthood values increase. Taking into account the whole complex of their medico-social and psychological problems, these families need professional support and special rehabilitation programs.

Key words: children, families with cancer children, cancer, reproductive strategies.

В нашей стране есть целая группа семей, нуждающихся в социальной и психологической поддержке. Это – семьи, воспитывающие детей-инвалидов с онкологическими заболеваниями. Во время длительного лечения ребенка, страдающего одним из самых стигматизированных и мифологизированных в общественном сознании заболеваний, а затем, еще в течение многих лет, осложненных «дамокловым синдромом», семья переживает серию критических периодов, которые условно можно представить как разные этапы. Среди них: постановка диагноза и определение прогноза и терапии, выход ребенка в ремиссию, окончание лечения и выход на поддерживающую терапию (для гемобластозов), проведение калечащей или органосохраняющей операции (для солидных опухолей), отмена химиотерапии, окончание 5-летнего срока ремиссии и снятие инвалидности.

На протяжении многих лет основным вектором сосредоточения усилий таких семей становится лечение и реабилитация ребенка. Все ее члены и, в первую очередь,

мать находятся в состоянии эмоционального стресса, который, как показали психологические исследования, со временем не уменьшается, а, наоборот, нарастает, особенно в период отмены химиотерапии и в последующие 3-5 лет [1]. Нарушается нормальный цикл семейной жизни, изменяются супружеские взаимоотношения, приводя, в одних случаях, к консолидации семьи, а в других – к противостоянию вплоть до серьезных конфликтов и полного разрыва отношений, что подтвердилось и в ходе нашего исследования. Отдаленные последствия перенесенного хронического эмоционального стресса у обследованных женщин часто выражаются в навязчивых воспоминаниях о пережитом; в развитии негативных эмоциональных состояний; стремлении избегать любых событий, чувств, мыслей, ассоциирующихся с психической травмой; неспособности воспроизвести в памяти важнейшие фрагменты психотравмирующих обстоятельств; потере интереса к активной деятельности; а также одиночестве, страхе за будущее ребенка и ощущении «отсутствия завтрашнего дня». Последствием хронического стресса также являются различные психосоматические заболевания.

Стрессогенная ситуация длительной болезни ребенка ведет к разного рода нарушениям нормального функционирования семьи. Например, изменения в сексуально-эротической функции семьи, особенно в период госпитального лечения, формируют проблемы репродуктивного здоровья и поведения родителей и оказывают непосредственное влияние на семейную репродуктивную стратегию. Отказ супругов (прежде всего, матери) от близких отношений принадлежит к наиболее распро-

страненным «искупительным» жертвам. Мама одной 6-летней девочки очень точно сформулировала причину своего отказа от супружеских отношений: «Я боюсь быть счастливой» [1]. Часто также нарушаются взаимоотношения с другими членами семьи (другими детьми, старшим поколением, близкими и дальними родственниками), коллегами, знакомыми. В результате, в семьях происходят кардинальные изменения жизненных стратегий, утрата привычных ценностей и ориентиров, нарушения внутрисемейного равновесия и взаимоотношений, освоение новых социальных ролей, потеря сложившихся годами социальных связей и полное или частичное замыкание на себе [2].

Обнаружены единичные работы отечественных авторов, посвященные исследованию проблем этой специфической когорты семей [3,4,5]. Но практически не изучены вопросы репродуктивного поведения. Стремительные темпы увеличения численности этой категории при одновременно растущей депопуляции и углубляющемся кризисе семьи – девальвация семейных ценностей, элиминирование потребности в детях, непопулярность фамилизма, антиценность материнства и отцовства – делают актуальным углубленное изучение этой проблемы. Анализ полученных данных позволит выявить факторы, влияющие на неполную реализацию норм детности в таких семьях, принять меры для активизации репродуктивного поведения указанной категории населения.

Описываемое исследование выполнено в отделении реабилитации для детей с онкологическими заболеваниями, функционирующем с 1992 г. на базе подмосковного санатория «Русское поле» (главный

врач Б.В.Тесленко). Исследование проводилось с мая 2008 по октябрь 2010 г. Проведено анкетирование 798 матерей из разных регионов РФ, имеющих детей-инвалидов с онкологическими заболеваниями в возрасте от 5 до 18 лет. Цель исследования – изучение поведения семей, имеющих детей-инвалидов с онкологическими заболеваниями, в ситуации эмоционального стресса, выявление роли различных факторов, влияющих на репродуктивные стратегии этой группы семей. Выявлен ряд характеристик, определяющих адаптивные возможности этих семей: социально-экономические, социально-демографические (состав семьи, брачный статус, возраст, образование, взаимоотношения с микро- и макроокружением).

В современных социологических исследованиях репродуктивное поведение россиян анализируется через призму базовых (желаемое, предпочитаемое число детей) и скорректированных репродуктивных установок (ожидаемое число детей), а также причин и факторов, влияющих на формирование репродуктивных предпочтений и ожиданий [6,7,8]. В ходе исследования нами были проанализированы социально-экономические и индивидуально-психологические факторы. Мы также постарались учесть различные показатели, характеризующие онкологическое заболевание ребенка: диагноз, срок ремиссии, перенесенные операции, прогноз и т.д., так как они могут оказывать влияние на изучаемый предмет.

По возрасту респонденты распределены следующим образом: до 30 лет – 13,3%, от 31 до 45 лет – 75,1%, старше 46 лет – 11,6%; средний возраст составил 37 лет (от 24 до 57 лет). Полных семей было 76,0%, неполных – 23,9%

(17,8% – в разводе, 2,8% – матери-одиночки, 3,3% – вдовы). Таким образом, абсолютное большинство опрошенных родителей находилось в активном репродуктивном возрасте, который предполагает высокий уровень социально-экономической адаптации, наличие сформировавшихся поведенческих установок, жизненных стратегий, прочных социальных связей, профессиональных навыков и ценностных ориентаций.

Согласно полученным данным, у респондентов отмечается довольно высокий уровень образования: среднее или среднее профессиональное образование имеет примерно половина всех респондентов (49,4%), высшее образование – 41,1%, незаконченное высшее – 4,9%, и только 4,6% – неполное среднее образование. Шестьдесят две женщины (7,8%) вынуждены были оставить учебу в высших и средних учебных заведениях во время лечения ребенка, 12 из них не планируют продолжить обучение; 30 женщин (3,8%) не прекращали учебу во время лечения ребенка.

Трудовая деятельность большинства наших респондентов претерпела значительные изменения в период лечения ребенка: многие были вынуждены уволиться сами или были уволены работодателем. В настоящее время большинство женщин (66%) работают, среди них 14,3% занимают руководящие должности; 34% респондентов – домашние хозяйки.

По материальному положению 7,4% семей относится к группе с высоким уровнем дохода, 52,6% – со средним, 40% – с низким. Финансовое положение в большинстве случаев отягощается необходимостью использования серьезных финансовых ресурсов для лечения ребенка, при этом в трети семей

матери не работают, и основным источником дохода являются пенсии и пособия, многие семьи живут за счет ведения натурального хозяйства и помощи родителей.

Абсолютное большинство семей имеет отдельный дом или часть дома или собственную квартиру (87,7%), и лишь 12,3% семей не имеют собственного жилья – проживают в коммунальных квартирах, общежитиях, снимают жилье или временно живут у знакомых и родственников.

По количеству детей семьи распределены следующим образом: 298 (37,4%) – однодетные, 396 (49,7%) – двухдетные, 102 (12,9%) – многодетные, из них 14 (1,8%) семей имеют четырех и более детей. Это отличается от распределения по детности в семье в среднем для России, где 65,2% семей с одним ребенком, 28,5% – с двумя детьми, и 6,5% – с тремя и более детьми (по данным Росстата РФ, [9]).

Мы исследовали влияние стрессовой ситуации на взаимоотношения в семье. Среди наших респондентов на изменения во взаимоотношениях с супругом указали 359 женщин – 45% опрошенных. Взаимоотношения между супругами, в основном, анализировались на основании субъективных оценок респонденток. На улучшение отношений указали 202 из 798 (25,3%) опрошенных женщин. В ответах это формулировалось так: *«беда сблизила нас, все остальное ушло на задний план»; «беда сплотила нас, меньше стали ссориться по пустякам»; «мы стали больше разговаривать, обсуждать наши проблемы, жалеть друг друга»; «мы поняли, что только вместе сможем все преодолеть»*. В то же время, в 157 семьях (19,7%) произошли изменения к худшему: в 85 (10,7%) констатировали ухудше-

ние семейного климата, в 16 (2%) супруги перестали поддерживать отношения, а 56 (7%) женщин считают, что их развод напрямую связан с заболеванием ребенка. Однако, проанализировав ответы, мы пришли к выводу, что онкологическое заболевание ребенка стало причиной разводов в гораздо большем числе случаев, чем указано респондентами: «горе стал заливать алкоголем, а теперь не может остановиться», «его нервная система не выдержала нагрузки, он запил», «сильно нервничал, в такие минуты поднимал на меня руку», «налаживал свою личную жизнь, пока мы с ребенком лежали в больнице», «испугался трудностей с больным ребенком, стал много пить, скандалить при детях, что вынуждало нас ночью уходить из дома», «часто был подавлен и обвинял в болезни ребенка меня и моих родных», «ушел в себя, перестал интересоваться здоровьем и жизнью ребенка» и т.д. Как видно из приведенных цитат, все возникшие в семьях проблемы, в конечном итоге, спровоцированы онкологическим заболеванием ребенка, при этом сами респондентки эту связь отрицали.

Таким образом, из числа женщин, находившихся в первом браке, развелись после установления диагноза 85 (16%), во втором браке – 21 (23,3%).

Анализируя внутрисемейные отношения, мы можем отметить, что абсолютное большинство респондентов позитивно оценивают эти отношения: 13,5% считают свою семью очень крепкой – «у нас все хорошо», или достаточно крепкой («есть конфликты, но мы любим друг друга») – 77,6%, но 8,9% родительских пар находятся на грани развода.

В числе жизненных ценностей

наших респондентов приоритет имеют: «быть здоровыми» – 98,1%, «быть хорошей матерью» – 97,3%, «заниматься воспитанием детей» – 94,5%, «заботиться о здоровье близких» – 91,3%, «проводить свободное время со своей семьей» – 90,5%. Для сравнения – «занимать достойное положение в обществе» – оказалось важным лишь для 35% женщин, а «иметь достойную зарплату» – для 72,1%. Таким образом, у семей, имеющих в своем составе ребенка с онкологическим заболеванием, в системе жизненных ценностей зафиксирована более высокая значимость семейных ценностей и ценности здоровья. Отсюда, можно надеяться на большую степень реализации имеющейся у респондентов потребности в детях. Детальный анализ репродуктивных установок показал довольно высокий репродуктивный потенциал: показатели среднего идеального числа детей (коэффициент 2.5), среднего желаемого (2.6) и среднего ожидаемого (2.1) выше, чем в аналогичных современных отечественных социологических исследованиях [10,11,12,13]. Важно, что величины показателей больше (равны) 2.1 – уровня, обеспечивающего простое воспроизводство населения. Если сравнить показатели желаемого числа детей в нашей группе и группе, участвующей в опросе фонда «Общественное мнение» (2006 г.) [14], доля наших родителей, которые хотели бы иметь двух детей, если бы у них были для этого «идеальные условия» выше (49,1%) чем в группе фонда (40%), трех детей – почти вдвое выше (37,9% против 22%), четырех и более детей – ниже (9,9% против 12%).

Соотношение желаемого и ожидаемого числа детей в нашей группе респондентов свидетельствует о том, что только половина рес-

пондентов (19,6%) из тех, кто хотел бы иметь 3-х детей (37,9%), собираются в полной мере реализовать свою потребность, остальные ограничивают себя одним или двумя детьми (табл.1).

Одним из наиболее значимых условий для рождения ребенка является репродуктивное здоровье родителей [11]. Между тем, в ходе исследования выявлено значительное ухудшение здоровья, в том числе репродуктивного, в этой группе женщин, а 100 человек (12,5%) указали на невозможность забеременеть; у 34 респонденток нарушения репродуктивной функции не имели установленной причины, что дает основание предполагать у них психогенное бесплодие.

Известно, что «самоотказ» женщины от рождения ребенка может привести к бесплодию, которое при отсутствии органических нарушений в репродуктивной системе квалифицируется как психогенное. Причиной «отказа» может быть психотравмирующее событие, осознанный или вытесненный в область бессознательного страх. Наиболее часто переживаемой эмоцией в группе обследованных женщин был страх рождения еще одного ребенка с онкологическим заболеванием вследствие возможных наследственных рисков (на это указали более 30% женщин). О доминировании такого рода страхов говорили и респондентки, добровольно решившиеся на стерилизацию.

Об ухудшении репродуктивного здоровья также свидетельствует анализ исходов беременностей в группе обследуемых женщин, имевших место во время и в период после окончания лечения ребенка. Всего имели место 238 беременностей, из них 96 – в период лечения ребенка, 142 – в пе-

Таблица 1
Распределения по желаемому и ожидаемому числу детей в семье (798 респондентов, 2010 г.)

Вопрос	Число детей			
	1	2	3	4
	Процент ответивших			
«Сколько детей Вам хотелось бы иметь при всех необходимых условиях?» (Желасмое число детей)	3	49.1	37.9	9.9
«Сколько детей Вы собираетесь иметь (включая имеющихся)?» (Ожидаемое число детей)	19.1	58.9	19.6	2.3

Таблица 2
Исходы беременностей в период лечения и после завершения лечения ребенка.

Беременность/исход	В период лечения ребенка	После завершения лечения
Роды	34 (35,4%)	49 (34,5%)
Искусственный аборт	52 (54%)	65 (46%)
Самостоятельный аборт	7 (7,2%)	20 (14,1%)
Мертворождение	2 (2%)	3 (2%)
Беременна сейчас	1 (1%)	5 (3%)
Всего	96 (100%)	142 (100%)

риод после завершения лечения (см. табл. 2).

Как видно из табл. 2, об ухудшении репродуктивного здоровья в обследуемой группе женщин свидетельствует отсутствие роста и удвоение количества самопроизвольных абортов в период после завершения лечения, а также довольно высокий процент мертворождений. Важным представляется и то, что из всех искусственных абортов, произведенных женщинами после постановки онкологического диагноза ребенку, 16 были сделаны по совету лечащего врача ребенка, что могло также усилить тревогу родителей по поводу возможных наследственных рисков и страх онкологического заболевания у будущего ребенка. 11 детей появились на свет по совету лечащих врачей – это были дети, которые в случае рецидива заболевания могли бы стать донорами костного мозга для своего брата/сестры.

Вопрос о том, к каким специалистам женщины обращались во время беременности и к кому хо-

тели бы обратиться, выявил несоответствие между желанием получить квалифицированную помощь и существующей возможностью консультации у генетика, психолога, психотерапевта. Например, к генетику обратились бы более 26% всех обследуемых респондентов, если бы у них была такая возможность.

Таким образом, большое количество сделанных абортов, намного превышающее количество деторождений, слепое следование советам лечащих врачей прервать беременность не по медицинским, а по «житейским» показаниям, наряду с желанием иметь больше детей и выраженной мотивацией обращения в генетическую консультацию, еще раз подтверждает наше понимание главной причины родительских страхов – возможность повторения онкологического заболевания у другого ребенка. Об этом свидетельствует тот факт, что только 28% респондентов выразили уверенность, что у них родится здоровый ребенок. Остальные не уверены в этом,

хотя придерживаются мнения большинства респонденток (97,9%), что «рождение и воспитание детей – самое главное в жизни».

Вопрос об изменении репродуктивных ориентаций под влиянием онкологического заболевания ребенка был задан респонденткам напрямую: «Повлияла ли на Ваше желание иметь или не иметь еще детей болезнь Вашего ребенка?» Считают, что болезнь повлияла 348 (43,6%) женщин, из них 163 респондентки (20,48%) откладывают вопрос о возможном деторождении на неопределенный срок, 99 (12,4%) сильнее захотели родить еще одного ребенка, 86 (24,7%) решили никогда больше не иметь детей.

С целью выявления факторов, скорректировавших репродуктивные планы семей, проанализированы социально-экономические и индивидуально-психологические характеристики семей, изменивших репродуктивные намерения: возраст, семейное положение, уровень дохода, жилищные условия, количество имеющихся детей, образование, отношение к религии и аборту, а также диагноз и особенности течения заболевания (перенесенные операции, срок ремиссии).

Как видно из табл. 3, решение никогда не иметь ребенка тесно связано с возрастом. Процент женщин, решивших никогда не иметь детей, максимальный в старшей возрастной группе; хотя в этой же группе наименьшее количество женщин, решивших обязательно родить еще одного ребенка. Подобное решение максимально в группе женщин среднего возраста. Обращает на себя внимание, что в младшей, средней и старшей группах велик процент женщин, либо отложивших на неопределенный

срок рождение ребенка, либо решивших никогда больше не рожать детей, соответственно, 76,5%, 69,5% и 82,1%.

Между семейным положением и репродуктивными планами родителей в нашем исследовании связь мало выражена. Так, получены очень близкие показатели в группах, находящихся в браке и в разводе: среди решивших родить еще одного ребенка – 30,5% и 26,1%; среди решивших больше никогда не иметь детей – 24,7% и 19,6%; и среди решивших отложить рождение на неопределенный срок – 44,8% и 54,3% соответственно.

Проанализирована зависимость репродуктивных планов семей от их социально-экономических характеристик: материального положения и жилищных условий. По нашим данным среди респондентов, изменивших репродуктивную стратегию под влиянием онкологического заболевания ребенка (348 женщин), чем выше доход, тем больше доля женщин, реализующих стратегию рождения ребенка – 48,0% с высоким уровнем, 28,2% со средним и 26,2% с низким уровнем дохода соответственно. И, наоборот, стратегию «никогда не иметь больше детей» выбирали чаще семьи с более низким уровнем дохода – 12,1%, 24,3% и 27,7%, соответственно. Другими словами, чем лучше условия реализации имеющейся потребности в детях, тем сильнее желание родить ребенка и слабее решение не иметь ребенка.

При анализе возможной связи между выбором определенной репродуктивной стратегии и их жилищными условиями показано: стратегию родить еще одного ребенка одинаково реализуют как семьи, имеющие отдельное жилье (квартира, дом), так и не имеющие его (коммуналка, общежитие,

Таблица 3
Выбор репродуктивной стратегии в разных возрастных группах респондентов.

Репродуктивная стратегия	Возрастные группы		
	Младшая 20-30 лет (%)	Средняя 31-45 лет (%)	Старшая старше 45 (%)
Сильнее захотели родить ребенка.	23,5	30,5	17,9
Решили пока не иметь детей	60,8	45,7	32,1
Решили никогда не иметь детей.	15,7	23,8	50,0

Таблица 4
Зависимость выбора репродуктивной стратегии от уровня образования респондентов.

	Уровень образования			
	неполное среднее	среднее/среднее профессиональное	незаконченное высшее	высшее
Сильнее захотели родить еще ребенка.	15,8	24,8	7,7	35,8
Решили пока детей не иметь.	52,6	46,7	76,9	43,9
Решили никогда не иметь детей.	31,6	28,5	15,4	20,3

съемное жилье).

Из данных табл. 4 видно, что стратегию «родить» поддерживает вдвое большее количество респондентов с высшим образованием по сравнению с таковыми, имеющими неполное среднее образование. Альтернативная стратегия «никогда не иметь детей» встречается в 1,5–2 раза чаще среди женщин с неполным средним образованием, по сравнению с респондентками, имеющими высшее или незаконченное высшее образование. Подобная связь между образованием и репродуктивными намерениями не согласуется с обратной корреляцией между фактической детностью и уровнем образования родителей [6], а также между репродуктивными ориентациями и образованием. Однако при одинаковом уровне потребности в детях стремление родить ребенка сильнее там, где лучше условия реализации этой потребности. Более высокое образование улучшает условия

реализации потребности в детях.

Проанализирована возможная связь репродуктивного поведения с вероисповеданием респондентов. В группах мусульман и православных христиан доля женщин, сильнее захотевших ребенка, меньше, чем в группе атеистов: 25%, 28,2% и 35,3%, соответственно. Среди тех, кто пока не определился – 57,1%, 47,1% и 38,2%, соответственно; доля женщин, решивших никогда не иметь детей: 17,9%, 24,6% и 26,5%, соответственно. Мы считаем, что к приведенным выше данным следует относиться с большой осторожностью, так как углубленный анализ отношения наших респондентов к религии показывает, что среди тех, кто причисляет себя, например, к православному христианам, очень маленький процент истинно верующих людей. Об этом косвенно свидетельствует анализ ответов на следующий вопрос – «отношение к аборт» – так как решение это-

Таблица 5

Связь между выбранной репродуктивной стратегией респонденток и их предполагаемым действием в случае незапланированной беременности.

Репродуктивная стратегия	В случае незапланированной беременности			
	Родила бы	Сделала бы аборт	Не знаю	Всего
«Сильнее захотели еще ребенка»	68 /81%	16 /19%	0	84/100%
«Решили пока детей не иметь»	93 /68,4%	43/31,6%	0	136/100%
«Решили никогда не иметь детей».	19 /27,1%	50/71,4%	1/1,5%	70/100%
Итого	180 /62%	109/37,6%	1/0,4%	290/100%

го вопроса связано, в первую очередь, с религиозной традицией.

В зависимости от отношения к религии выделено 4 группы: атеисты, православные христиане, мусульмане, лица, исповедующие другие религии. Допускают аборт: атеисты - 84,6% православные - 74,2%, мусульмане - 66,7% , другие религии - 41,7%. Отметим, что к ответам участников социологического исследования на такие деликатные вопросы, как отношение к абортам, надо также относиться с большой степенью осторожности.

Проанализирована связь между выбранной репродуктивной стратегией респонденток и их отношением к незапланированной беременности (табл. 5).

Из данных табл. 5 видно, что среди респонденток, решивших «никогда больше не иметь детей», 27,1% все же будут рожать в случае незапланированной беременности; 68,4% женщин из группы отложивших решение вопросов о деторождении, также родят ребенка, а 19% из группы женщин, сильнее захотевших ребенка, делают аборт. Интересно, что соотношение респонденток, которые в случае незапланированной беременности родят ребенка и тех, кто прервет беременность, одинаковое в обеих группах женщин: в группе, считающей свои репродуктивные намерения изменившимися и

в группе, где планы не менялись (63% и 37%).

Таким образом, к группе женщин, завершивших свои репродуктивные планы, и решивших больше детей не иметь, следует отнести лишь 50 человек (17,2% от всех, изменивших свои репродуктивные намерения в связи с болезнью ребенка и ответивших на вопрос о незапланированной беременности).

Нами было проанализировано также возможное влияние различных социально-экономических и индивидуальных факторов на выбор респондентками аборта в случае незапланированной беременности: 85% уже имеют двух и более детей, 35% по уровню доходов находятся за чертой бедности, 22,5% находятся в разводе, 18% указали на плохие отношения с мужем, 14% имеют серьезные проблемы со здоровьем, 9% не имеют отдельного жилья, 5% пережили сильный стресс в связи со смертью ребенка (другого, не страдающего онкологическим заболеванием), 58% указали на страх, связанный с возможностью наследственных рисков онкологического заболевания. Как видно, решение об аборте чаще связано не с одной, а с комбинацией из нескольких указанных респондентками причин.

Нами проведен анализ возмож-

ной связи характера опухоли у ребенка и репродуктивной стратегии родителей. Доля родителей, твердо решивших родить еще одного ребенка, составила 30,1%, 26,5%, 20,4% и 30,8% в группе лейкозов, лимфом, солидных опухолей (без ОГМ), ОГМ, соответственно. Противоположную стратегию приняли: 22,7%, 30,6%, 28,6% и 23,1% родителей детей с лейкозами, лимфомами, солидными опухолями и ОГМ, соответственно. Таким образом, не выявлено существенной зависимости репродуктивной стратегии от формы опухоли.

Установлено, что репродуктивные намерения семей никак не зависят от срока ремиссии. Только в группе респонденток, чьи дети находятся в ремиссии 10 и более лет, значения отличаются от других групп: доля женщин, сильнее захотевших детей, в этой группе меньше, а тех, кто решил детей пока не иметь, больше, чем в группах с другим, более маленьким сроком ремиссии. Возможно, это связано с тем, что женщины, имеющие детей со сроком ремиссии от 10 лет и больше, скорее всего, находятся в третьей возрастной группе от 46 лет и старше, и поэтому их репродуктивные планы по большей мере завершены.

Таким образом, в работе проанализированы социально-экономические и индивидуально-психологические факторы, влияющие на репродуктивные намерения семей, имеющих в своем составе ребенка с онкологическим заболеванием. Детальный анализ базовых и измененных репродуктивных намерений респонденток показал высокий репродуктивный потенциал, который оказался выше, чем в аналогичных современных отечественных социологических исследованиях. У обследованных семей

отмечается выраженная просемейная направленность – семья, дети, здоровье родных в системе приоритетов находятся на ведущих позициях. Большинство семей, имеющих ребенка с онкологическим заболеванием, консолидируется в ситуации борьбы с тяжелой болезнью ребенка и необходимостью концентрации моральных, психологических и финансовых ресурсов.

Хронический эмоциональный стресс оказывает существенное негативное влияние на репродуктивную функцию женщин. В связи с этим уже на этапе первичной госпитализации и постановки онкологического диагноза необходим целый комплекс профилактических мер, направленных на раннюю диагностику и лечение психосоматических и нервно-психических расстройств у матери больного ребенка. С целью снижения уровня страха по поводу наследственных рисков онкологического заболевания, требуется организация медико-генетического консультирования семей в онкогематологических центрах. Необходимо также психологическое сопровождение родителей и применение психотерапии на всех этапах специализированной помощи для снижения интенсивности стресса и уменьшения стрессиндуцированных нарушений здоровья.

Литература

1. Писаренко Н.А., Психологическая адаптация семьи ребенка с онкологическим заболеванием на этапе ремиссии // Российский вестник перинатологии и педиатрии, 1998, № 3, с.39-41.
2. Кулагина Е.В., Адаптация семей с детьми-инвалидами к современным экономическим условиям, // Автореф. диссертации на соискание ученой степени канди-

дата наук, М., 2004, с. 24.

3. Силласте Г.Г., Социальная адаптация семей, имеющих детей с онкологическими заболеваниями // Материалы I Всероссийской конференции «Социальные и психологические проблемы детской онкологии», М., 1997, с. 73–78.

4. Бялик М.А., Агапова Н.С., Моисеенко Е.И., Цейтлин Г.Я. Социальная реабилитация детей с онкологическими заболеваниями и их семей через проведение социально-правового консультирования // Материалы I Всероссийской конференции «Социальные и психологические проблемы детской онкологии», М., 1997, с. 68–71.

5. Цейтлин Г.Я., Урядницкая Н.А., Писаренко Н.А., Николаева В.В., Моисеенко Е.И. Особенности родительского отношения к детям, перенесшим онкологическое заболевание // Журнал «Паллиативная медицина и реабилитация», М., 1998, №2-3, с. 170.

6. Архангельский В.Н., «Факторы рождаемости», гл. «Различия в рождаемости и репродуктивном поведении в зависимости от уровня образования», М., 2006, с. 97–114, с. 399.

7. Бодрова В.В., Репродуктивное поведение как фактор депопуляции в России // Социологические исследования, М., 2002, № 6. - С.96-102.

8. Антонов А.И., Современные особенности репродуктивного поведения: снижение репродуктивных установок и ориентаций // Мониторинг демографической ситуации в российской Федерации и тенденции ее изменения, М., 2008, с. 113-157.

9. http://www.gks.ru/doc_2009/deti09_rus.pdf

10. Синельников А.Б., Влияние брачности и разводимости на динамику и территориальную дифференциацию рождаемости // Мониторинг демографической ситуации в российской Федерации и тенденции ее изменения, М., 2008, с. 35-65.

11. Антонов А.И., Медков В.М., Синельников А.Б., Лебедь О.Л., Новоселова Е.Н. Репродуктивное здоровье российских женщин в контексте целей демографической политики (по материалам всероссийского опроса, 2007г.) // Социальная функция государства, М., 2007, 444-455.

12. Антонов А.И., Медков В.М., Архангельский В.Н. Демографические процессы в России XXI века, М., 2002, с.86.

13. Мониторинг демографической ситуации в российской Федерации и тенденции ее изменения, М., 2008, с. 113-157.

14. Вовк Е. Количество детей в семье: установки и репродуктивное поведение (На материале Общероссийского опроса населения от 20–21 мая 2006 года (100 населенных пунктов, 44 субъекта РФ, 1500 респондентов)). // Социальная реальность, 2007, № 1, с. 20-26.

Ссылки:

1 Исследование проведено при поддержке РГНФ, проект РГНФ 10-03-00243а, «Социокультурные модели семей в контексте демографической политики: особенности репродуктивного и социализационного поведения»

Демографические концепции российских социологов (М.Ковалевский, К.Тахтарев, П.Сорокин) на рубеже XIX XX веков

Злотников А.Г.

Рассматриваются методологические подходы демографических концепций М. Ковалевского, К. Тахтарева, П. Сорокина и генезис их демографических взглядов. Анализируется сущность плюралистической социологии М. Ковалевского – теории факторов на генезис семейных отношений. Рассматриваются взгляды К. Тахтарева по семейно-брачным отношениям исходя из генезиса и эволюции одних социальных институтов во взаимосвязи с другими общественными формами. Анализируются положения теории «социокультурного сцепления», кризиса семьи, динамики социокультурных и демографических процессов П. Сорокина. Раскрываются основные идеи концепции экономики «семья-хозяйство», ее взаимосвязь с концепцией А. Чаянова.

Ключевые слова: теория факторов, эволюция семейно-брачных отношений, кризис семьи, демографические процессы, демографический кризис, «социокультурное сцепление», социальная организация, крестьянская семейственность, «корневая семья», дезинтеграция общечеловеческих ценностей.

Zlotnikov A.G.

Demographic Concepts of Russian Sociologists (M.Kovalevsky, K.Tahtarev, P.Sorokin) on the Border of XIX – XX centuries

Methodological approaches of M. Kovalevsky's, K. Tahtarev's, P. Sorokin's demographic concept and the genesis of their demographic views are regarded. The essence of M. Kovalevsky's pluralistic sociology – theory of factors in the genesis of family relations is analyzed. Views of K. Tahtarev's on family and matrimonial relations regardedly to the genesis and evolution of social institutions in connection with other social forms are regarded. Sorokin's headlines theory of "sociocultural cohesion", family crisis concept of sociocultural and demographic processes dynamics are analyzed. The main ideas of economy concept "family-household" and its interconnection with A Chayanov's concept are outlined. Key words: theory of factors, evolution of family and matrimonial relations, family crisis, demographic processes, demographic crisis, "sociocultural cohesion", social organization, peasant familing, "root family", disintegration of human values.

Сегодня, как и 750 лет тому назад, в эпоху создания «Слова о полку Игореве», как и 250 лет тому назад, когда М.В. Ломоносов предлагал свой проект «О размножении и сохранении российского народа» нас волнует демографическое будущее славянского этноса. Нас беспокоят депопуляционные процессы в Беларуси, России и Украине, которым следует поставить преграду, проводя активную пронаталистскую политику.

Формирование научных знаний о демографическом развитии в России началось на рубеже XVII–XVIII вв. Интересно, что одним из первых демографических законодательных актов России был посвящен проблеме качества населения. Это был изданный в апреле 1722 г. Указ Петра I «О свидетельствовании дураков в Сенате», а также последующее (декабрь 1723 г.) решение Сената о проведении такого освидетельствования. Его необходимость была вызвана уклонением некоторых дворянских детей от обучения и государственной службы под предлогом юродства и слабоумия от рождения. Этими законодательными актами решались две задачи. Одна из них – выявление настоящих психических больных в дворянских семьях

с последующим государственным наблюдением над имуществом сумасшедшего и запретом таким людям вступать в брак. И вторая – выявление дворянских детей, уклоняющихся от государственной, воинской службы и обучения.

Те проблемы, которые волновали российскую общественность XVIII века и остающиеся злободневными и ныне, отразил Михаил Васильевич Ломоносов. Это его письмо к графу И.И. Шувалову (от 1 ноября 1761 г.) «О размножении и сохранении российского народа» [1], в котором М.В. Ломоносов среди важнейших социально-экономических и политических проблем (о размножении и сохранении российского народа; об истреблении праздности; об исправлении нравов и о большем народе просвещении и др.), подлежащих разработке, выделяет проблемы демографического характера. Но, к сожалению, данные его размышления были опубликованы только в XIX в.

Наиболее активно демографические проблемы стали исследоваться в России социологами на рубеже XIX – XX веков. Прежде всего существенный методологический интерес представляют

взгляды М.М. Ковалевского, К.М. Тахтарева и П.А. Сорокина. Хотя их демографические концепции и методологические позиции и различаются, но сквозной мыслью их является понимание доминирующей роли социокультурных и социально-экономических факторов в демографических процессах.

Первый российский профессиональный социолог европейского масштаба, современник Э. Дюркгейма и М. Вебера, Максим Максимович Ковалевский различные аспекты демографических проблем рассматривает в следующих своих работах: «Современный обычай и древний закон» (Вып. 1-2, 1886 г.), «Первобытное право» (Вып. 1-2, 1886 г.), «Закон и обычаи на Кавказе» (Т.1-2, 1890), «Экономический рост Европы до возникновения капиталистического хозяйства» (Т. 1-3, 1898-1903 гг.), «Развитие народного хозяйства Западной Европе» (1899 г.), «Современные социологи» (1905 г.), «Социология» (Т. 1-2, 1910 г.), также в лекциях в Стокгольмском университете «Очерках происхождения и развития семьи и собственности» (1890 г.) и частично в других работах.

Основой социологической концепции М. Ковалевского, в т.ч. и в отношении демографических процессов был плюралистический подход, о чем он писал в предисловии к своей книге «Современные социологи»: «Я думаю, что выражу не только кратко, но и весьма определенно мою заветную точку зрения, сказавши, что социология в значительной степени выпирает от того, что забота об отыскании фактора, да вдобавок еще первичного и главнейшего, постепенно будет исключена из сферы ее ближайших задач, если в полном соответствии со сложностью общественных явлений она огра-

ничится указанием на одновременное и параллельное воздействие и противодействие многих причин» [2, с. 14].

Современники М. Ковалевского его труд «Экономический рост Европы до возникновения капиталистического хозяйства» (на русском языке вышло три тома, а на немецком – 7 томов, последний в 1905 г.) ставили в один ряд с работами К. Маркса, Г. Зиммеля и В. Зомбарта. С демографических позиций в его структуре плюралистической социологии – теории факторов (позже плюралистическая теория факторов М.М. Ковалевского будет развита его последователем П.А. Сорокиным) – эта его трехтомная работа может рассматриваться и как опыт изучения влияния роста населения на социальную жизнь людей: «важнейшим фактором эволюции (форм народного хозяйства) является в каждый данный момент и в каждой данной стране рост населения, булышная или меньшая его густота, от которой зависит прежде всего выбор форм производства, а затем зависят размеры и порядки фактического владения землей и сам характер общественных отношений» [3, с. 7–8]. И потому он считал главным двигателем экономического прогресса увеличение массы и плотности населения, которое он назвал «демотическим фактором», трактуя его как биосоциальное явление. Вообще для анализа экономического роста Европы население (демографический фактор) выступает в качестве «независимой переменной» сложного функционального ряда: густота населения влечет прежде всего изменения форм народного хозяйства. Говоря о роли различных факторов в демографическом развитии он подчеркивает роль экономического фактора; но в проти-

вовес марксистской концепции этот фактор у него доминирующим выступает только на ранних стадиях развития общества.

Однако абсолютизация факторного подхода не позволила ему сделать анализ населения как элемента обществ. Да, он и не ставил такую задачу, хотя демографическим аспектам он посвятил несколько своих работ. В частности, его «Очерк происхождения и развития семьи и собственности» посвящен, во-первых, характеристике («критике») теорий происхождения и развития семьи, и, во-вторых, анализу генезиса различных форм семьи – прежде всего тому, что «матриархальная, патриархальная и индивидуальная семья были тремя преемственными фазами одного и того же развития» [4, с. 7].

Рассматривая историю разных народов в разные времена в рамках теории прогресса («без идеи прогресса не может быть и социологии» утверждал М.М. Ковалевский), он анализирует периоды их развития, а также исследует причины эволюции семьи: «Я полагаю, что довольно ссылки на факты тождества физической и психической природы людей и на вероятность развития их способностей под влиянием приспособления или воспитания, чтобы объяснить причины по которой на значительных расстояниях, временных и пространственных, могут повторяться, если е те же, то однохарактерные общественные явления». В этой связи его заслугой прежде всего является ввод в анализ развития семейных отношений разнообразного этнографического и исторического материала тогдашних российских – кавказских народов, а также, что было отмечено при характеристике социолого-демографической концепции О. Конта, форм семей-

ных отношений Востока, игнорирование которых составило ошибку Огюста Конта [5, с. 12].

В доработанном сочинении «Происхождение семьи, частной собственности и государства» Ф. Энгельс ссылается на серию лекций М.М. Ковалевского в Стокгольмском университете, первоначально вышедшей французском языке в 1890 г., а также на еще более раннюю его книгу «Первобытное право». Он высоко оценивает исследование М.М. Ковалевским исторической роли большой семьи, или патриархально-семейной общины, как формы разложения рода: «мы обязаны Максиму Ковалевскому доказательством того, что патриархальная домашняя община образовали переходную ступень от семьи, возникшей из группового брака, основанной на материнском праве, к индивидуальной семье современного мира» [6, с. 61-62].

Его исторический анализ семейно-брачных отношений основывается на так называемом *генетическом принципе*, который требует рассмотрения социального генезиса и эволюции одних социальных институтов в связи с прочими общественными формами: государственные институты развиваются в связи с развитием семьи, рода, собственности и психической деятельности. В свою очередь, семейные отношения, демографические процессы функционируют в связи с развитием государственных институтов.

Эти положения развил последователь М.М. Ковалевского, первый профессиональный преподаватель социологии в России, Константин Михайлович Тахтарев. Именно по рекомендации Ковалевского Тахтарев стал первым профессором социологии. Семейные отношения, во-первых, он выво-

дил из чувственных половых отношений, в которых «имеет большое значение удовлетворение потребностей осязания и телесное слияние с другим существом» [7, с. 58]. Во-вторых, в этих отношениях важное место принадлежит любви: «конечно, в нашей нравственно-волевой жизни нами двигают наши собственные потребности, влечения, стремления и желания. Но чувство любви к другим людям, сочувствие им придает нашим нравственно-волевым движениям и действиям совсем особый характер и отпечаток» [8, с. 60]. В-третьих, К. Тахтарев на этой основе показывает социальную сущность отношений между мужчинами и женщинами: «известная пошлая русская поговорка – «женщина – не человек» – в данном случае не более верна, чем противоположное утверждение, говорящее, что и мужчина – не человек. Ибо взятые в отдельности и мужчина и женщина суть лишь дополняющие друг друга половины одного и того же человеческого существа. В отдельности друг от друга они не способны даже размножаться и продолжать свое существование дальше известного момента, не говоря о том, чтобы жить полной человеческой жизнью. Только взятые вместе, только в общении друг с другом, только в сожитии представляют они собой действительно цельного человека, образующего то семейное сожитие, которое считают настоящей основой всей общественной жизни. Вся наша брачная и семейная жизнь состоит в общении личностей разных полов и возрастов с целью совместного удовлетворения всевозможных потребностей. И это общение представляет собой нечто до того целостное и замкнутое, до того близкое к личности, что некоторые социологи, как

Конт и Ле Пле, утверждали даже, что настоящей, простейшей и мельчайшей общественной единицей следует считать не отдельную личность, а отдельную семью или брачное сожитие, и что человеческое общество состоит не из личностей, а из семей» [9, с. 93]. Но при этом такое «сожитие, хотя и оно проявляется в различных формах брачного и семейного общения его членов, не есть то, что называется обществом» [10, с. 137]. Это и, в-четвертых, о роли, соотношении семьи и общества, которая в традиционной современной формулировке гласит, что семья является первичной ячейкой общества.

И наконец, в-пятых, К. Тахтарев, как и большинство мыслителей его времени, уделяет внимание генезису брачных отношений и роли тех или иных факторов этого генезиса: «В области генетической жизни, брачной и семейной, мы видим различные отношения, которые возникают на почве различных форм брачного и семейного общения людей» [11, с. 554]. Так, «брачная жизнь может служить в этом отношении не менее наглядным и поучительным примером. И в этой области мы видим то же господство обычаев, которые в данном случае свидетельствуют об упорядоченности брачной жизни людей. Новые брачные отношения возникают на почве новых форм брачных отношений людей. Таковы различные формы брака: группового брака, многоженства, единобрачия. Все эти формы точно также носят вначале как бы случайный характер действий отдельных людей, которые руководятся лишь своими страстями. Не менее случайный характер носят вначале и общественные отношения, возникающие на этой почве. По мере того как отдельные случаи

новых брачных отношений и группировок повторяются, они входят в жизнь. Известная степень повторяемости делает их новым обычаем. Новые брачные отношения, конечно, не встречают себе сочувствия со стороны большинства тех, которые держатся старых брачных обычаев. Против новых брачных отношений обыкновенно начинается борьба; она делит их сторонников и противников на две враждебные общественные группы людей, относящихся сознательно к новому явлению в брачной жизни сообщественников. Но, в конце концов, новые обычаи в области половой и семейной жизни упорядочиваются общественной властью, не только получают общественное признание, но и превращаются в настоящие общественные учреждения. Они заменяют собою старые брачные отношения и означают совершенно новый уклад данной стороны жизни» [12, с. 513-514].

Среди новых форм отношений, роли тех или иных факторов К. Тахтарев выделяет любовь: «Как часто даже брачная жизнь богачей уродуется из-за извращенной, ненасытной страсти к дальнейшему обогащению. Как часто потребность в личной любви принисится в жертву большим материальным удобствам и роскошествам жизни. Брак по расчету есть явление общее почти всем слоям общества. Но что значит брак по расчету, как не господство других сторон жизни над потребностью личной любви. Таков обычный уклад жизни людей, для которых жертвование материальными благами жизни ради брака по любви является не правилом, а исключением» [13, с. 518]. Вместе с тем, говоря о целостном соотношении различных сторон человеческой жизни, где «экономическая сторона

*П. А. Сорокин
в период выборов
в Учредительное собрание.
1917 г.*

имеет первенствующее значение», «поскольку последние обуславливают собой другие области жизни», он утверждает, что «стоит только произойти какому-нибудь крупному изменению в области экономической жизни, оно неизбежно отражается и на семейной, и на умственной, и на политической сторонах жизни людей. Распространения обмена, денежного хозяйства, машинизма, крупного производства неизбежно внесли изменения не только в экономическую жизнь. Они повлияли не менее неизбежным образом и на формы брака ... Они сделали невозможным прежние формы крепостничества, прежнюю степень подчинения женщины мужчине; детей власти отца» [14, с. 521]. В свою очередь «уплотнение населения и увеличение потребностей

бесспорно возбуждают и усиливают технико-экономическую деятельность людей, которая является первенствующим фактором общественной жизни» [15, с. 522].

Анализ демографических процессов в теории П. Сорокина занимает видное место. Их трансформацию он рассматривал через тенденции, характерные для кризисных эпох. Эта связь кризисной эпохи и демографических процессов рассмотрена им, во-первых, на материалах революции, во-вторых, на генезисе аграрного сектора общественной жизни, и, в-третьих, на динамике социокультурных процессов. Первая отражена в работах «Социология революции», «Голод как фактор. Влияние голода на поведение людей, социальную организацию и общественную жизнь»; вторая – в совместной с Карлом Циммерманом «Принципах социологии города и села»; третья – в «Кризисе нашего времени».

Анализ П.А. Сорокиным многочисленных социальных фактов позволяет ему выделить «ритмику» исторических событий. Эти ритмы социальных явлений являются его фирменным знаком. Именно с позиций социологического историзма в «Элементарном учебнике общей теории права в связи с учением о государстве» он рассматривает правовые аспекты демографических процессов, отражающие «освобождение личности от уз касты, сословия, класса, церкви, семьи и государства»: «Раньше личность была поставлена под опеку семьи. Выйти из-под нее она не могла. Дети опекались родителями, женщины – мужчинами, все члены – главой семейства. Связь родителей с детьми была принудительной, связь мужа с женой также, формы брака обязательны, развод недопустим.

На протяжении истории и в этой области произошли громадные изменения, сводившиеся к освобождению личности от принудительных связей семьи. Женщина освободилась из-под опеки мужа, дети также. Власть родителей над ними сведена до минимума ... Точно также ослабляется и принудительная связь родителей и детей, мужа с женой. Современное семейное законодательство увеличивает свободу развода и предоставляет супругам возможность разорвать мучительную для них принудительную связь. Короче, и здесь принудительная связь заменяется добровольной. И здесь личность уничтожает те формы семьи и брака, которые связывают ее, с одной стороны, с другой – перестали быть общественно полезными. Ко многим формам самоназначения наше время присоединила добавочную: «*семейное самоопределение личности*» [16; 200].

Демографическая концепция П. Сорокина, изложенная им в «Социологии революции», а также «Голод...», противоположна той «марксистской» концепции, которая была представлена в популярном учебнике Н.И. Бухарина по марксистской социологии «Теория исторического материализма». Сорокин, критикуя монизм Бухарина, в основу своей аргументации берет сложный многофакторный характер демографических процессов. Если Н. Бухарин в качестве фактора, определяющего демографическое развитие рассматривает только уровень развития производительных сил, то П. Сорокин указывает и на влияние других факторов. Говоря о развитии производительных сил, он отмечает, что они не только влияют (хотя и не всегда) на демографические процессы, но и сами де-

мографические процессы влияют на уровень и развитие и производительных сил. В частности, Сорокин пишет, что кроме (а) состояния производительных сил «играет роль и раса (б), и характер природной среды (в), и характер рефлексов населения (г) и т.д.». И он констатирует, что «из изучения о равновесии общества следует, что для существования его необходимо не только воспроизводство средств производства, но и самих людей, иначе общество вымрет. А отсюда следует роль демографического фактора». Однако «не всегда рост производительных сил влечет рост населения. Но не столь ли же верно и обратное положение, гласящее: быстрота размножения, степень плотности и количества населения обуславливают и движение производительных сил ... мы здесь имеем отношение взаимозависимости и демографического фактора» [17; 213-214].

Существенным негативным фактором демографических процессов начала XX в. стал голод как результат истребления производительных сил в годы первой мировой войны. В работах «Социология революции», «Голод как фактор» он дал классический анализ демографических последствий голода: «голод и мирная эмиграция»; «голод и война (насильственная эмиграция, иммиграция и захват достояния других стран)» [18; 231-320]. В них демографические показатели рассматриваются в такой последовательности: положительный и отрицательный прирост населения, суицидальная динамика, стратификационная динамика, связанная с изменением качества жизни и ее воспроизводства. Подход, в котором в основу положены демографические показатели социальных изменений, позволя-

ет ему выявить объективные условия не только протекания демографических процессов, но и через них выявить объективные условия возникновения кризисных явлений. Именно демографический кризис у П. Сорокина является, с одной стороны, предвестником глобальных кризисных процессов, а с другой – их результирующим показателем.

В частности, в работе «Социология революции» им сделан детальный анализ изменений поведения людей в революционные эпохи: влияние революции на состав населения, его смертность, рождаемость и брачность. Его выводы основываются на многочисленных фактах не только русской, но и средневековых революций в Европе – английской, французской и германской революций Нового и Новейшего времени.

Основной методологический подход П.А. Сорокина состоит в том, что факты (в духе социологии «социальных фактов» Э. Дюркгейма) являются отправными при анализе социальной действительности: социология «должна отправляться от факта, идти к фактам и кончать фактами. Короче, эта мысль гласит: «Хорошая статистическая диаграмма стоит гораздо больше, чем обширный социально-философский трактат» [19; 534]. Следует отметить, что, несмотря на концептуальные политические разногласия с П. Сорокиным, В.И. Ленин почти аналогично сформулировал задачу (методологическое кредо) социологии: «Подобрать примеры вообще – не стоит никакого труда, но и значения это не имеет никакого, или чисто отрицательное, ибо все дело в исторической конкретной обстановке отдельных случаях. Факты, если взять их в их *целом*, в их *связи*, не только «упрямая», но и,

безусловно, доказательная вещь. Фактики, если они берутся вне целого, вне связи, если они отрывочны и произвольны, являются именно только игрушкой или кое-чем еще похуже» [20; 350]. Питирим Сорокин считает, что «факты – упорная вещь» [21; 391]. В целом, это методологическое значение фактов созвучно положению Генри Бокля, констатировавшего, что «истинное знание состоит не в знакомстве с фактами, которое делает человека лишь факдантом, а в использовании фактов, которое делает его философом».

На основе дюркгеймовского подхода анализа самоубийств П. Сорокин выдвигает концепцию «социокультурного сцепления»: «Когда вся сеть социальных отношений хорошо интегрирована, то тогда существует высокая степень социального сцепления; люди ощущают себя жизненными частями общества, к которому они принадлежат, рассматривая данное общество и культуру как нечто целое» [22; 168].

Важное место в демографических взглядах Питирима Сорокина занимает совместная с Карлом Циммерманом работа «Принципы социологии города и села» (позже вылившаяся в трехтомную «Антологию сельской социологии» [23; 49], в которой упадок сельского уклада связывается с культурным кризисом. Отталкиваясь от общего понимания природы крестьянства в России и фермерства в США, П. Сорокин и К. Циммерман показывают, что семейное хозяйство адекватно сельскохозяйственной организации, в которой дом и работа, земля и семейная общность институализированы в живую систему, которая стремится сохранить себя через поколения. Если система сельской

экономики «семье-хозяйство» сокращается и приходит в упадок, то и семья, занимающаяся фермерством также разлагается, тем самым формируя социокультурную тенденцию к «атомизации семейных отношений», уже не имеющих никаких ограничений. В итоге само общество приходит к своему закату как созидательной ценности.

Рассматривая сельскую социальную организацию в ее функциональных и культурных аспектах, П. Сорокин, как и М. Ковалевский, как и К. Тахтарев, за исходную единицу анализа берет семью как базовую категорию, как базовое социокультурное явление сельской жизни. Крестьянская семейственность выступала фундаментальной чертой социальной и политической организации сельскохозяйственных сообществ. В его исследовании крестьянской семьи как клеточки сельской социальной организации лежат, во-первых, концепция «корневой семьи» Ф. Ле Пле и, во-вторых, семейно-трудовая концепция А. Чаянова, у которого, можно предположить, вероятно, эта идея Сорокиным была позаимствована (попутно, отметим, что П. Сорокин, А. Чаянов и Н. Кондратьев входили в последний состав Временного правительства России. И это их сотрудничество сказалось на восприятии и прочих идей друг друга). Семья П. Сорокиным исследовалась в динамике влияния на них урбанизации, вызвавшей ряд позитивных и негативных последствий: с одной стороны, улучшение уклада жизни, повышение технических возможностей для сельскохозяйственной деятельности, с другой, — ослабление социального контроля, роста преступности, безнравственности и несдержанности.

В качестве альтернативы кризисной семьи им принята концепция «корневой семьи» Фредерика Ле Пле, утверждавшего, что такая семья обеспечивает должным образом родительский контроль: в системе родовой семьи отец и мать выполняли роль духовных наставников. Он стремился обнаружить признаки корневой семьи во всех наиболее значимых периодах человеческой истории. «Корневая семья» представляет собой нечто большее, чем нуклеарная чета мужа и жены; охватывая расширенное родство, она являет собой не просто значимую, а зачастую направляющую и ведущую силу человеческого развития. У Сорокина сила семьи основывается на владении земельным участком и всеми необходимыми условиями для автономного хозяйства: устойчивой привычкой к работе, приобщением к наследственным ценностям, внутренней самодостаточностью для преодоления кризисов, и наконец, устремленностью к рождению и воспитанию детей [24; 16].

В «Кризисе нашего времени» П. Сорокин подчеркнул связь между возрастающим беспорядком, с одной стороны, также сокращением числа детей и атрофией семейных функций — с другой. Утрата семейных функций в ходе движения от «корневой семьи» приводит ко многим последствиям, а в демографическом плане — падению рождаемости. Вопросы населения и вопросы семьи в большинстве своих аспектов совпадают: «население, стабильно уменьшающееся, — считает он, — недопустимым для выживания нации». И потому прямым показателем здоровья нации является высокая рождаемость. Уменьшение размеров семьи явилось результатом урбанизации и «умственной моральной и

физической патологии» городского образа жизни [25; 25]. Если в Америке когда-нибудь будет проводиться политика повышения рождаемости в целях прироста населения, то наиболее эффективной она окажется в сельских районах, считает он. Сорокин и Циммерман соглашались с мнением Вестремарка, рассматривавшем вероятность «исчезновения брака». Последний был убежден, что далее главные функции семьи «будут уменьшаться, пока семья не станет случайным сожителем мужнины и женщины, а дом окажется ночной «парковкой» ради сексуальных встреч» [26; 25]. В таком понимании отражается главнейшее обстоятельство изменения содержания демографических процессов – их взаимосвязь с изменениями в социально-трудовых отношениях.

В целом социолого-демографическая концепция кризиса семьи П. Сорокина рассматривается в контексте кризиса как феномена культуры, как дезинтеграции общечеловеческих ценностей. Особенность демографической концепции П. Сорокина состоит в его акцентировании на нравственно-психологическом аспекте кризиса (дезинтеграции) общечеловеческих ценностей. Во времена кризисов большинство стремится к удовлетворению экономических интересов, меньшинство ориентировано на альтруистическую (в том числе и демографического плана) активность. Преодоление кризиса П. Сорокин видит в перестройке ценностей, среди которых особая роль принадлежит альтруистической любви. Проблема любви была поднята еще Ф. Бэконом, немалую роль ей отводили и О. Конт, и К. Тахтарев. Питиримом Сорокиным Любовь рассматривается как Добро, Истина, Красота, являющиеся высши-

ми формами энергии. Энергия любви – энергия жизни, которая проявляется в предотвращение самоубийств, влиянии на продолжительность жизни, состоянии здоровья, а в целом в воздействии на социальную, культурную жизнь.

Конечно, автор концепции альтруизации не настолько наивен, чтобы довериться власти любви в деле изменения правителей и человечества. Но тем не менее на Любовь в отличие от предшественников, у него возложены великие надежды, прежде всего в деле «морального обновления правительства». В условиях глобального системного кризиса социума никакие отдельные личности не могут его преодолеть; только глобальная целостная переориентация внутри общества – гарант стабилизации общества, его процветания. В демографической сфере это означает проведение политики, ориентированной на создание концентрированной системы ценностей, норм, выступающей материальной, этической основой крепкого брака, укрепления человеческого генофонда.

Таким образом, экскурс в демографическое творческое наследие М. Ковалевского, К. Тахтарева и П. Сорокина, в историю развития социолого-демографического знания в России на рубеже XIX – XX веков выявляет:

Ц рост интереса и понимания сложности демографических процессов и явлений;

Ц многогранность аспектов демографических процессов и прежде всего их взаимосвязь и детерминированность различными явлениями общественной жизни;

Ц сложность предмета социолого-демографических исследований – воспроизводства населения, где выявились различные теоретические направления (анализ собственно де-

мографических процессов, выявление экономических соотношений между различными поколениями и социально-демографическими общностями, анализ взаимодействия демографического производства и социально-экономического развития);

Ц исторический характер демографических процессов, отражающий их «ритмику», их постоянное развитие и изменение;

Ц высокую значимость социологической интерпретации демографических процессов;

Ц предшествующими поколениями российских мыслителей были заложены основы осмысления демографических процессов, имеющие ценное методологическое значение для современного демографического знания.

Важно и то, что, если в Западной Европе была высока озбоченность, идущая от Дж. Ортега, Т. Мальтуса, Д. Рикардо и С.Симонди, «чрезмерным» ростом численности населения, то в России вследствие ее геополитических особенностей в решении противоречивого характера общецивилизационных и национальных аспектов демографического развития решались в пользу национальных интересов России.

Примечания

1. Ломоносов М.В. О размножении и сохранении русского народа. // М.В. Ломоносов. Избранные философские произведения. М., 1950. С. 598-614.

2. Ковалевский М.М. Современные социологии. П., 1905.

3. Ковалевский М.М. Экономический рост Европы до возникновения капиталистического хозяйства. Т. 1. М., 1898.

4. Ковалевский М.М. Очерк происхождения и развития семьи и собственности / пер. с фр. Изд. 2-е, стереотипное. М., 2007.

5. Ковалевский М.М. Очерк происхождения и развития семьи и собственности / пер. с фр. Изд. 2-е, стереотипное. М., 2007.

6. Энгельс, Ф. Происхождение семьи, частной собственности и государства. В связи с исследованиями Льюиса Л. Моргана. // К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 21. С. 23-178.

7. Тахтарев К. М. Социологические труды. Вст. статья, составление А.О. Бороноев. СПб.: РХГА, 2006.

8. Тахтарев К. М. Там же.

9. Тахтарев К. М. Там же.

10. Тахтарев К. М. Там же.

11. Тахтарев К. М. Там же.

12. Тахтарев К. М. Там же.

13. Тахтарев К. М. Там же.

14. Тахтарев К. М. Там же.

15. Тахтарев К. М. Там же.

16. Сорокин Питирим. Элементарный учебник общей теории права в связи с учением о государстве. СПб., 2009.

17. Сорокин П.А. О русской общественной мысли. СПб., 2000.

18. Сорокин П.А. Голод как фактор. Влияние голода на поведение людей, социальную организацию и общественную жизнь. М., 2003.

19. Сорокин П.А. Человек. Цивилизация. Общество. М., 1992.

20. Ленин В.И. Статистика и социология. // В.И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 30. С. 349-356.

21. Сорокин П.А. Система социологии. Т. 2. Социальная аналитика: Учение о строении сложных социальных агрегатов. М., 1993.

22. Сорокин П.А. Человек. Цивилизация. Общество. М., 1992.

23. Столбов В.П. Сельская социология П.А. Сорокина: социологическое эссе // Санкт-Петербургский ежегодник. 2009. СПб., 2009.

24. Карлсон А. Общество – Семья – Личность: Социальный кризис Америки. Альтернативный социологический подход. М., 2003.

25. Карлсон А. Там же.

26. Карлсон А. Там же.

Перспективы прокреационного раздела демографической науки

Реут Д.В.

Рассмотрен прокреационный раздел в составе демографической науки. Обсужден аспект стратегического управления в преодолении демографического кризиса, и исчислен стратегический горизонт европейского государства. Сформулирован структурный инвариант прокреационной состоятельности коллективного субъекта. Представлена концепция прокреационной экономики, базирующаяся на идеях Франсуа Кенэ. Использовано представление человека как двухфокусной категории.

Ключевые слова: демография, прокреация, стратегия, экономика, коллективный субъект, прокреационный капитал, прокреационная рента, Франсуа Кенэ.

Reut D.V.

Perspectives of Demography Science Procreation Partition Procreation partition as a part of demography science is examined. The aspect of strategic control in overcoming of demography crisis is discussed and European state strategic horizon is calculated. The structure invariant of collective subject procreation solvency is formulated. The conception of procreation economy based on Francois Quesnay's ideas is presented. The idea of presentation a human being as two-focus category is used.

Key words: demography, procreation, strategy, economic, collective subject, procreation capital, procreation rent, Quesnay Francois.

Преамбула

Прокреация (от лат. pro – для + creatio – создание, сотворение), в общественных науках – воспроизводство жизни, воспроизводство населения (в отличие от узко-физиологической трактовки). В этом значении термин прокреация¹ употребляется с 2000-х годов в литературе по социальной философии, здравоохранению, философии и социологии здоровья, микроэкономике, макроэкономике. Он звучал на ряде международных конференций², на Первом Российском культурологическом Конгрессе³, Первом Российском Экономическом Конгрессе⁴, фигурировал на страницах ряда рецензируемых социологических⁵, экономических⁶, философских⁷, психологических⁸ журналов.

В рамках классификации европейских наук прокреация может рассматриваться как подраздел демографии (науки «о населении и закономерностях его развития в общественно-исторической обусловленности»⁹).

В составе демографии прокреация как наука призвана заниматься описанием и изучением соци-

Таблица 1

«Среднее число детей на одну женщину в некоторых европейских странах в период с 1921 по 1995 г.¹¹»

Примечание: С 1931 по 1950 – данные по Англии и Уэльсу, с 1950 – по Соединенному Королевству; данные по Германии – до 1946 г. в границах той эпохи, далее – в современных границах; по Советскому Союзу – до 1950 г. в границах того времени, после 1950 г. – в современных границах Российской Федерации».

Годы	Англия	Франция	Германия	Италия	Испания	СССР/РФ
1921-25	2,39	2,42	2,62	3,50	3,96	-
1926-30	2,01	2,30	2,10	3,50	3,75	6,04
1931-35	1,79	2,16	1,84	3,07	3,50	4,53
1936-40	1,98	2,07	2,24	3,00	2,77	4,66
1941-45	2,39	2,11	1,90	2,56	2,72	-
1946-50	2,19	2,98	2,07	2,77	2,68	3,13
1951-55	2,18	2,73	2,16	2,32	2,52	2,51
1955-60	2,49	2,71	2,30	2,35	2,75	2,62
1961-65	2,81	2,85	2,49	2,55	2,89	2,48
1965-70	2,52	2,61	2,32	2,49	2,93	2,02
1971-75	2,04	2,31	1,64	2,28	2,89	1,98
1975-80	1,72	1,86	1,52	1,92	2,63	1,92
1980-85	1,80	1,87	1,46	1,55	1,86	1,99
1985-90	1,81	1,80	1,43	1,35	1,46	2,10
1995	1,71	1,70	1,24	1,17	1,18	1,39

ально-экономических процессов и их статистических результатов, механизмов, условий воспроизводства численного состава человеческих общностей, а также его связи с характеристиками общественного здоровья, характеристиками актуализированных на данном этапе исторического развития институтов его охраны и укрепления.

Такая специализация позволяет отделить изучение социально-экономических аспектов процессов рождаемости от изучения процессов миграции и статистики вымирания человеческих общностей. Рассмотрение динамического аспекта статистических данных рождаемости позволяет наблюдать глобальные процессы сосуществования культурно-цивилизационных общностей, фиксировать и прогнозировать феномены демографического наступления и демографического отступления, прокреационного гомеостаза, зарождения и гибели указанных общностей.

Выявляемые в процессе исследований прокреационные законо-

мерности могут быть использованы трансформационными социальными дисциплинами в целях институционального строительства, для построения макроэкономических стратегий, в процедурах прокреационного форсайта и социального дизайна.

В демографических исследованиях, ориентированных на англоязычную литературу, вместо прокреации обычно говорят о «репродуктивном поведении»¹⁰, несмотря на явные коннотации этого последнего термина с кластером психологических наук.

Актуальность прокреационно-демографической проблематики

Актуальность прокреационных исследований продиктована наступлением нового этапа мирового развития, совершившегося тридцать лет назад и «широко известного в узких кругах» демографов. Сошлемся на сопоставительную таблицу для развитых стран Европы из недавно переведенной монографии.

По-видимому, значение коэффициента рождаемости для СССР

за 1926-30 годы в Таблице 1 является завышенным, однако, этот выброс не влияет на дальнейшее изложение.

Простое воспроизводство населения (прокреационный гомеостаз) требует, как известно, коэффициента рождаемости **2,16 – 2,2**. Курсивом мы выделили в таблице значения коэффициента рождаемости, не обеспечивающие простого воспроизводства коренного населения. Нетрудно видеть, что с 1980 годов прокреационный провал развитых стран Европы стал всеобщим. Сегодня демографический тренд указанных стран устойчиво держится ниже критической отметки. В противоположность им, развивающиеся страны традиционных культур (т.е. страны, сохранившие традиционный семейный уклад) не могут сдерживать естественный рост населения. В европейском (в широком смысле, включая США) мире не актуализированы даже концептуальные средства, способные предотвратить косовский сценарий мирового развития.

В фундаментальной монографии известного американского исследователя А. Карлсона¹² надежды на преодоление депопуляции связываются, в основном, с мотивируемым религиозной и национальной традициями возрождением полноценной «корневой» семьи и с домашним образованием. Однако вероятная мощь подобных процессов в современном обществе вряд ли может быть оценена как достаточная для перелома существующего прокреационного тренда. Повернуть историю вспять не удавалось никому. Человек все более и более оискусствляет свои жизненные условия. Поэтому, не отрицая важность возможного вклада отмеченных А. Карлсоном факторов в демографи-

ческое возрождение Европы, мы предлагаем исследовать перспективы усовершенствования системы государственного управления, направленного на рациональное использование прокреационного потенциала страны с целью вернуть значение коэффициента рождаемости в область расширенного воспроизводства коренного населения.

Проблема депопуляции европейского мира и примыкающих к ним стран славянско-православного культурного кластера, включая Россию, не укладывается в рамки ни одной из ныне существующих отдельно взятых дисциплин. Ее решение требует трансдисциплинарных¹³, междисциплинарных¹⁴ и полидисциплинарных¹⁵ подходов, в том числе, ресурсов прокреационного раздела демографической науки.

Управленческий аспект разрешения прокреационной проблемы

При построении стратегии выхода европейского мира из демографического кризиса важно представлять место прокреационного процесса среди других процессов, протекающих в социуме. Для этого целесообразно воспользоваться иерархической моделью управляемой системы, структурированной по фактору масштаба.

Необходимость учета масштабного фактора в выстраивании моделей рассматриваемых систем можно иллюстрировать картографической аналогией. Область земной поверхности небольшого размера с достаточной для практики точностью представляема в виде плоской карты. При увеличении отображаемой площади методическая погрешность возрастает. Поэтому при вычерчивании карт крупного масштаба приходится

подбирать метод картографического проецирования, минимизирующий ту или иную составляющую погрешности – в зависимости от их прагматического назначения. Очевидно, при моделировании хозяйственно-экономических и социальных систем различного масштаба и разработке регламента управления ими требуется учет различного набора факторов, различных институтов и, соответственно, различный инструментарий.

Приходится вспоминать, что, помимо идиографического¹⁶ метода в науке существует номотетический¹⁷, и иногда он выступает на первый план в исследовательской деятельности. Классификацию крупномасштабных систем предлагается осуществлять по составу процессов, существенных при их моделировании и управлении ими.

Развивая результаты работы¹⁸, мы предлагаем различать четыре класса систем, соответствующие следующим пространствам: 1) хозяйственно-экономической деятельности, 2) социальной деятельности, 3) пространству истории, 4) планетарному пространству.

Критерием отнесения системы деятельности и осуществляющего ее субъекта к тому или другому классу служат последовательные ответы на ряд вопросов: входит ли в цели рассматриваемого субъекта достижение и/или поддержание: 1) хозяйственно-экономической состоятельности, 2) также и социальной состоятельности, 3) также и состоятельности рекреационной, 4) также и состоятельности экологической?

Соответственно средства описания (переменные), цели и инструментарий управления систем нижнего класса лежат в экономической действительности, среднего – в социальной, верхнего – в рекреационной, высшего – в эко-

логической. Для каждого из них имеются собственные параметры порядка, а переменные других классов являются вспомогательными. Социум в целом есть совокупность некоторого количества подсистем всех четырех классов, «нарисованных друг на друге»¹⁹ и тесно взаимосвязанных. Можно сказать, что предельным случаем крупномасштабной системы является ноосфера Тейяра де Шардена – Вернадского.

Сущность рыночного мироустройства состоит в том, что коренным субъектом развития («двигателем прогресса») оказывается предприниматель (в своей коллективной ипостаси – фирма, корпорация), он посредством экономических рычагов трансформирует доступные ему области мира в глобальный рынок, подобно тому, как легендарный царь Мидас превращал в золото все, к чему прикасался.

Лица, принимающие сегодня решения на всех четырех уровнях предложенной классификации, имеют в своем арсенале лишь чисто экономические модели, адекватные подсистемам наименьшего масштаба из четырех предложенных выше. В дефиците оказывается управленческий инструментарий трех более крупных градаций масштабной линейки.

Инструментарий исследования управляемых систем «высшего» (4) класса необходим для разработки планетарной экологической стратегии.

Инструментарий исследования управляемых подсистем «верхнего» (3) класса необходим для разработки долговременной стратегии страны или группы стран, для нахождения баланса внутренних рекреационно-демографических доноров и реципиентов, для разработки стратегии мирового развития и нахождения в мире достойного места

для страны. При работе в прокреационном слое «демографические интересы – всегда выше политических и экономических»²⁰.

Инструментарий исследования управляемых подсистем «среднего» (2) класса необходим для разработки стратегии концерна, корпорации, крупного предприятия на долговременную перспективу, для учета социальных аспектов жизни этих коллективных субъектов.

Важна возможность соотнесения инструментария перечисленных классов с «нижним» (1) классом управляемых подсистем, богатым уже наработанным математическим инструментарием исследования узкоэкономических процессов.

В качестве средства навигации в состоящем из указанных классов систем мире управления можно предложить принцип субъектно-парциального дуализма²¹.

Попытка управления предъявленной иерархической совокупностью систем в узкоэкономической парадигме (посредством экономических «шокеров»), т.е. таким образом, как будто она целиком принадлежит экономической действительности, возбуждают данную четырехуровневую колебательную систему, что проявляется на экономическом уровне в виде циклов Жюгляра, Китчина, Кондратьева, Кузнеца, на социальном уровне в виде флуктуаций социальной напряженности, волнений, революций и реставраций, на прокреационном уровне – в виде депопуляции стран европейской культуры, на планетарном уровне – в виде необратимого загрязнения среды, потепления климата.

Стратегический аспект разрешения прокреационной проблемы

Мы полагаем, что временной горизонт стратегии коллективно-

го субъекта не может задаваться произвольно. Его протяженность диктуется характером процессов, конституирующих существование коллективного субъекта.

Если бы мы занимались стратегией хлебопекарни, утром закупая муку, а к вечеру распродающей булочки, то было бы «странно» выбирать протяженность стратегического горизонта полчаса или 3/4 дня. Очевидно, стратегический горизонт должен включать как минимум один полный цикл воспроизводства деятельности. Это позволяет оценивать достигаемые результаты и вносить корректировки в текущую деятельность.

Какой же процесс задает существование коллективного субъекта масштаба страны?

Как показано выше, субъект масштаба страны качественно отличается от мануфактуры²². Страна не есть простая сумма своих промышленных предприятий. Различение управляемых систем по фактору масштаба является существенным.

Другое необходимое нам различие является социокультурным. В XVIII веке французские энциклопедисты, провозгласив *liberté*, *égalité*, *fraternité*, инициировали масштабный социальный эксперимент, породивший сообщество стран современной европейской культуры на фоне стран, сохранивших традиционный семейный уклад. Таким образом, мы различаем страны традиционной культуры и страны культуры европейской.

Для всех стран конституирующим процессом является прокреация или воспроизводство населения. Но в европейском (в широком смысле) мире и в мире традиционной культуры эти процессы имеют принципиально различающую-

ся динамику. Данное утверждение становится очевидным на новом этапе мирового развития, начавшемся в 1980-х годах (см. табл. 1). Теория демографического перехода (от расширенного воспроизводства населения с простому или суженному)²³, внося в умы неуместное успокоение, замалчивает ту очевидную перспективу, что для стран традиционной культуры этот переход произойдет уже после вымирания сохраняющих пассивную позицию европейцев.

Отмеченное различие в коэффициенте рождаемости для европейских стран и стран традиционной культуры объясняется особенностями положения семьи в структуре общества. Социокультурные основания разворачивающегося сценария состоят в том, что идеология французских энциклопедистов XVIII века породила эмансипацию, которая заменила «домашнее рабство» женщины европейской культуры на «более цивилизованные» но не менее жесткие формы ее включенности в общественное производство. Этим прокреационный потенциал был экстрагирован из семьи, перемещен на государственный уровень, обобществлен и использован, в конце концов, на государственное строительство и форсаж прогресса. Взамен государство подарило населению систему социального обеспечения. Но замена оказалась неравноценной, о чем свидетельствует демографическая статистика.

Под прокреационным потенциалом понимается время женщины, в традиционной культуре посвящаемое семье, а также материальная обеспеченность семьи и вмещающиеся женщине социумом стереотипы поведения. В традиционной культуре семью в одиночку содержит мужчина, женщина занима-

ется детьми и семейным очагом; эта традиция освящена веками.

Структурный инвариант прокреационной состоятельности коллективного субъекта

Структурный инвариант прокреационной состоятельности коллективного субъекта заключается в том, чтобы центр прокреационной ответственности и все необходимые для исполнения прокреационной функции ресурсы (включая социально-экономические и социокультурные) были расположены на уровне семьи.

В этом случае коллективный субъект получает прокреационную ренту, состоящую в расширенном воспроизводстве населения без дополнительных забот с его стороны. Она позволяет ему претендовать на статус субъекта истории, т.е. длить свое существование на исторической арене без ограничений во времени. Эксперимент французских энциклопедистов лишил Европу этой институциональной основы существования. Теперь европейский мир, в отличие от традиционного, может оставаться субъектом истории только за счет точно рассчитываемой динамичной стратегии.

Стратегия – идеальное представление пути перехода между качественно различными состояниями некоторого «коллективного субъекта» (говоря шире – человеческой общности). Сегодня нам предстоит строить стратегию перехода от прокреационно несостоятельной страны к прокреационно состоятельной, стратегию возвращения страны в эволюционный коридор.

На Западе указанная проблема не решена. Поэтому при сложившейся практике ориентации на западные эталоны как на истину

в последней инстанции важнейший тренд европейского (и мирового) развития выпадает из поля зрения стратегов. А между тем в нашей стране сейчас вступающие в детородный период группы коренного населения замещают себя потомством лишь на 60%. Публикуемые время от времени сообщения о «росте рождаемости в России» объясняются всего лишь различием в численности этих родителских групп от года к году.

Прокреационная экономика

Важнейшей составляющей стратегии государства должна стать его переориентация на обеспечение воспроизводства населения. Коммерциализация здравоохранения, дошкольного воспитания, образования – самоубийственны, поскольку являются экономическими тормозами и без того не обеспечиваемого воспроизводства.

Произошла смена параметров порядка мирового развития. Вместо экономических показателей ими становятся рождаемость коренного населения и миграция. Экономика Адама Смита – Карла Маркса более не объясняет мировой динамики и не указывает путей выхода из череды кризисов. Социокультурный анализ механизма воспроизводства населения показывает: нет причин надеяться, что демографический кризис рассосется «сам собой»²⁴. Практически ни одной развитой стране мира не удалось конвертировать накопленные богатства в демографическую состоятельность. Даже преодолев отставание от европейских стандартов по всем показателям, Россия не оторвется от палубы «тонущего Титаника».

Концептуальный ключ к выходу из ситуации лежит в представлениях предшественника А. Смита – французского экономиста Ф.

Кенэ. Основное различие между работами Кенэ и Смита принято видеть в том, что первый исследовал аграрную экономику, а второй – мануфактурную, исторически более прогрессивную.

Но более существенная и доселе нецененная разница между ними состоит в смене субъекта изучаемой деятельности. Если Кенэ строил теорию и экономическую стратегию для хозяйствующего государства, то Смит – всего лишь для хозяина мануфактуры. В силу этого в поле зрения Смита и его последователей не попал процесс прокреации – воспроизводства населения страны. Кенэ, напротив, полагал основным богатством страны как раз ее население и обсуждал процессы воспроизводства.

«Капитал» и блок сопутствующих работ Маркса-Энгельса – узловый пункт развития экономической науки. На этих работах в той или иной степени базируются последующие экономические изыскания нашего времени. Деньги, богатство – приобрели в работах Маркса статус «всеобщего эквивалента». Вследствие этого сегодня в мире преобладают экономические критерии эффективности управляющих действий. Оказавшись под гипнозом примитивных экономических теорий XVIII века, государство слепо вручает свою судьбу «невидимой руке рынка» (термин А. Смита). Выйдя из «реального социализма», Россия не отказалась от марксовской концепции денег, которую Запад в течение веков последовательно навязывает остальному миру. Однако, как наглядно показывает демографическая статистика, эта концепция в конечном счете ведет в «демографическую пропасть».

Отмечая отдельные погрешности Ф. Кенэ в расчетах, Маркс

признает: «...система физиократов является первой систематической концепцией капиталистического производства»²⁵. В отношении исследования сельского хозяйства К. Маркс не выходит за пределы представлений А. Смита: «Анализ земельной собственности в ее различных исторических формах лежит за рамками этой работы. Мы занимаемся ею лишь постольку, поскольку часть прибавочной стоимости, произведенной капиталом, достается земельному собственнику... С нашей точки зрения фермер производит пшеницу и т.д. точно так же, как фабрикант – пряжу или машины»²⁶.

К. Маркс не придает значения сдвигу субъектности, произошедшему при «передаче эстафеты» от Ф. Кенэ к А. Смиту: «...Смит на деле лишь воспринял наследие физиократов и дал более строгую классификацию и более полное описание отдельных статей инвентаря, но едва ли изобразил и истолковал процесс в целом так правильно, как он был – по общему замыслу – намечен в «Экономической таблице», несмотря на ошибочные предпосылки Кенэ»²⁷. Замечание Маркса об ошибочности предпосылок Кенэ на много лет охладило интерес экономистов к научным трудам последнего.

Это предубеждение сохраняется и поныне. Так, известный британский историк экономической мысли М. Блауг начинает двухстраничный параграф о Кенэ в своем обзоре «100 великих экономистов до Кейнса», претендующем на формирование образа мыслей современного экономиста, с многозначительной фразы: «Франсуа Кенэ – один из тех экономистов, чьи труды многие студенты и даже их преподаватели должны оставить непочитанными. Его рассуждения столь запутанны, вы-

числения столь замысловаты, а каждое слово настолько погружено в устаревшую политическую философию и экономические обстоятельства Франции XVIII века, что только годы изучения могут помочь найти какой-то смысл в его работах»²⁸. Кто после такой рекомендации отважится хотя бы раскрыть труды физиократов?

Отметим еще один характерный момент. В более ранней работе М. Блауга высказано противоречивое мнение о главе этой экономической школы: «Кенэ был неважным интерпретатором, и его труды изобилуют неясностями и противоречиями. Это обстоятельство, однако, менее значимо, чем изумительный масштаб его идей»²⁹. Другие ученые также отмечают в концепции Кенэ нечто мощное, чему они не могут найти объяснение, пребывая «внутри» своей дисциплины. «Многие более поздние экономисты восхищались Кенэ, в том числе Смит, Маркс и Шумпетер, но их восхищали не детали его аргументации, а та пронизательность, которая связывала их воедино. Смит был восхищен разделением, проводимым физиократами между «производительными классами, определяющими способность экономики самовоспроизводиться от периода к периоду, и «непроизводительными» классами, которые просто создают предметы потребления в этом периоде. Маркс был восхищен верой Кенэ в то, что экономический анализ должен точно определить источник излишка сверх необходимого рабочим минимума средств к существованию, производимого в жизнеспособной экономической системе. Шумпетер, с другой стороны, восхищался основной концепцией физиократов о круговом потоке товаров в одном направлении и денег в обратном направле-

нии, при котором поступления доходов в данном периоде становится потоком расходов в следующем периоде»³⁰ Сегодня мы в состоянии заключить, что проницательность Кенэ объяснялась стихийным системным подходом, унаследованным им, по всей вероятности, от медицины (Кенэ по образованию врач). Эта установка на системность и широта когнитивного горизонта, позволяющая полагать экономику лишь одной из подсистем социального организма страны, давали ему возможность видеть то, что Смит, Маркс (признаваемый основоположником системности в экономике), Шумпетер и Блауг не могли вычислить, пользуясь своим узкоэкономическим инструментарием.

Исчисление стратегического горизонта европейского государства

Современным развитием идей Кенэ является теория прокреационного капитала и прокреационной ренты³¹, являющаяся обобщением теории человеческого капитала. Хозяином прокреационного капитала может быть только субъект масштаба государства. Период обращения этого капитала определяется возрастом вступления человека в трудовую деятельность (20–25 лет), что и дает оценку нижней границы временного горизонта разработчика стратегии государственного масштаба.

Данное утверждение является основным фундаментальным стратегическим концептом настоящей работы.

Соответственно целесообразно увеличить сроки полномочий и ответственности государственных чиновников сферы экономики и здравоохранения всех уровней. Сегодняшнее положение «временщика» делает чиновника абсолют-

но безответственным в вопросах инвестиций в прокреационный капитал, которые дают результат уже после окончания его профессиональной карьеры.

Традиционный мир, имея в качестве институционального основания прокреационную ренту, может выстраивать стратегии любой продолжительности либо не иметь их вовсе. При этом его существование временных ограничений не имеет.

Воспроизводство человека как двухфокусной категории

В связи со сказанным основой сохранения современной европейской страны должна стать инноватизация управления, ставящая в центр внимания инновационного человека, который переосмысливается как двухфокусная категория, включающая фокус единичной ипостаси человека и фокус множественной ипостаси человека. Эти фокусы охвачены петлей взаимно обуславливающей связи, определяющей способы их взаимного употребления (см. рис. 1).

Идея представления любой системы как многофокусной (в частности, двухфокусной) сущности принадлежит современному французскому философу Э. Морену³².

Существование единичной ипостаси человека невозможно вне общества, а множественная ипостась человека существует как сложная совокупность индивидуальностей. Количественная мера точности балансировки единичного и множественного, мера четкости постоянного прохождения протекающими в обществе процессами «игольного ушка» баланса между единичным и множественным есть коэффициент рождаемости. Он и является базовым критерием успешности и, главное, важнейшим условием реализации стра-

Рис. 1. Человек как двухфокусная категория

тегии сохранения и развития страны.

Двухфокусное представление человека должно стать центральным разделом стратегических программ, остальные разделы должны выполнять по отношению к нему инструментальные функции контекстуализации («восхождения от абстрактного к конкретному»), детализируя отдельные аспекты взаимного употребления единичной и множественной ипостасей человека.

Текущее состояние единичной ипостаси человека, именуемое здоровьем, определяется правильно-стью обмена веществ. Результирующей его характеристикой является продолжительность жизни.

Состояние множественной ипостаси человека, называемое по аналогии «общественным здоровьем», определяется процессом воспроизводства населения – функциональным аналогом метаболизма (обмена веществ). Результирующей характеристикой этого процесса является суммарный коэффициент рождаемости.

Соответственно двухфокусной модели человека должно быть перестроено здравоохранение страны. Оно будет включать фокус индивидуального здравоохранения и фокус общественного (или прокреационного) здравоохранения. Первое будет, как и сегодня, заботиться о каждом конкретном

человеке, о его успешности можно судить по продолжительности жизни. Задача второго – обеспечить состояние прокреационной среды, гарантирующей хотя бы простое воспроизводство коренного населения. Критерий его успешности – коэффициент рождаемости. Первое использует, в основном, средства ортодоксальной медицины, второе – средства социальной медицины, социального дизайна, прокреационной экономики. Средства между ними должны распределяться исходя из условия максимизации коэффициента рождаемости.

Производство, сельское хозяйство, бизнес, инфраструктура и т.д. важны не сами по себе, существуют не ради достижения тех или иных контрольных показателей, а направлены на достижение тонкой грани баланса между индивидуальной и множественной ипостасями человека. Предполагается создание новых гуманитарных технологий, механизмов балансировки, изменение образа жизни, мысли и деятельности. В сумме они составят новую европейскую субъектность.

Не только России, но всему Европейскому миру предстоит перефокусировать свою социальную структуру на двухфокусной модели человека либо – в обозримом будущем Европейского мира не станет вообще.

Резюме

Книга будущего Европейского мира написана явно не на языке экономики Адама Смита – Карла Маркса. Сегодня можно заключить, что она может быть написана на языке экономики Франсуа Кенэ, прокреационной и информационной экономики, переходящем в язык прокреационной медицины. Чтобы эта интегративная дисцип-

лина стала эффективной гуманитарной технологией, она должна быть понята широким общественным движением, осуществляя функцию перевода между акцидентальным проявлением социальной субстанции и регулярным конфигуратором потока уникальных инстанциональностей в концепте двухфокусного человека.

Примечания

1 Общественный центр «Жизниград» как форма институционализации проектного отношения к здоровью и субъект новой рекреационной политики // Л.Е. Романов, Д.В. Реут, О.И. Васина и др. // Тр. всеросс. конф. «Здоровье как проблема гуманитарного знания»/ Ин-т человека РАН - М., 2003. - С. 226 - 234.

2 Реут Д.В. Прокреационная ситуация и возможности управления ее развитием. Труды 5-й международной конференции «Когнитивный анализ и управление развитием ситуаций (CASC'2005)». Москва, 18-20 октября 2005 г., М.: Институт проблем управления РАН, с. 135-143. Реут Д.В. Концепция прокреационного здравоохранения как крупномасштабной системы // Управление развитием крупномасштабных систем (MLSK'2008). Материалы Второй международной конференции (1-3 октября 2008, г. Москва, Россия). Том 1. М.: Учреждение Российской академии наук Институт проблем управления им. В.А. Трапезникова РАН, 2008, 314 с., С. 103 - 106. Реут Д.В. Прокреационное измерение геостратегии в контексте управления мировым развитием // Четвертая международная конференция по проблемам управления (26-30 января 2009): Сборник трудов. - М.: Институт проблем управления РАН. 2009, 2030 с. (на СК-РкМ'е), с. 1342 - 1349.

3 Реут Д.В. Прокреационно-деятельностный подход к построению концепции культуры // Фундаментальные проблемы культурологии: В 4 т. Том I: Теория культуры / отв. ред. Д. Л. Спивак. — СПб. : Алетейя, 2008. — 432 с., с. 137 - 150.

4 Реут Д.В. Прокреационный капитал. [Электрон. ресурс]// Российский экономический конгресс. Сборник докладов участников. - М., ИЭ РАН, 2009. - 1 СК-РкМ <http://econorus.org/consp/files/14ts.doc>.

5 Реут Д.В. К инструментализации понятия качества жизни / / Социология, 2009, № 4, С. 118 - 135.

6 Реут Д.В. Прокреационное здравоохранение в пространстве экономических и внеэкономических параметров // Микроэкономика. 2009, № 1, С. 138 - 142.

7 Реут Д.В. Качество жизни и прокреация // Философские науки, 2010, № 7, С. 103 - 118.

8 Реут Д.В. От социологии действия к методологии деятельности через осмысление ее прокреационного инварианта // Мир психологии, 2010, № 2. С. 251 - 259.

9 Советский энциклопедический словарь. - М.: «Советская энциклопедия», 1985. - с. 373.

10 Беляева М.А. Культура репродуктивного поведения в контексте междисциплинарного синтеза. - Екатеринбург: Уральский гос. пед. Университет, 2009. - 176 с.

11 Ливи Баччи М. Демографическая история Европы. - СПб.: ALEXANKRIA, 2010. - с. 240.

12 Карлсон А. Общество - семья - личность: социальный кризис Америки. М., 2003. - 288 с.

13 трансдисциплинарность - исследования, идущие сквозь дисциплинарные границы.

14 междисциплинарность - кооперация научных областей.

15 полидисциплинарность - изучение феномена или объекта одновременно и с разных сторон несколькими научными дисциплинами (терминология Э. Морена).

16 Работа с индивидуальными особенностями единиц исследования внутри границ класса [Философский энциклопедический словарь / Под ред. Л. Ф. Ильичева и др. - М.: Сов. энциклопедия, 1983. - С. 210].

17 Обобщение и установление законов, в т.ч. границ классов, на которые подразделяются единицы исследования [Философский энциклопедический словарь / Под ред. Л. Ф. Ильичева и др. - М.: Сов. энциклопедия, 1983. - С. 441].

18 Реут Д.В. К инструментализации понятия качества жизни / Социология, 2009, № 4, С. 118 - 135.

19 Термин В.А. Лефевра [Лефевр В.А. Конфликтующие структуры. М.: Советское радио, 1973].

20 Башлачев В.А. Демография: Русский прорыв. Независимое исследование. - М.: Белые альвы, 2004. - с. 114.

21 Реут Д.В. Принцип субъектно-парциального дуализма в постнеклассической теории управления / На пути к постнеклассическим концепциям управления / Под ред. В.И.Аршинова и В.Е.Лепского - М.: Институт философии РАН, «Когито-Центр», 2005.- с. 212-225.

22 Реут Д.В. Целеполагание в крупномасштабных системах // Управление развитием крупномасштабных систем (MLSK'2010): Материалы Четвертой международной конференции (4 - 6 октября 2010, г. Москва, Россия). Том I. М.: Учреждение Российской академии наук Институт управления

им. В.А. Трапезникова РАН, 2010. - С. 194 - 196.

23 Капица С.П. Очерк теории роста человечества: демографическая революция и информационное общество. - М.: ЛЕНАРД, 2008. - 128 с.

24 Реут Д.В. Код культурной идентичности как положение в социуме центра ответственности за исполнение прокреационной функции // Национальная идентичность России и демографический кризис. Материалы II Всеросс. научн. конф. (Москва, 15 ноября 2007 г.). - М.: Научный эксперт, 2008. - С. 419 - 428.

25 Маркс К. Капитал. Том II. М.: Издательство политической литературы, 1988. - с. 405.

26 Маркс К. Капитал. Том III. М.: Издательство политической литературы, 1989. - 669.

27 Маркс К. Теории прибавочной стоимости (IV том «Капитала»), часть 1. М.: Государственное издательство политической литературы, 1954. - с. 321.

28 Блауг М. 100 великих экономистов до Кейнса. СПб.: «Экономическая школа», 2005. - С. 125.

29 Блауг М. Экономическая мысль в ретроспективе. М.: Дело ЛТД, 1994. - С. 29.

30 Блауг М. 100 великих экономистов до Кейнса. СПб.: «Экономическая школа», 2005. - С. 129.

31 Реут Д.В. Прокреационный капитал как инструмент интегративной экономики // Управление инновациями - 2010: Материалы международной научно-практической конференции 15 - 17 ноября 2010 / Под ред. Р.М. Нижегородца. - М.: ЛЕНАРД, 2010. - 488 с., С. 88 - 93.

32 Морен Э. Метод. Природа природы. - М.: Прогресс-Традиция, 2005. - 464 с.

ОБРАЗОВАНИЕ И НАУКА

Социологическое обеспечение менеджмента качества высшего профессионального образования

Бегинин В.И., Булгаков С.В.

В статье рассматривается практика социологического обеспечения системы менеджмента качества, широко внедряемой в учебный процесс высшими учебными заведениями. Приводится пример преобразования основных характеристик измерения учебного процесса в количественные показатели системы менеджмента качества.

Ключевые слова: социология образования; система менеджмента качества; социологическое обеспечение образования.

Beginin V. I., Bulgakov S. V.

Sociological maintenance quality management system of the higher education

In the article practice of sociological maintenance of system widely introduced in educational process by higher educational institutions is considered. The example of transformation of the basic characteristics of measurement of educational process in quantity indicators of system of quality management is resulted.

Key words: formation sociology; quality management system; sociological maintenance of formation.

Социальный институт высшего образования страны сегодня активно осваивает систему менеджмента качества (СМК) в области предоставления образовательных услуг по международным стандартам серии ИСК. При разработке концепции «Модернизация российского образования до 2020 года» решение задач качества образования рассматривается, как приоритетное. При этом отметим, что понятие модернизации образования нельзя сводить к конкретной программе, рассчитанной на определенный период. Модернизация образования, т.е. обеспечение его соответствия запросам и возможностям общества, осуществлялась всегда — в той или иной мере. Сегодня эта мера во многом зависит от способности системы образования к изменениям, которые определяются эффективностью организации образовательного процесса, а главное — оценкой его результатов.

Подобная гибкость управления учебным процессом невозможна без качественного социологического сопровождения. Оно является сегодня условием адаптивного вза-

имодействия вуза с внешними и внутренними потребителями, т.к. в числе основных принципов СМК образования является ориентация на потребителя через изучение и понимание его потребностей и ожиданий, предоставление ему качественного товара в виде надежных знаний и ключевых компетенций, адекватных запросам рынка труда.

Категории – «ключевые компетентности» и «компетентностный подход» получили распространение в учебном процессе сравнительно недавно, и их появление тесно связано с наметившимся процессом стандартизации высшего образования. Компетентность в переводе с латинского «*competentia*» (лат. – соразмерность, соответствие) означает круг вопросов, в которых человек хорошо осведомлен, обладает познаниями и опытом [1]. Под ключевыми компетентностями часто понимаются умения и навыки в любой области деятельности как заказ общества к подготовке его граждан в современных условиях жизни [2]. Компетентностный подход представляется как «совокупность общих принципов определения целей образования, отбора содержания образования, организации образовательного процесса и оценки образовательных результатов» [3]. При этом данная оценка – это интерпретация содержания образования как дидактически адаптированного социального опыта решения познавательных, мировоззренческих, нравственных, политических и иных проблем. Под компетентностью в целом нередко понимают готовность действовать в ситуации неопределённости [4]. В рамках обсуждаемой темы можно говорить о компетентности вуза, а именно его готовности действовать в ситуации неоднозначности образовательных

трансформаций и стандартов подготовки высококвалифицированных специалистов, определенных СМК.

Целью социологического сопровождения СМК является изучение представлений участников образовательного процесса и заинтересованных в нем сторон о качестве отдельных элементов образовательного процесса и возможных путях его повышения. Именно социологическое измерение основных составляющих образования высшей квалификации является фактической опорой для принятия решений по улучшению качества организации обучения, т.е. эффективного контроля над образовательным процессом и оперативной его корректировки в рамках разработанной и внедряемой программы развития вуза. Как правило, социологическая практика в СМК осуществляется в виде мониторинга – непрерывного измерения удовлетворенности потребителей образовательных услуг.

Ряд вузов уже столкнулись с проблемами проработки техник измерения образовательного процесса, а точнее – преобразования качественных показателей в количественные, как того требует СМК. Интересными и полезными оказались опытные практики реализации метода диагностирования уровня преподавания (глазами студентов) Рязанской государственной радиотехнической академии (РГРТА) [5], балльной оценки педагогического мастерства на основе категоричных утверждений Новосибирского государственного технического университета (НГТУ) [6], оценочных позиций студентов относительно содержания организации учебного процесса Воронежского государственного архитектурно-строительного университета (ВГАСУ) [7].

Социологическое обеспечение СМК на базе Саратовского государственного аграрного университета (СГАУ) осуществляется поэтапно с 2007 года, и исходит из принципа последовательного анализа основных критериев, заложенных в этой системе. Это, прежде всего, установление потребностей и ожиданий потребителей образовательных услуг, а далее – оценка их удовлетворенности ими. Принципиальной здесь становится задача разработки и систематизации количественных показателей, эффективных для мониторинговой среды и автоматизации сбора и обработки данных. Мониторинг информации осуществляется с использованием метода раздаточного и автоматизированного (электронного) анкетирования с помощью опросного листа и программы обработки первичных данных (адаптированной под пакет SPSS), разработанной специалистами СГАУ. Сбор данных для заполнения форм проводится для разных категорий потребителей (студенты разных курсов обучения, и специальностей, абитуриенты, выпускники, работодатели, организации и предприятия АПК). По результатам пилотажных опросов скорректированы оценочные показатели и шкалы для каждого разряда потребителя образовательных услуг и непосредственных проводников образования – профессорско-преподавательского состава и структурного персонала.

Так, например, оценка привлекательности университета производится по расширенной 10-ти балльной калибровочной шкале (очень низкая: 0-2; низкая: 2-4; удовлетворительная: 4-6; высокая: 6-8; очень высокая: 8-10), позволяющей проводить соразмерность многих показателей. Для оценки абитуриентами привлекательности обучения

в вузе используются блоки, предусматривающие постановку критериальных показателей с разными коэффициентами $[K_n]$ влияния.

1. привлекательность стоимости обучения: $[K1=0,2]$;
2. привлекательность месторасположения: $[K2=0,1]$;
3. привлекательность специальностей обучения: $[K3=0,2]$;
4. привлекательность материально-технической базы: $[K4=0,1]$;
5. привлекательность образовательных компонент и уровня остротенности ППС: $[K5=0,1]$;
6. привлекательность организации учебного процесса: $[K6=0,15]$;
7. привлекательность организации воспитательной работы и досуговой деятельности: $[K7=0,2]$;
8. привлекательность методической оснащенности учебного процесса: $[K8=0,1]$;
9. привлекательность условий проживания в общежитии: $[K9=0,15]$;

Привлекательность стоимости обучения или набора специальностей $[K_{1,2}=0,2]$, в нашем случае, как показала аналитическая практика, котируется выше, чем привлекательность месторасположения вуза $[K_3=0,1]$. Привлекательность организации воспитательной работы и досуговой деятельности выше, чем привлекательность условий проживания в общежитии и т.д.

Оценочное значение перечисленных показателей привлекательности обучения в ФГОУ ВПО «Саратовский ГАУ» с точки зрения потребителя определяется значением фактической характеристики ($K_{пр}$ – коэффициент привлекательности), определяющейся по формуле:

$$K_{пр} = \sum_{i=1}^9 K_i \times A_i,$$

где A_i – среднее оценочное значение по каждой характеристике (от 0 до 10).

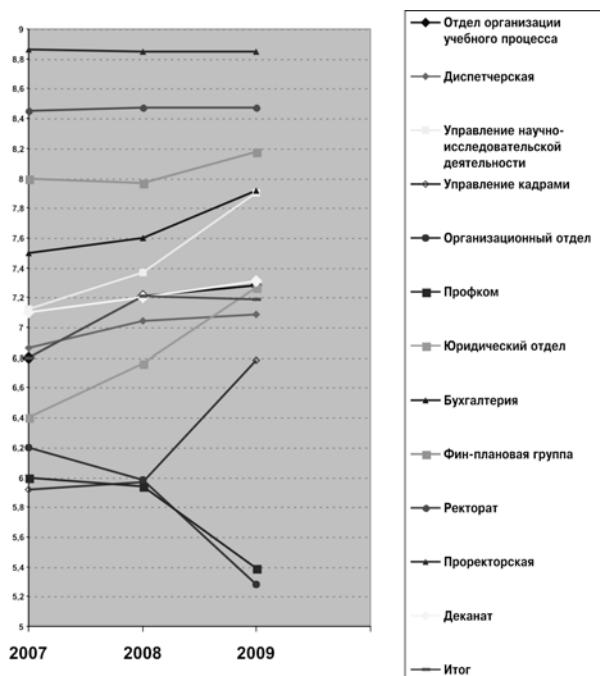

Рис. 1. Удовлетворены ли вы информативностью («открытость», «приветливость») структур, обеспечивающих рабочий процесс, 2007-2009, ср. балл

Подобным образом оцениваются и другие компоненты учебного процесса - уверенность в качестве получаемых знаний и собственной профессиональной компетенции, удовлетворенность организацией учебного и рабочего процесса и, в целом, доверие к университету. В зависимости от категории потребителей, вопросы анкеты и коэффициенты влияния могут редактироваться соответственно необходимой глубине социологического измерения.

Например, общая оценка удовлетворенности профессорско-преподавательского состава (ППС) уровнем информационной открытости вуза (также одного из основных показателей качества образовательного процесса по стандарту ISk) выстраивается по критериям внутреннего и внешнего доступа к информации.

Определяя уровень обмена информацией внутри СГАУ за период 2007-2009 гг. можно отметить, что удовлетворенность ППС информативностью («прозрачностью») структур, обеспечивающих учебный процесс, была неоднозначна.

Полученные результаты наглядно демонстрируют достаточно ограниченное коммуникативное пространство трудовых отношений. Оно сосредоточено главным образом вокруг профессиональной деятельности основных структур, с которыми взаимодействуют сотрудники университета: приемные ректората и деканата, финансово-плановая группа и отдел кадров, т.е. структуры, координирующие трудовые отношения и, соответственно, наиболее интенсивно участвующие в диалоге «работодатель – работник».

Соответственно и их информационная обеспеченность оценивается достаточно высоко (7,31–8,85 балла). Другое дело - слабая информационная поддержка деятельности других, не менее важных структурных единиц в системе организационно-управленческой деятельности - профсоюзного комитета (чья оценка так и осталась низкой на протяжении трёх лет) и организационного отдела, динамика которого отрицательная. С другой стороны, существенно повысил свой рейтинг информационной доступности юридический отдел, чей балл за 2 года «вырос» на 0,87 и составил в этом году 7,27. Традиционно основным транслятором

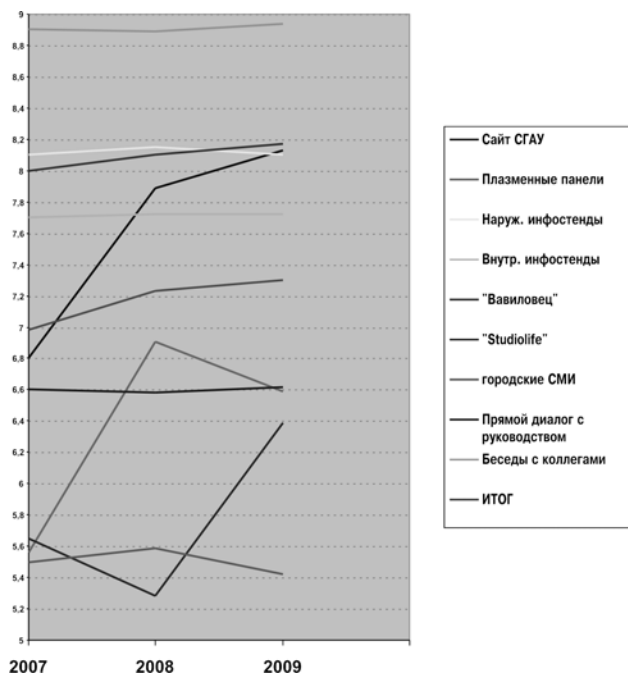

Рис. 2. Подача информации визуальными-техническими, коммуникационными средствами, 2007-2009, ср. балл

информации выступает обмен новостями между работниками университета. Также популярными информаторами остаются университетский сайт и внутриуниверситетская газета «Вавиловец», которые освещают вузовскую жизнь на «хорошо».

Подобно приведенному примеру, преподаватели и сотрудники университета имеют возможность оценить комфортность организации условий труда, свой социально-профессиональный статус, удовлетворенность ролью вуза в обществе и профессиональной среде и т.д. Восприятие обучения студентами складывается из их оценки профессиональных и личностных качеств преподавателя, удобства организации учебного процесса, удовлетворенности условиями учебной, научной, воспитательной деятельности, удовлетворенности

своими отношениями в университете, перспективами трудоустройства, соответствия качества полученных знаний собственным ожиданиям и др. Работодатели оценивают навыки, профессиональные (также деловые, управленческие) качества, инновационный потенциал студентов сквозь призму опыта взаимодействия с ними в рамках производственной практики и работы стройотрядов. Эти результаты приводятся в согласование с показателями востребованности выпускников вуза на рынке трудовых отношений, предоставляемыми Министерством сельского хо-

зяйства области и внутренним структурным отделом содействия трудоустройству студентов.

Адаптация основных показателей измерения учебного процесса под оценочные шкалы позволяет сегодня не просто распознавать наметившиеся проблемы, но и сразу устанавливать значительность и ценность каждой конкретной образовательной компоненты. Их приведение к единому оценочному знаменателю, как показывает практический опыт, определяет комплексность и широту измерения качества образовательного процесса. Двусторонняя, а иногда и трехсторонняя оценка (например, удовлетворенность информативностью вуза) универсальных характеристик внутренней образовательной среды вуза позволяет рассчитывать на получение надежных и верифицированных дан-

ных, способствующих выработке действенных механизмов повышения качества образовательного процесса.

Наличие подобного структурированного материала становится необходимостью для дальнейшего измерения социально-профессионального пространства той сферы, на которую ориентирован вуз. Применительно к профилю аграрного вуза, первостепенными становятся исследования в области поведенческих установок будущих специалистов на труд в аграрном секторе, определение их ценностных установок, факторов и мотивационных доминант, определяющих эффективность включенности молодых кадров в производство в АПК и разработка показателей, отражающих социальные последствия качества образовательного процесса.

Таким образом, социологическое сопровождение является необходимым элементом системы менеджмента качества, и результаты социологических исследований становятся механизмом постоянного внутреннего улучшения вуза. Они позволяют определить сильные и слабые стороны организации получения знаний высшей квалификации, идентифицировать процессы, нуждающиеся в улучшении и разработать план мероприятий по совершенствованию, как всей деятельности университета, так и самой СМК.

Литература

1. Хуторской А.В. Ключевые компетенции как компонент личностно-ориентированного образования // Народное образование. – 2003. – №2. – С.58-60.

2. Федорченко Л. А. Ключевые компетенции и их возможности овладения ими с помощью средств различных учебных дисциплин // Сеть творческих учителей [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://www.it-n.ru/>

3. Лебедев О.Е. Компетентностный подход в образовании // Школьные технологии. – 2004. – №5. – С. 3 – 12.

4. Сергеев И.С., Блинов В.И. Как реализовать компетентностный подход на уроке и во внеурочной деятельности – Москва, 2007. – С.22.

5. Бельтюкова С.С. Определение удовлетворенности потребителей в системе менеджмента качества вуза с использованием метода диагностики // Университетское управление. 2006. – № 2(42). – С. 69-73

6. Востриков А.С. Качество образования: концепции, проблемы // НГТУ-Информ. – 2000. – №6 (87) (31 мая). – С. 8.

7. Бабкин В.Ф., Системный подход к управлению учебным процессом в техническом вузе // Воронеж. гос. арх. – строит. ун-т., Воронеж. – 2001. – С. 206

Институциональные функции образования

Иванова В.А.

В статье рассмотрены методологические аспекты проблемы институциональных функций образования, представляющей собой одну из базовых теоретических конструкций современной социологии образования. Доказывается, что разработка данной проблемы служит направлением реализации социально-практического потенциала отраслевой социологии.

Ключевые слова: институт образования, функция, критерии определения институциональных функций.

Ivanov V.A

Institutional functions of the education

The paper is devoted to methodological aspects of the study of institutional functions of education as one of the basic theoretical constructs of contemporary sociology of education. The author argues that the elaboration into the function problem also provides a direction for social-practical outputs of this branch of sociology.

Key words: education as institution, function, criterions of defining the institutional functions.

Социологи давно ищут способы понимания образования и использования его в интересах общества. В отечественной социологии образования в 1990-х годах отразились попытки переосмысления зарубежной и отечественной литературы (Г.Е. Зборовского, Д.Л. Константиновского, Ж.А. Кусжановой, В.Я. Нечаева, А.М. Осипова, С.А. Шароновой, Е.А. Шуклиной и др.). В них в общем виде признается, что проблема институциональных функций образования занимает центральное место в предметной области социологии образования, служит основой конструирования отраслевой теории. Однако актуальность проблемы функций образования не так уж очевидна, как это констатируется в ряде монографий.

Достаточно заметить, что ни в общей социологии, ни в отраслевых социологических теориях в последние годы проблема институциональных функций не ставилась так остро, как, скажем, сюжеты доступности социальных благ (в т. ч. образования). Если перевести наш дискурс в систему «причина – следствие», то получится, что внимание ученых боль-

ше приковано к социальным «последствиям» функционирования образования, а «причинность» этих последствий отстывает на последний план.

Ни в одной из социологических публикаций последних десятилетий, посвященных образованию, напрямую не ставится проблема функций этого социального института. А любые дискурсы в отношении эффективности образовательной политики или ее недостатков и провалов, перспектив образовательных систем и реализации «болонской декларации» вообще не увязываются с проблемой институциональных функций образования. Получается, что, вопреки не оспариваемым никем теоретическим констатациям, проблема функций оказывается как бы «забытой» большинством специалистов социологии образования? В рамках данной статьи попытаемся рассмотреть, каковы же основания и судьба данной проблемы в современной российской социологии?

Наиболее детальной разработкой этого направления стала концепция функций образования, предложенная более десяти лет назад [1], где подчеркивалось, что трактовка функций носит гипотетический характер, потому что в решающей степени строится на поиске социально-исторических универсалий образования. Она содержит некоторые внутренние противоречия и спорные положения, при этом в ней есть несколько взаимосвязанных аспектов, заслуживающих основательной дискуссии. В их числе: идейно-теоретические предпосылки современного изучения институциональных функций образования, определение объектной области поиска функций и категориальных критериев институциональных функций образования, уточнение соци-

ально-практического потенциала модели функций образования.

Концепция функций как ключевой теоретический элемент социологии образования

Проблема институциональных функций образования на самом деле не нова. Еще Эмиль Дюркгейм подчеркивал, что организованная социализация индивидов обеспечивает гомогенизацию общества. Не описывая границ категории «функция» и не давая определения понятию «функция образования», Дюркгейм придавал ей смысл устойчивой деятельности (направляющего воздействия) данного института на пользу социальной системы. При известной недосказанности рассуждений Дюркгейма о функциях образования, очевидной была его надежда на перспективу применения социологического знания о функциях в управлении системой образования и обществом [2, с. 17-18]. Позже Т. Парсонс умозрительно назвал четыре функции образования в социальной системе: академическую, дистрибутивную, экономическую и политическую [3], но вряд ли подобный набор функций, свойственный почти любому социальному институту, в достаточной мере выражает специфику образования. Более звучными упомянутой надежде Дюркгейма стали разработки проблемы функций у Р. Мертона (в т.ч. явных и латентных, функциональных альтернатив, дисфункций). Его «общая теорема» гласила: понимание функций служит основанием оценки структуры социальной организации и ее эффективности [4, с. 182-183]. Иначе говоря, организационная структура должна быть адекватна функциям, а знание об институциональных функциях, следовательно, практически применимо в организационном и социальном менеджменте.

В связи с проблемой институциональных функций образования нельзя обойти стороной вопрос о научном методе их выявления. Классики социологии образования вообще не останавливались на таком вопросе, постулируя те или иные формулировки функций безотносительно каких-либо критериев самой категории функций или методов их поиска. В этом плане в текстах классиков обнаруживается недосказанность, сохраняющаяся и в наши дни. Все известные наборы функций (Э. Дюркгейма, Т. Парсонса, Р. Мертона или современных авторов) приводятся умозрительно (хотя и с определенными эмпирическими иллюстрациями) вне какого-либо теоретического обоснования. В лучшем случае формулировки функций реконструируются Парсонсом из его концепции структуры социальной системы. Ситуация повторялась и в отечественной социологии образования, где чаще всего происходило некритическое заимствование классических формулировок, а сама идея функций в социологии, роль категории «функция» или ее критерии вообще не затрагивались.

Концепция функций образования не случайно занимает центральное место в предметном поле социологии образования. Образно выражаясь, именно в русле явных или латентных функций образования сливаются все значимые для общества социальные взаимодействия субъектов образовательной сферы. Социологическое изучение таких взаимодействий, следовательно, целесообразно вести в контексте известного объема институциональных функций образования, что и позволит в итоге создать не отрывистую (обусловленную индивидуальными исследовательскими предпочтениями), а более целостную картину социальной жизни

образовательных общностей с точки зрения эффективности тех или иных образовательных программ. Так, опираясь на упомянутую концепцию функций, исследователи могут обращать внимание не только на традиционно изучаемые взаимодействия учителей и учащихся (в котором реализуется функция социализации и гомогенизации), но и на взаимодействия в иных областях функционирования образования, в том числе в сферах экономики, политики и культуры.

Концепция функций образования, относящаяся преимущественно к макросоциологическому (структурному) уровню анализа и выполняющая методологическую, ориентирующую роль в отраслевой теории, вовсе не подменяет собой другие проблемы и уровни их исследования, в том числе с позиции микросоциологии. Нам представляется, что феномен институциональной функции не ограничен структурным уровнем, а воплощает всю совокупность социальных взаимодействий и на микроуровне. Категория функции также обладает эвристическим потенциалом и для внутриотраслевых направлений социологии образования, а также может служить основой для интеграции их результатов на более высоком уровне отраслевой теории. Функциональная модель образования важна и для общенаучного определения сущности образования и разработки категориального аппарата его исследования разными отраслями социальных наук, предметные поля и приоритетная проблематика которых, возможно, обретут новые, более системные очертания благодаря ясному видению функций института образования.

В социологии образования концепция функций и представление о структуре образования как спе-

цифической социальной системы (и подсистемы общества) взаимно дополняют друг друга [5, с. 171-211], создавая и общее представление о проблемном поле этой отрасли социологии, и основу для ее развития и теоретической интеграции.

Анализ функций в контексте социальной практики

Смысл современного обращения к проблеме функций образования состоит в том, чтобы определить область институциональной ответственности образования и разных его подсистем, а также более рационально выстраивать организационную структуру образования на всех его функциональных уровнях – от учреждения до государственного управления.

Признав участие системы образования в воспроизводстве профессионально-квалификационной состава населения в качестве одной из функций образования, можно считать недоразумением тот факт, что в структуре управления профессиональным образованием от учреждения до региональных комитетов и федерального министерства отсутствуют подразделения, ответственные за данную функцию и систематически изучающие потребности сферы занятости [1, с. 153-154]. Вузы сами определяли планы приема, исходя из своих корпоративных интересов, отсюда – колоссальные перекосы в структуре выпускников, когда свыше половины их трудится не по специальности и каждый шестой – безработный [6, с. 132], при «оголении» среднего и начального профессионального образования.

Если прислушаться к приведенному примеру, то системе управления следует выстраивать организационную структуру образования и учреждений в более строгом соответствии с функциями

ми, и тогда модель функций приобретает решающее значение для эффективного управления совокупностью соответствующих учреждений. Отсюда понятно, что разработка проблемы функций образования может ставить под вопрос подходы и критерии управления, разоблачать корпоративизм в системе или ее учреждениях [7]. В этом плане еще предстоит искать баланс ответственности за выполнение функций образования, с одной стороны, и действующим комплексом финансово-экономических и правовых норм в государстве, с другой стороны.

В зарубежной социологии трактовка функций образования законсервировалась в основном на уровне взглядов Дюркгейма, Парсонса и Мертона [8, с. 112]. Даже в новых работах обычно упоминаются несколько общих функций образования: социализация, культурная трансмиссия, социальный контроль, селекция и придание социального статуса, пример тому – наиболее популярный отраслевой учебник Дж. Баллантайн [9, с. 27-59]. Они, разумеется, важны для раскрытия социальной роли школы, но в таком виде знание о функциях остается академическим и не может транслироваться в образовательную политику. В целом складывается впечатление, что и в российской социологии интерес к проблематике институциональных функций или утрачен, или ограничивается таким описанием, из которого, к сожалению, не вытекает возможность практического применения [10; 11; 12]. Теоретические исследования скорее отступают с макросоциального уровня, релевантного потребностям образовательной политики государства или региона, на уровень академического разговора о частных проблемах и статистической динамике

ке, коммуникативного дискурса и метафор образования, то есть на уровень, далекий от практики.

Итак, идея функциональности социальных институтов сохраняется, а изучение функций институтов остается в тени или не поддерживается. Вряд ли подлежит сомнению то, что у двух феноменов и соответствующих понятий – «социальный институт» и «функция института» – общая судьба. Эти понятия или развиваются и концептуально оформляются, или отмирают, выходя из научного оборота. Под вопросом оказывается социальный институт как одна из базовых категорий социологии. Ю.А. Тюрина, не приводя, правда, сколько-нибудь глубокой ревизии или даже критики разработок функциональной модели образования, утверждает, что «структурно-функциональный подход», служащий продолжением классических традиций в социологической теории, непригоден для объяснения социальной динамики образования, а потому настаивает на переводе исследований образования в плоскость так называемого деятельностного подхода [13]. В статье по проблеме социальной эффективности образования Ю.А. Тюрина вообще не касается понятия «функция».

Если социологическая теория отказывается от разработки проблемы функций применительно к тем институтам, управление которыми государство по-прежнему берет на себя, то эти институты (образование, здравоохранение, социальная защита и др.) так и останутся, вероятно, в нынешнем режиме «ручного» или сугубо бюрократического управления. В частности, вся литература по образовательному менеджменту игнорирует проблему функций образования, включая ее новые разработки.

Каков круг явлений, в отноше-

нии которых должна обсуждаться проблема функций? Специалисты социологии образования в целом следуют предложенному Э. Дюркгеймом определению образования как целенаправленной социализации [2, с. 15-18]. Хотя критерий целенаправленности (целеполагания) сам по себе еще заслуживает социологической интерпретации, он логически отделяет собственно образование от массы спонтанных процессов социализации. Образование, в свою очередь, условно делится по критерию формальной организации на две сферы: публичное (формальное) и неформальное. Формальное образование представлено школой и любыми программами, завершающимися выдачей значимых свидетельств (сертификатов) присвоенных общеобразовательных или профессиональных квалификаций. Неформальное образование охватывает прочие разнообразные виды целенаправленных социализирующих воздействий. Так, к публичным неформальным видам образования можно отнести процессы социализации, порождаемые религиозными организациями, СМИ, рекламой, кинематографом и т.п.

Каждый из субъектов, целенаправленно включающихся в процессы социализации, реализует свою образовательную программу, отвечающую его социальным целям. Программа предполагает цели и содержание социализации в определенной сфере, а также методы и исполнителей. Методы нередко бывают глубоко продуманными, с опорой на специальные исследования аудиторией, замеры эффективности и т.п. Образовательная программа – системное основание любых целенаправленных социализирующих воздействий – от семейных или масс-медийных, повседневных и на первый взгляд

жестко не спланированных, до долгосрочных и так или иначе встроенных в детально регламентированных, как это практикуется в программах теоретического или технологического обучения в сложных профессиях. И если в учреждениях формального образования, как отмечают исследователи, обнаруживается некое сочетание публичных (заявляемых) и «скрытых» программ, то программы неформального образования имеют как правило скрытый характер. Их содержание, в конечном счете, выливается в легитимацию определенных поведенческих норм, стилей, практик. Так, откликом на интенсивную телерекламу элементов рэп-культуры в передачах «Фабрика звезд» (на Первом ТВ канале) был всплеск соответствующей подростковой моды даже в поведенческих проявлениях и массовая реализация ее атрибутов в розничной торговле.

Скрытая образовательная программа, разумеется, не ограничивается рекламой элементов моды. Она решает более емкую задачу – распространения или даже насаждения определенных культурных комплексов, прежде всего таких, которые содержательно противоречат программе публичной. Так, в противовес официально декларируемому набору социальных ценностей и норм (труд, гуманизм, справедливость, ответственность, правопослушность, приверженность нормам демократии и здорового образа жизни и т.п.) доминирующие скрытые программы насаждают через СМИ противоположные ценности и нормы.

Не затрагивая вопроса о социальной типологии образовательных программ, отметим, что их общей исходной характеристикой и критерием их отнесения к институциональной сфере образования явля-

ется, с точки зрения социологии, выполнение определенного набора общих функций, присущих институту образования. Вслед за выделением таких общих функций возможен поиск специфических функций, отличающих один сектор или уровень образования от другого.

«Функция социального института» как теоретическая категория в применении к образованию

Существующая разногласия в определении функций образования, довольно подробно для своего времени описанная А.М. Осиповым, объясняется тем, что социальная отдача образования в значительной мере отложена во времени и проявляется в не поддающихся прямому учету массовых результатах целенаправленных процессов социализации. То же можно сказать и об отдаче «скрытых» образовательных программ. Понятие «функция» применительно к социальному институту заслуживает проработки по целому ряду вопросов: соотношения функций со смежными категориями, определения методов выявления функций, устойчивости или изменчивости функций, их специфичности как отличительного свойства конкретного института.

Язык социологической науки сегодня недостаточно разграничивает смежные социальные явления в рассматриваемой проблеме. Уточнение этих явлений и понятий отчасти дано А.М. Осиповым при описании взаимосвязи и различия функций, задач, социальных заказов и ожиданий в сфере образования [5, с. 212-227]. Институциональная функция понимается им как социально-историческая универсалия данного института. В подобном же контексте рассматриваются и «универсальные

константы» образования в работах С.А. Шароновой [10]. Но в отношении функций в литературе подчас возникает подмена понятий, переносимая на обсуждение их эмпирических проявлений. Так, некоторые авторы пишут о социальных и социетальных, старых и новых функциях, не всегда приводя описание подобных феноменов.

Некоторые функции могут не восприниматься общественным сознанием, тогда по ним не возникает отдельного социального заказа и они не переводятся и в плоскость задач системы образования. Но в особых социально-исторических обстоятельствах доминирующие социальные группы или организации (например, элементы политической системы, хозяйствующие субъекты и т. д.) могут акцентировать некоторые функции, добиваясь их перевода в статус публичных задач образования. Значит, что реализация функций опосредована социальной структурой, а также идеологией данного общества и его доминантных групп в экономике, политике, социальном развитии и культуре.

Примером смещения разных, хотя и взаимосвязанных явлений служит приводимый в одном из учеников перечень: «Социальные функции образования - передача накопленных человечеством знаний, преемственность социального опыта и в целом духовная преемственность поколений, социализация личности, накопление ею интеллектуального, нравственного и физического развития, трудоустройство выпускников учебных заведений» [14, с. 547]. Функции, выражая социально-исторические универсалии института образования, нельзя сводить к задачам. Задачи образования есть публично оформленные заказы, продукт социального осмысления и акценти-

рования тех или иных функций этого социального института, а «жизненный цикл» отдельной задачи может быть ограничен лишь несколькими годами – она снимается с повестки по мере выполнения.

Проблема функций образования имеет свою историю в российской социологии. Первым Ф.Р. Филиппов отмечал, что эти функции направлены на все сферы социалистического общества [15], и эти положения традиционно пересказываются большинством авторов при обращении к проблеме функций. Но в характеристиках функций, сформулированных Ф.Р. Филипповым, вряд ли можно усмотреть некие социально-исторические универсалии, а их объем выглядит зауженным. А.Г. Харчев писал, что функции образования определяются господствующим способом производства и порожденными им экономическими отношениями, структурой социальных связей и отношений. Он указывал на существование социетальных функций образования, но их анализа, описания или перечня не дал [16]. Лишь в 1990-е гг. появились первые заимствования зарубежных трактовок функций образования [17], концептуальная ограниченность которых уже была отмечена выше.

В последнее время в проблеме функций образования авторы чаще стремятся обозначить свои позиции. Н.Д. Сорокина рассмотрела на социально-историческом материале России интегрирующую, дифференцирующую, структурирующую и социокультурную функции образования, при этом отметила изменение функций в советский период и выделила «социальную функцию внедрения инноваций в образовательный процесс» [18], однако данная версия функций звучит сугубо академически. Одновременно С.А. Шаронова подняла вопрос о

выделении «универсальных констант института образования» [10], хотя и не провела различия между социально-групповым уровнем функционирования образования, где эмпирически зримы *социальные заказы* к образованию, и социально-системным уровнем, где реализуется главная институциональная роль образования – поддержание целостности общества как социальной системы в процессе ее воспроизводства. Приписывать *функциям* свойство ситуационной или временной изменчивости, по нашему мнению, нельзя, так возникает их смешение с социальными заказами или задачами системы образования.

Видимо, отбор социально-научных парадигм и концепций, необходимых для выявления функций, заслуживает тщательного методологического обоснования. Безальтернативным представляется использование методологии историко-сравнительного исследования, с помощью которого только и можно выявить относительную историческую (темпоральную) универсальность тех или иных характеристик образования.

С. А. Шаронова отнесла функции института образования во вновь вводимый ею категориальный класс «универсальных констант», предвосхищая развитие «теории функционального ядра», главными единицами которой предлагает считать социальные роли, воспроизводимые через всю совокупность процессов познания, социализации, институционализации, стратификации и мобильности. Но такое направление реконструкции функций еще требует специального исследовательского аппарата, логических или эмпирических доказательств.

В литературе встречается и попытка чрезмерной, на наш взгляд,

детализации функций, когда без ясного определения смежных понятий образования и воспитания (вероятно, под влиянием теорий педагогической поддержки) выделяются «социализационные функции образования» – общеобразовательная и общесоциальная поддержка, поддержка профессионального самоопределения, социально-воспитательная активизация личностных ресурсов, профилактико-реабилитационная функция [19, с. 66], что вряд ли отвечает критерию универсальности.

В основной массе попыток поиска функций образования обнаруживались насущные или перспективные задачи образования в контексте определенной социологической или социально-политической парадигмы, недостаточно выражалась его институциональная специфика. Попытаемся наметить и прояснить те стороны категории «функция», которые помогут выйти на более однозначное и разделяемое теоретическое понимание институциональных функций образования.

Примем функции как устойчивые направления воздействия образования на основные сферы общественного развития, но дополним: такому воздействию внутри этих сфер подвергаются их структуры, связи и действующие субъекты. Недостаточно обоснованным пока видится и метод теоретического выделения функций образования, использованный А.М. Осиповым. Формулировки функций – гипотетический «продукт критического очищения» универсальных проявлений образования от концептуальных или идеологических штампов – суть ситуационных и краткосрочных в исторической перспективе характеристик сферы образования [1, с. 150-151]. Ясно, что в основе поиска функ-

ций лежит сравнительный и социально-исторический анализ, и такой метод в совокупности с критерием эмпирической операциональности позволил выстроить наиболее полную, хотя и не бесспорную и не исчерпывающую, версию институциональных функций образования. Главным недостатком предложенной более десяти лет назад концепции остается отсутствие опыта ее достаточно широкой эмпирической или социально-практической реализации.

Возможные критерии категории «функция» применительно к институту образования

В определении функций образования как социального института и отдельных организаций, воспринимаемых в качестве его элементов, целесообразно наметить условия и рамки, чтобы избежать непродуктивных в теоретическом и практическом отношениях результатов. Это тем более важно на данном этапе разработки проблемы функций образования, который отмечен предварительными теоретическими (логическими, гипотетическими) поисками и фрагментарной (индивидуально подбираемой) аргументацией. Эти поиски и аргументация не доведены пока до стадии комплексных исследований, позволяющих на более уверенно измерять процессы функционирования и судить об обоснованности теоретических дискурсов в этой проблематике.

Во-первых, все элементы функциональной модели образования как социального института должны быть вполне совместимы с категориальным аппаратом социологии и, кроме того, выступать конструктивной базой для эмпирически измеряемых показателей функционирования образования, охватывающих своей совокупностью все

реалии этого социального института. Важным в данном отношении является общесоциологическое определение (понятийная операционализация) образования как института [6, с. 311-313]. Такое общее определение вовсе не исключает иных специальных определений образования, с помощью которых могут вскрываться, в порядке углубления операционализации и эмпирической интерпретации, частные свойства этого социального института, например, с позиции теорий культурно-речевых кодов или «навешивания ярлыков». Однако методологическое требование понятийной совместимости таких поисков в рамках социологической науки при этом не отменяется.

Во-вторых, содержание формулировок функций образования должно выражать наиболее устойчивые характеристики данного социального института, соотносимые с его социально-историческими универсалиями. В этом – залог категориального отделения функций, имеющих значение исторически длительных проявлений института в обеспечении потребностей общества и его целостности в процессе воспроизводства, от ситуационных и краткосрочных социальных заказов и, следовательно, деформации социально-теоретической конструкции института. В отношении данного критерия категории «функция» в литературе со ссылкой на мнение Р. Мертона встречается иное утверждение: функции института отвечают потребностям двух видов: во-первых, потребностям необходимости существования (якобы, отличающихся постоянством) и, во-вторых, потребностям ситуационно-временного характера (следует понимать, отмеченным изменчивостью) [10, с.157].

Для прояснения категории

«функция» и ее возможностей в аппарате социологического исследования, обратить внимание на две следующие стороны проблемы и соответствующей полемики вокруг этого понятия, требующие различения. *Функция* как логически и эмпирически фиксируемый вид относительно устойчивой связи, поддержание которой обеспечивает целостность общества как социальной системы и характеризующийся социально-исторической универсальностью, проявляющийся, как правило, всегда и везде в сфере процессов образования. *Функция* – определенный объективный параметр образования, позволяющий судить о его состоянии, динамике, масштабе и предмете воздействий института на общество как социальную, социокультурную систему. *Функционирование* как процесс, протекающий в границах того или иного вида устойчивой связи. Содержание этого процесса, действительно, может меняться в том же смысле, что и содержание процессов социализации, в котором осуществляется воспроизводство крайне разнообразных ценностей, норм, образцов деятельности.

Если следовать данному различению, то функцией образования, вряд ли подлежащей оспариванию, можно признать организованное в масштабах группы или сообщества воспроизводство определенных социальных типов культуры. Как известно, в разных конкретных социально-исторических ситуациях воспроизводству подлежат и подлежат разные (содержательно не совпадающие) типы культуры – национальная, крестьянская, религиозная, пролетарская, буржуазная и т. д. Но из этого вовсе не следует *изменчивость* функций, поскольку меняется *содержание* функционирования, а не

вид связи (то есть, функция).

Пользуясь известной аналогией, А.М. Осипов отмечает, что отдельный орган организма (пищеварительный тракт, глаз, нервная система и пр.) как система в нормальной ситуации выполняет свои (одни и те же) функции вне зависимости от содержания процесса функционирования (состава пищи, цветности или степени освещенности, характера внешних или внутренних раздражителей). Такое различение позволяет в физиологии выявить функции органов, отделив их от разнообразных проявлений содержания функционирования (*перерабатываемых* продуктов, условий, воздействий), а в медицине – отслеживать состояния органа по значимым (постоянным) параметрам функционирования (то есть, функциям органа) и поддерживать благоприятные для функционирования условия (оптимальное положение в структуре организма и взаимосвязи с иными органами, стимулирование медикаментами, хирургическое вмешательство ради исправления структуры органа и т.п.).

К прояснению категориального аппарата изучения функций институтов, в том числе образования все же следует стремиться. В противном случае классические термины и понятия социологии, с которыми связана вся теоретическая конструкция социологии образования (как и иных теорий среднего уровня), останутся зыбкими, неустойчивыми элементами столь же зыбких отраслевых концепций.

В-третьих, выделяемые функции должны служить специфической характеристикой данного социального института, выражать его сущность и в минимальной степени накладываться (или вообще не накладываться) на области характеристик других институтов. В про-

тивном случае мы можем столкнуться с нежелательными методологическими прецедентами – теоретическими ситуациями, в которых концепции отдельных институтов сливаются, смешиваются – в первую очередь через смешение характеристик их функций. Такое требование коренится в социологической концепции социального института как относительно устойчивого комплекса норм и организаций, регулирующего удовлетворение определенной области потребностей общества и человека. С подобным требованием связано развитие не только социологии образования, но и иных социологических теорий среднего уровня.

Выполнение названного выше условия нередко нарушает строй привычных суждений об институте образования, но оно все-таки возможно. Так, постановка вопроса о функциях образования с точки зрения социального воспроизводства (человека, культуры) может вести к выводу о том, что воспроизводство осуществляется всеми основными социальными институтами. В рамках воспроизводственной парадигмы все институты так или иначе выполняют некий общий набор функций: они удовлетворяют потребности индивидов и групп, осуществляют социализацию и социальный контроль, дифференцируют сообщество и воспроизводят определенные элементы культуры, обеспечивая интеграцию общества как социальной системы и поддерживая ее целостность. Исследование этого пласта функций может привести к заключению, что в функциональном плане социальные институты отчасти дублируют друг друга, взаимопроникают, распространяя свои функции в масштабе всего социума.

В таком случае утверждение типа «функцией образования явля-

ется воспроизводство культуры» вряд ли выражает специфику данного института. В конкретно-социальной ситуации воспроизводство культуры осуществляется властью, экономикой с ее структурами организации и разделения труда, семьей, религией и т. д. Целью же социологического изучения функций образования является выделение таких его параметров, которые выражают его собственную институциональную специфику. Их выявление позволит не только развить адекватную теоретическую концепцию социального института, но и выработать в сфере управления специфические для данного института критерии эффективности и модель оптимального организационного строения (учитывающую собственные функции института). Отсюда, формулировки функций института образования должны в минимальной степени накладываться на области функциональных характеристик иных институтов.

В-четвертых, функциональная модель образования не должна страдать излишним лаконизмом, общетеоретическими определениями вроде тех, что обычно заимствуются из зарубежных, даже современных работ и отмечались выше. Формулировки конкретных функций должны обладать ясной понятийной операциональностью в системе категорий социологической науки, но главное – поддаваться эмпирической интерпретации. Тем самым возникает ценная возможность выхода теоретических конструктов в область эмпирических измерений, прикладного исследования, практико-ориентированных решений на основе концепции функций образования.

Таковы методологические замечания, учет которых позволит, по нашему мнению, приблизиться к современному, возможно более

строгую социологическую понимание функций института образования в обществе. Хотелось бы надеяться, что социологи, ведущие эмпирические исследования проблем образования, с пониманием отнесутся к обозначенной проблеме функций, будут находить возможность встраивать ее в свои исследовательские концепции, что позволит корректировать модель функций образования в отраслевой теории. Тогда социология образования сможет приблизиться к тому уровню знания, на котором, по мысли Р. Мертон, трактовка функции служит определению структуры организации и ее эффективности, а сама социология образования не будет замыкаться в запоздалой критике бюрократически вырабатываемой образовательной политики. Пока же общее впечатление таково, что в социологии образования образуются новые очаги концептуальных разработок при том, что системообразующие конструкты и концепции отраслевой теории остаются основательно не проработанными. При недостаточной ясности в этих базовых конструкциях вряд ли можно надеяться на преодоление теоретического кризиса в современной социологии, в том числе ее отраслевых направлениях.

Литература

1. Осипов А.М. Общество и образование. Лекции по социологии образования. Новгород: НовГУ, 1998.
2. Дюркгейм Э. Социология образования: Пер. с фр. Т.Г.Астаховой. М.: ИНТОР, 1996. С. 17-18.
3. Parsons, T. The school class as a social system. // Harvard Educational Review, 29:4 (Fall 1959), p. 297-318.
4. Мертон Р. Социальная теория и социальная структура. М.: АСТ: АСТ Москва: ХРАНИТЕЛЬ, 2006.
5. Осипов А.М. Социология образования: Очерки теории. Ростов, 2006.
6. Социология молодежи. Энциклопедический словарь. М.: Academia, 2008.
7. Иванов С.В., Осипов А.М. Университет как региональная корпорация // Социс. 2004. №11.
8. Иванова В.А. Зарубежная социология образования. Великий Новгород: НовГУ, 2008.
9. Ballantine J.H. The Sociology of Education. A Systematic Analysis. N.J.: Prentice-Hall, 2001.
10. Шаронова С.А. Универсальные константы института образования. М.: Изд-во РУДН, 2004.
11. Шереги Ф.Э. Социология образования. М.: Academia, 2001.
12. Зборовский Г.Е., Шуклина Е.А. Социология образования. М.: Гардарики, 2005.
13. Тюрина Ю.А. Социодинамика образовательного процесса в России: социологический анализ. СПб.: Издательский дом СПбГУ, 2009; Тюрина Ю.А. Социальные основания эффективности системы образования в советский период // Вестник ЧелГУ. 2009. №11, вып. 11.
14. Социология. Под общ.ред. В.П. Андрущенко, Н.И. Горлача. Харьков: Институт востоковедения и международных отношений, 1996.
15. Филиппов Ф.Р. Социология образования. М.: Наука, 1980.
16. Харчев А.Г. Социология воспитания. М.: Мысль, 1990; его же: Социология образования // Социология. Под ред. Г.В. Осипова, Л.Н. Москвичева. М.: Мысль, 1990. С. 302-320.
17. Косолапов С.М., Подвойский В.П. Социология образования. М., 1993.
18. Сорокина Н.Д. Образование в современном мире (социологический анализ). М.: «Экономика и финансы», 2004.
19. Смирнов Б.В., Тюрина Ю.А. Социализация, образование, воспитание: формы взаимодействия. Хабаровск: Изд-во ДВГУПС, 2005.

Возрождение России как ведущего центра мировой теоретической науки

Романенко М.В., Сюй Яньли

В статье раскрываются социально-экономические условия и факторы возрождения России как мировой научной сверхдержавы в свете поставленной правительством амбициозной задачи – к 2020 году выйти в число пяти ведущих экономик мира.

Ключевые слова – наука, научное творчество, инновационное развитие, модернизация, неолиберализм, научные кадры, востребованность науки, мировая теоретическая сверхдержава.

Romanenko M.V., Xu Yan Li

Revival of Russia as leading center of a world theoretical science

In article social and economic conditions and factors of revival of Russia reveal as world superstate in the light of the ambitious problem put by the government - by 2020 leave in number of five leading economy of the world.

Key words: a science, scientific creativity, innovative development, modernization, neoliberalism, scientific shots, a science demand, a world theoretical superstate.

Положение российской науки сегодня таково, что, как утверждают специалисты Международной организации Thomson Reuters, «убыль ее исконной силы и снижение доли в мировой научной выработке вызывают не просто удивление, а настоящий шок». Академик РАН Захаров В.Е. констатирует, что «российская наука находится в критически плохом состоянии – худшем, чем когда-либо за 285 лет своего существования»¹. Наука перестала быть единым целым. Она живет по островкам, мало взаимодействующим между собой. Внутри страны проводится мало научных конференций, путешествие по России стало дорогим удовольствием. Парадоксально, но ученые из разных мест России чаще встречаются на Международных конференциях за рубежом, чем у себя дома. Однако в целом, провинция пострадала от «утечки умов» меньше, чем Москва, Санкт-Петербург и Новосибирск.

Времени для спасения российской науки почти не осталось. Еще несколько лет и произойдет полный разрыв связи между поколениями ученых.

Такое состояние науки, на наш взгляд, обусловлено политикой, которую проводили и проводят сторонники неоллиберального курса. В. Путин в заключительном слове на заседании Российской Академии наук в мае 2010 г. говорил о том, что в 1990-е годы «мы экономику завалили всю целиком. У нас на рубеже 1990-х годов население утратило чувство опасности относительно происходивших событий, когда страна распалась»².

Наука оказалась одной из тех областей деятельности, для которых последствия перехода к рынку носили *еще более деструктивный* характер. Так, ассигнования на науку из федерального бюджета в течение 1991-1996 годов сократились в 6 раз, а среднемесячная заработная плата — почти в 3 раза. Численность занятых в науке уменьшилась в 2 раза. В результате расходы на развитие науки и технологии в России в расчете на душу населения намного ниже уровня, достигнутого в большинстве стран ОЭСР. В 1998 году собственные расходы на НИОКР в расчете на душу населения в России составили 61 доллар, в то время как в США — 794,40 долларов, в Японии — 715 долларов и в Германии — 510,60 долларов. В результате к 1999 г. Россия по показателю расходов на развитие науки оказалась в группе стран с небольшим научным потенциалом (Венгрия, Греция, Португалия, Польша). Принимая во внимание другой относительный показатель — государственные расходы на НИОКР в расчете на одного ученого, положение России оказывается еще более тяжелым. В 1996 г., например, общие расходы на НИОКР в расчете на одного ученого в США составили 189, в Японии — 148, во Франции — 177, в Германии и в Великобритании —

150 тыс. долл., а в Академии наук РФ, которая является вершиной научного истеблишмента России, — 2 тыс. долл. В том, что в нынешних тяжелых условиях российская наука еще достаточно активно функционирует, главную роль играет преданность своему делу большинства ученых старшего и среднего возраста.

Пример взлета СССР в развитии всех сфер общественной жизни, и особенно в научно-технологической, известен всему миру. Современные эксперты Международной организации Thomson Reuters на основе сравнительного сопоставления многих передовых стран XX века констатируют: «Россия занимала ведущие позиции в области науки и на протяжении долгого времени, была интеллектуальным лидером как в Европе, так и во всем мире. В результате преобразований российская наука была одним из величайших созданий и ценностей цивилизации».

Социализм обеспечил невиданное созидательное творчество масс, невиданный взлет и расцвет науки. Были созданы первая атомная электростанция в мире, первый атомный ледокол «Ленин», мощные авиастроение, приборостроение, ракетостроение, кораблестроение. В стране сформировалась обширная сеть научно-исследовательских организаций как фундаментального, так и прикладного характера. По многим направлениям советская наука занимала самые передовые позиции в мире. Это достигалось за счет высокого уровня ведущих научных школ, престижности труда ученого и привлечения в науку большого числа исследователей, а также за счет полноценного бюджетного финансирования.

В конце 1980-х годов прошлого столетия в Советском Союзе при-

мерно 1,5 млн. человек занимались наукой, из них 44% были заняты в отраслевой науке, 34% проводили исследования в высших учебных заведениях и 22% – в академическом секторе. СССР по объему внутренних расходов на НИОКР (примерно 5% ВВП) входил в число мировых лидеров. В стране была мощная система фундаментальных и прикладных исследований, включавшая более 3 тыс. НИИ, где работала примерно одна четверть всех научных работников в мире. Концентрация огромных ресурсов позволила добиться высокого уровня развития всех отраслей научного знания, технологического прорыва во всех отраслях ВПК, которые превосходили лидера того времени – американские достижения, включая атомную и авиакосмическую промышленность, приборостроение.

Роль науки понимают во всем мире. Так, Барак Обама говоря, что для США «сегодня наука нужна, как никогда раньше», объявляет науку главным приоритетом страны и увеличивает финансирование «всего спектра фундаментальной науки» в два раза. Даже в условиях финансово-экономического кризиса администрация Б.Обамы приняла решение о резком увеличении государственных расходов на НИОКР. Выступая в Национальной академии наук, он объявил о намерении довести расходы на НИОКР до 3% ВВП, а 21 сентября 2009 г. президент США подписал «Американскую инновационную стратегию», где ставится задача «восстановить лидерство Америки в фундаментальных исследованиях». Известно, что США до сих пор живут за счет «импорта мозгов» со всех стран планеты. Япония, Индия, ФРГ, Франция и даже Китай, несмотря на изумительные открытия в прошлом

бумаги, пороха, компаса, тоже пока не могут претендовать на мировые лидеры в области теоретической науки.

Французский президент Николя Саркози, распределяя огромное дополнительное финансирование по пяти стратегическим направлениям, на первые два места ставит образование и научные исследования, а затем лишь промышленность и прочее. «Фундаментальные науки не направлены на конкретно – прикладные цели. Но страна, которая не придает этим исследованиям приоритет №1, допускает историческую ошибку», – утверждает он.

5 марта 2011 г. премьер Госсвета КНР Вэнь Цзябао на 4-ой сессии ВСНП призвал «усиливать фундаментальные исследования и разработки фронтальных технологий», форсировать реализацию приоритетных национальных научно-технических спецпрограмм, осуществить ряд прорывов в ключевых технологиях и повысить возможности в наиболее важных направлениях интегральной инновации³.

Президент Медведев Д.А. в выступлении на Госсовете в русле принятой «Стратегии развития России до 2020 года» скорректировал основные ориентиры социально-экономического развития России до 2020 года⁴: возвращение России в число мировых технологических лидеров, четырехкратное повышение производительности труда в основных секторах российской экономики, увеличение доли среднего класса до 60%-70% населения, сокращение смертности в полтора раза и увеличение средней продолжительности жизни населения до 75 лет, создание равных прав и социальных возможностей для людей, формирование устойчивой мотива-

ции к инновационному поведению и радикальное повышение эффективности экономики, прежде всего на основе роста производительности труда. И, в соответствии с рекомендациями науки, определил приоритеты государственной политики: инвестиции в человеческий капитал, подъем образования, науки, здравоохранения, построение национальной инновационной системы, развитие наших естественных преимуществ и модернизация экономики, развитие ее новых конкурентоспособных секторов в высокотехнологических сферах экономики знаний, реконструкция и расширение производственной, социальной и финансовой инфраструктуры. Ясно, что без мощного подъема научных исследований, без расцвета отечественной теоретической и прикладной науки решить поставленные задачи невозможно.

В России сохраняется довольно масштабный научный и интеллектуальный потенциал. Имеются существенные заделы по отдельным направлениям науки и технологическим разработкам, функционируют оставшиеся на мировом уровне отечественные передовые научные школы. Российским ученым принадлежит приоритет в открытии технологий клонирования организмов, стволовых клеток, оптикоэлектронных измерений. Россия сохраняет ведущие позиции в математике и программировании, имеет передовые достижения в электронном приборостроении, молекулярной биологии и геномной инженерии, лазерных технологиях, изготовлении наноматериалов и оборудования, в атомной и водородной энергетике, в области охраны окружающей среды, в авиационной, оборонной сферах. В 2009–2010 гг. в РАН сделаны открытия мирового уровня:

в математике в области экстремальной комбинаторики и обратных задач геометрии, открыто новое фундаментальное явление природы – магнитный изотопный эффект, осуществлен синтез 117 атомного элемента, созданный волоконный лазер со случайной распределительной связью влечет за собой революцию в системе сверхдальней волоконно-оптической связи и др.

Российские научно исследовательские организации и специалисты достаточно активно участвуют в международном научно-техническом сотрудничестве, в ряде международных проектов, что дает возможность быть в курсе достижений и результатов современной мировой научной и технологической мысли. В качестве примера сошлемся на глубоководный нейтринный телескоп NT-200 установленный на озере Байкал, построенный по инициативе Института ядерных исследований РАН; и на комплекс оборудования Центрального аэрогидродинамического института (ЦАГИ) и Летно-испытательного института (ЛИИ) в г. Жуковский, позволяющий проводить натурные испытания любых образцов авиационной техники в широком диапазоне скоростей и условий полета.

Один из крупнейших международных меж- и мультидисциплинарных научных проектов последних двух десятилетий – программа Генома человека (расшифровка и картирование генетического кода человека). Россия является участником международной проектной группы, созданной в рамках реализации проекта в области физики высоких энергий по созданию и функционированию Международного линейного коллайдера. От России в проекте участвует Объединенный институт ядер-

ных исследований в подмосковной Дубне и другие институты.

Несмотря на то, что численность занятых в сфере науки уменьшилось более чем в 2 раза, пока еще имеется значительный кадровый потенциал в сфере научно-технологического комплекса. Научными исследованиями и разработками в 2009 г. было занято: исследователей – 369237 тысяч, техников – 60045 тысяч, вспомогательного персонала – 186995 тысяч, прочего персонала – 126156 тысяч человек⁵. Ныне в российской науке занято более 25 тыс. докторов наук.

Какие же условия необходимо создать для того, чтобы возродить науку, вновь стать великой мировой интеллектуальной державой?

1. Прежде всего, необходимо многократно увеличить финансирование науки, которая до сих пор финансируется по остаточному принципу и влечит жалкое существование. Утверждение о том, что у нашего государства нет денег на науку – это преднамеренное лукавство. В разгар финансового кризиса российские власти израсходовали на регулирование курса рубля свыше 200 млрд. долларов. По предварительным оценкам в 2008-2009 гг. на антикризисные меры в пожарном порядке было выделено около 3 триллионов рублей или 100 млрд. долларов. При этом валютные запасы Российской Федерации на январь 2010 г. составляли почти 440 млрд. долларов. По оценке Счетной палаты, бюджетный дефицит объясняется непрозрачными расходами на гособоронзаказ и правоохранительные ведомства. Только в 2009 году содержание раздутых государственных структур обошлось в 2 триллиона рублей.

В 2009 году бюджет Академии наук России составлял всего 46

млрд. рублей или 1,5 млрд. долларов. Эта сумма катастрофически мала и не превышает бюджет среднего американского научно-исследовательского института (РАН сейчас насчитывает 435 институтов и научных центров). Западные исследователи отмечают: «Бюджеты отдельных российских НИИ из числа самых лучших составляют 3-5% от бюджетов аналогичных учреждений в США». Бюджетное финансирование РАН в 2011г. составит 62,1 млрд. рублей. Удельный вес на фундаментальные исследования в общих объемах расходов на науку продолжает снижаться и разрыв от развитых стран может стать непреодолимым, – констатировал главный ученый секретарь Президиума РАН академик Костюк В.В. 17 мая 2011 г. в докладе на Общем собрании РАН⁶.

В 2009 г. расходы на НИОКР из средств федерального бюджета составили лишь 0,56% ВВП⁷. У ведущих стран Запада расходы на НИОКР составляют 2-3% ВВП, в том числе у США – 2,7%, а у таких стран как Япония, Швеция, Израиль достигает 3,5-4,5% ВВП. Высокими темпами наращивает расходы на науку Китай (в 2010 г. было израсходовано 1,7%, а на 2011г. запланировано уже 2,2% ВВП)⁸. Ожидается, что в следующем десятилетии КНР догонит США по объему расходов на науку. Европейский Союз поставил задачу увеличить расходы на НИОКР до 3% ВВП.

В странах-лидерах растут частные и государственные расходы на фундаментальную науку, а также другие сектора, способствующие генерированию и диффузии инноваций в экономике и социальной сфере. По оценкам ОЭСР, объем ежегодных инвестиций корпоративного сектора в «интеллектуальные активы» (НИОКР, патен-

ты и торговые знаки, подготовку персонала, оптимизацию систем менеджмента и т.д.) достиг к настоящему моменту в ведущих развитых странах 8-11% ВВП, а в США – около 12%, практически не уступая объему капиталовложений компаний в основные средства.

Затраты же российского бизнеса на НИОКР составляют всего лишь около 0,3% ВВП (в 7-10 раз меньше, чем в развитых странах). Лишь 3 российских компании входят в число 1000 крупнейших компаний мира по размерам затрат на НИОКР (среди крупнейших компаний по расходам на НИОКР доля США составляет 38%, Европейского Союза – 26%, Японии – 22%). Недавно на заседании Комиссии по модернизации и технологическому развитию экономики России были приведены «убийственные» данные о мизерном уровне расходов крупнейших российских компаний на НИОКР – два процента всех инвестиционных расходов. Концепцией долгосрочного социально-экономического развития Российской Федерации на период до 2020 г. предусматривается, что расходы на НИОКР к 2020 г. должны увеличиться до 2,5-3% ВВП. Однако это даст возможность лишь выйти на нынешний уровень затрат на НИОКР в развитых странах. К 2020 г. расходы этих стран на эти цели повысятся до 3,8-4,5% ВВП, а в некоторых государствах и до 5-5,5% ВВП. Чтобы не остаться в роли безнадежно отстающего, надо ориентироваться именно на перспективные показатели лидеров научно-технического прогресса.

2. Крайне важно остановить деградацию кадрового потенциала⁹. Демографический кризис (меньше трети научных исследователей относятся к наиболее продуктивной

возрастной группе 30-50 лет, а четверть докторов наук – старше 70 лет) может приобрести необратимый характер. По некоторым оценкам, из страны уехали не менее 1 млн. 250 тыс. специалистов (данные счетной палаты)¹⁰, из них около 250 тыс. ученых. Ныне в российской науке занято более 25 тыс. докторов наук, а только в США проживает более 16 тыс. докторов наук – выходцев из бывшего СССР и России. Многие ученые (их более 8 тысяч), живя в России, выполняют научные исследования по заказу западных корпораций, включая военное ведомство США. Конечно, важно остановить дальнейшую «утечку умов». Для этого необходимо создать благоприятные на уровне развитых стран условия для научной работы в России, поднять престиж работников науки. По социологическим исследованиям в России всего 1% опрошенных с уважением относится к профессии ученого, а в США – 56%, в некоторых других развитых странах этот процент еще выше.

Кардинальное решение обеспечения науки высококвалифицированными творчески мыслящими кадрами видится в создании развитой системы образования от детского сада до университета, в обеспечении интеграции науки и образования. Главное здесь – воспитание творческой личности. Большая роль в этом должна отводиться средней школе. Но сегодняшняя модернизация системы образования, которая предусматривает в средней школе только 4 обязательных предмета, а остальное – по выбору на платной основе, разрушает единое образовательное пространство, лишает образование фундаментальности, которая обеспечивает общий высокий уровень интеллекта страны.

Это «путевка в интеллектуальное рабство», - отмечает депутат госдумы, профессор МГУ имени М.В. Ломоносова И.И. Мельников¹¹. Модернизация системы образования предусматривает также сокращение вузов до 150-200, поскольку, по мнению министра образования, у нас слишком много студентов¹². Однако сравнительный анализ показывает, что среди выпускников школ, которые продолжают учебу в вузах в Скандинавии - 80%, Германии и Японии - более 80%, даже в Прибалтике - больше 70%, а в России только 54%. Куда сокращать и с какой целью?¹³.

Самый важный резерв пополнения кадров для научной сферы заключен в интеграции науки и высшего образования. В нашей стране в этом отношении накоплен конструктивный позитивный опыт. Сегодня около 700 членов РАН ведут преподавательскую и научную работу в вузах на постоянной основе или по совместительству. Более 250 институтов РАН совместно с вузами принимают участие в научной работе по Федеральной целевой программе «Интеграция». В институтах РАН имеется более 350 базовых кафедр в более чем 200 ведущих вузах страны, на которых обучается более 10 тыс. студентов. В вузах, колледжах и лицеях читают лекции и ведут практические занятия более 6 тыс. сотрудников РАН - докторов и кандидатов наук. В ряде институтов РАН созданы крупные научно-образовательные или учебно-научные центры: Физико-технический институт в Санкт-Петербурге, Институт прикладной физики в Нижнем Новгороде, Институт геологии рудных месторождений, петрографии, минералогии и геохимии, Институт общей и неорганической хи-

мии им. Н.С. Курнакова и др. В Пуштинском научном центре РАН и Научном центре в Черноголовке работают филиалы МГУ имени М.В. Ломоносова. Широко в мире известны научные школы МГУ, СПбГУ, МВТУ, РХТУ, МЭИ, МАИ, Новосибирского университета, а также так называемая «школа Физтех». Здесь подготовка кадров ученых и специалистов не только тесно связана с работой институтов РАН, но сама исследовательская деятельность становится неотъемлемой частью учебного процесса. Физико-технический институт имеет 57 базовых кафедр в 49 институтах РАН. На этих кафедрах читаются общие и специальные курсы, проводятся лабораторные практикумы на учебно-научном оборудовании институтов, под руководством сотрудников РАН выполняются курсовые и дипломные работы. В России накоплен уникальный опыт по интеграции академического и вузовского потенциалов при подготовке кадров для науки и различных отраслей экономики. Этот опыт выражается в многообразии форм и направлений сотрудничества, позволяющих максимально использовать сильные стороны партнеров. Наиболее эффективной формой является ассоциативное сотрудничество равноправных партнеров, с сохранением их организационно-правовой самостоятельности (юридического лица) и ведомственной подчиненности. Тогда взаимодействие умножает синергетический эффект.

Некоторые руководители государства предлагают переломить негативную кадровую ситуацию за счет «варягов». Сегодня предлагается давать «возвращенцам», то есть отечественным ученым, работающим за границей, гранты по 2 млн. рублей, а «настоящим ино-

странцам» - 3 млн. долларов. А зарплата тем ученым, кто все эти годы работал на Родине, оставить на мизерном уровне. Премьер В. Путин недавно недоуменно вопрошал, почему абсолютное большинство грантов, выделенные государством на развитие науки, достается иностранным ученым, либо ученым, уехавшим работать за границу, а не отечественным ученым. Создано «Сколково» и намечено создать другие подобные центры¹⁴, а существующие в стране «наукограды» держатся на голодном пайке, в том числе и новосибирский. Разве так можно вывести российскую науку из кризиса и восстановить престиж ученого в стране? Конечно, интернационализация науки требует приглашения в Россию талантов из других стран¹⁵, но это лишь дополнительное средство стратегического решения кадровой проблемы в российской научной сфере.

Магистральный путь решения этой проблемы состоит в том, чтобы, прежде всего, создать, обеспечить оптимальные условия жизни и научной работы (зарплата, жилье, транспорт, здравоохранение, отдых, туризм, физкультура, вплоть до экологически чистых продуктов питания) на уровне мировых стандартов здесь, в России, прежде всего для научной молодежи, чтобы остановить отъезд за рубеж и «внутреннюю эмиграцию» молодых ученых в более престижные и высокооплачиваемые сферы нашего хозяйства. За последние годы численность аспирантов в России выросла в 2,5 раза и составляет почти 155 тыс. человек. В 2009 г. в аспирантуру было принято почти 56 тыс. человек, а защитили кандидатские диссертации - 10770 человек¹⁶. Это значит, что страна обладает существенным кадровым потенци-

алом для привлечения молодежи в науку. При создании нормальных условий для научных исследователей мы могли бы ежегодно привлекать в научный сектор от 6 до 8 тыс. молодых ученых с кандидатской степенью. Кроме этого, нужно учесть и деятельность докторантуры, в которой обучалось в 2009 г. 4294 докторанта, из них в 2009 г. защитилось 435 человек¹⁷. Необходима специальная программа, которая позволила бы повернуть вспять опасную тенденцию сокращения численности научных работников¹⁸, сохранить преемственность оставшихся научных школ, сохранить «связь времен». Но это требует принципиально иного подхода государства к кадровой политике и финансированию науки.

3. Для эффективной и продуктивной деятельности ученых необходимо также остановить деградацию материально-технической и институциональной базы научной сферы. Отечественное научное приборостроение фактически погибло, лаборатории оснащены физически и морально устаревшим оборудованием. Необходимо оснастить современной научной, экспериментальной и испытательной базой, практически использовать все существующие в мире организационные формы поддержки научных исследований.

Самая большая проблема - это не только низкий уровень финансирования, а *невостребованность* науки. Наблюдается несоответствие структуры спроса, предъявляемого со стороны бизнеса, и имеющейся структуры научно-технологических заделов. Спрос модернизирующихся российских компаний на готовые технологии и технологические решения на сегодняшний день главным образом удовлетворяется зарубежными произведе-

лями. С одной стороны, российская сфера НИОКР пока не может удовлетворить имеющийся высокий спрос компаний на новые высокотехнологичные решения, доведенные до их непосредственного практического применения с целью их дальнейшей коммерциализации, по отдельным направлениям (радиоэлектроника, телекоммуникации и др.). С другой стороны, технологии, разрабатываемые за счет государственного финансирования (в рамках поддержки высоких (авангардных) технологий, реализации отраслевых мегапроектов и др.) в значительной своей части сегодня не соответствуют структуре реальных конкретных специфических запросов со стороны частных, также и государственных компаний.

Имеющийся в России качественный научный потенциал в большой мере, к сожалению, включен во многие иностранные инновационные системы: перспективные российские фундаментальные исследования и отдельные высокотехнологические решения интегрированы в производственные процессы западных корпораций и, как правило, работают на обогащение **не отечественных**, а западных компаний.

4. Важная сфера обеспечения успешного функционирования науки – это состояние культуры, культурная среда. Это театр и музыка, литература и изобразительное искусство, скульптура и архитектура, киноискусство и телевидение. Наука – важная составная часть культуры. Без развитой общекультурной среды развитая теоретическая наука невозможна. Поэтому президент призывает основывать воспитание народа на фундаментальных отечественных и мировых ценностях, на русской живописи, поэзии, музыке, лите-

ратуре, делать ставку на семью, на братские духовные взаимоотношения, воспитывать героев, творцов, «сынов Отечества».

Однако сегодня через средства масс-медиа широко внедряются стандарты западной массовой культуры – «культ духовного и физического разврата, безудержной наживы...беспредельный цинизм и разнузданное бесстыдство» (Митрополит Санкт-Петербургский и Ладожский Иоанн). Приведем в качестве иллюстрации вопиющий факт: 18% студентов МГУ, по опросу Института психологии РАН в 2010 г., заявили, что понятия добра и зла для них носят абстрактный характер, что они утратили порог различения добра и зла¹⁹. К тому же, мы перестали быть самой читающей нацией в мире. Статистика свидетельствует: около трети населения не читает книг вообще, почти половина делает это от случая к случаю и только каждый пятый обращается к книге регулярно. Около 40% семей не имеют домашних библиотек. В стране утрачено равноправие на участие в культурной жизни. 30% населения не имеют элементарного доступа к культурным ценностям, сосредоточенным в основном в больших городах, – констатирует министр культуры Александр Авдеев. Россияне обеспечены библиотеками на 80, театрами – на 42, парками культуры и отдыха – на 24, музеями – на 18%. На год на развитие культуры выделяется около 78 млрд. рублей. «С таким финансированием мы не создадим единого культурного пространства в России и не выведем культуру из упадка», – заявил министр, выступая в Госдуме²⁰.

Общество должно создать современную, использующую средства новых технологий культурин-

дустрии, систему культурного обслуживания всего населения.

5. Создание современной информационной среды – важная предпосылка активизации и развития научно-производственного и интеллектуального потенциала страны.

В стране нужно создать надежные каналы влияния ученых при выработке государственных решений. Корпорация (сословие) ученых должна обладать автономией, наделена особыми правами академической гильдии, может быть подобно дворянству в царской России.

Поддерживать необходимо все направления научного поиска в равной мере – наука представляет собой единый организм, и заботиться нужно о его здоровье в целом. То есть необходимо создавать единый комплекс теоретических наук от физики, математики, химии до политэкономии, права, социологии, психологии и философии. Ядром этой единой науки должна быть развитая фундаментальная наука, на базе которой могут успешно развиваться прикладные науки²¹. В России исторически сложилось так, что фундаментальной наукой занималась Академия наук России и Советского Союза. Нынешние попытки властей создать параллельную научно-исследовательскую структуру в лице федеральных университетов, учитывая большой объем учебной работы преподавателей, приведет не к их союзу и взаимному усилению, а лишь к ослаблению академической науки путем распыления ресурсов, и особенно финансовых.

Мультидисциплинарные исследования характерны для различного рода крупных целевых национальных и международных исследовательских программ, поскольку

они направлены на решение научных проблем различной степени сложности и масштаба. Это подразумевает использование методов, методик и привлечение специалистов более чем одной дисциплины. Не случайно все чаще говорится о необходимости специальной подготовки выпускников вузов, аспирантов и докторантов («межпредметники»), способных оперировать методами и инструментарием различных дисциплин, что лежит в основе успеха и стимулирования междисциплинарных исследований. В МГУ имени М.В. Ломоносова создан факультет биоинженерии и биоинформатики, НИИ физико-химической биологии и осуществляется подготовка специалистов в сфере нанотехнологий, биологических, медицинских и других дисциплин, отвечающих критериям компетенций междисциплинарности.

Дальнейшее обогащение содержания науки методологическими элементами, сближение науки с другими вненаучными формами духовного освоения мира создает условия для формирования новой, *единой науки будущего*, ориентированной на человека во всем богатстве проявлений его универсальной творческой способности по освоению и преобразованию действительности.

Для спасения, а затем расцвета российской науки не надо изобретать велосипед, – отмечают многие ученые, – следует вначале вернуть тот статус, который она имела в советское время и продолжает иметь сегодня в развитых странах мира. Ученые должны принадлежать к привилегированному социальному слою общества, а труд научного работника – быть уважаемым и социально престижным. Ученым должны быть созданы все необходимые условия для

творческой работы, лаборатории, научные центры должны быть оснащены самой современной научной, экспериментальной и испытательной базой. Иными словами, необходимы *два самых главных условия*: полное уважение к научному знанию и профессии ученого и полноценное, адекватное финансирование. А это требует политической воли руководства страны, превращения управленческих государственных структур в интеллектуально-информационный центр прогнозно-стратегического планирования научной политики, социального регулирования и макроконтроля в научной сфере.

Сейчас высшее руководство страны поставило задачу - в ближайшей перспективе наша страна должна занять достойное место среди мировых лидеров, «войти в пятерку экономик мира» (В. Путин), а это невозможно без наращивания мощного научно-технического потенциала страны и, прежде всего, расцвета теоретической и прикладной науки.

Практически все ведущие страны мира имеют продуманную стратегию научно-технического развития, которая реализуется на практике и обеспечивается выделением значительных финансовых средств. Такие стратегии осуществляют США, Япония, Германия, Великобритания, Китай, Бразилия, Италия, Индия и другие страны. Главный упор в этих программах делается на увеличении государственных инвестиций в НИОКР в приоритетных отраслях, стимулировании внутреннего и внешнего спроса на высокотехнологичную продукцию, принятии комплексных мер поощрению инновационной активности частного сектора, особенно малого и среднего бизнеса, а также на

подготовку квалифицированных научных и инженерно-технических кадров. Для этого необходимо радикально перестроить стратегию научно-технической политики государства.

Примечания

1 Захаров В.Е. Что и как надо спасать в российской науке // http://www.ng.ru/science/2010-01-13/12_ran.html Сокращенный вариант смотри в «Независимой газете» 13.01.2010. См. также: Романенко М.В. Возрождение России как ведущего центра мировой теоретической науки. М.: Университетская книга, 2011.

2 Вестник Российской Академии Наук. Сентябрь 2010. Т. 80, № 9, с. 804.

3 Женьминь жибао. 05.03.2011.

4 Эта стратегия, по мнению экономистов РАН, ориентирует нашу страну на реализацию догоняющей модернизации, заведомо обрекая ее на отставание, на превращение страны во второразрядную державу, поставляющей сырье на мировые рынки, а также «мозги» и инновационные идеи для мозговых центров Запада через создание научных центров типа «Сколково». Ученые РАН разработали *стратегию опережающего развития*, которое позволит России, не догоняя развитые страны по тем параметрам, по которым они ушли от нас далеко вперед, обогнать их за счет овладения шестым технологическим укладом, который формируется в мировой экономике в настоящее время. При правильной экономической политике, опираясь и наращивая преимущества отечественных конкурентоспособных отраслей и научных заделов, при концентрации имеющихся в стране интеллектуальных, институциональных, информационных и

финансовых ресурсов можно выйти на траекторию опережающего развития. Но для этого необходимо радикально изменить социально-экономическую политику государства.

5 Российский статистический ежегодник. Официальное издание. М.: Росстат, 2010, с. 559. Ныне в российской науке занято более 25 тыс. докторов наук.

6 <http://www.ras.ru/news/shownews.aspx?id=938345a1-da58-4964-a175-46867437a6d7&print=1>

7 Российский статистический ежегодник. Официальное издание. М.: Росстат, 2010, с. 569.

8 Женьминь жибао. 05.03.2011.

9 По данным ОЭСР, в России на 1000 занятых в экономике приходится 6,7 научных исследователей. По этому показателю мы значительно уступаем лидерам – Финляндии (15,4), Японии (11,0), США (9,7), Южной Корее (9,5), Франции (8,3).

10 Директор Федеральной миграционной службы М. Ромодановский сообщает, что каждый год из России 300-350 тысяч россиян уезжают работать за рубеж. Это – врачи, инженеры, ученые, высококвалифицированные рабочие.

11 Мельников Иван Плевков в Ломоносова. Почему власть хочет, чтобы наши дети росли безмозглыми. // Московский комсомолец. 03.02.2011.

12 Выступая в Госдуме, депутат Н.Останина говорила: «Кажется более чем странным и провокационным высказывание нынешнего министра образования, который говорит: что-то у нас много вузов, что-то у нас много людей с высшим образованием. Надо бы эту тысячу вузов сократить до 150-200. Такое в России уже было в 1917 году: 150 вузов на 91 миллион населения, половина которого была неграмотной. Не так уж много у

нас людей с высшим образованием». (Правда, № 28, март 2009).

13 «Московский комсомолец» от 11 февраля 2011 г. сообщает, что опросы в вузах показывают – 45% выпускников не исключают возможности уехать, а от 18 до 24% твердо намерены добиваться отъезда на работу за рубеж.

14 Многие российские ученые высказывают тревогу по поводу того, что научно-технологические достижения в подобного рода «интернациональных» по составу учебных центрах могут быть легко доступны и использованы зарубежными конкурентами в ущерб национальным интересам России.

15 Учитывая огромное количество отечественных ученых, уехавших работать за границу, целесообразно разработать государственную Программу по возвращению их на Родину. Профессоров, академиков, руководителей институтов и лабораторий унизительно низкие зарплаты вынудили уехать туда, где ценятся талант и квалификация ученого. У нас зарплаты профессоров самые низкие во всем грамотном человечестве. Как показал опыт Китая, при создании хороших условий для работы ученых и специалистов, многие из них (хуацяо) возвращаются работать на свою Родину.

16 Российский статистический ежегодник. Официальное издание. М.: Росстат, 2010, с. 564.

17 Российский статистический ежегодник. Официальное издание. М.: Росстат, 2010, с. 569.

18 Если в 1995 г. численность персонала, занятого исследованиями и разработками составляла 1061044 человек, то в 2009 г. – всего 742433. (Российский статистический ежегодник. Официальное издание. М.: Росстат, 2010, с. 559).

19 См.: Орехов А.М. Справедливость как базисный принцип

устройства общества: путь к очевидности // Вопросы философии, № 9, 2010, с. 26. Святейший Патриарх Московский и всея Руси Кирилл всегда подчеркивает, что «нравственность – это способность отличать добро от зла». «Пока человек отличает добро от зла – он человек, а как только перестает отличать – он ничем не отличен от животного». (Книга размышлений Святейшего патриарха Кирилла. Сила нации – в силе духа. Минск, 2009, с. 269).

20 Советская Россия. 8.07.2010.

21 Выступая на Общем собрании РАН В. Путин говорил о новой стратегии развития науки в условиях «новой модернизации» – «поддержке сильных и дееспособных научных школ, о concentra-

ции ресурсов на приоритетных направлениях», что должно привести к свертыванию ныне неэффективных научных организаций. (Вестник Российской Академии Наук. Сентябрь 2010. Т. 80, № 9, с. 790). Президент РАН Ю.С. Осипов «категорически не согласен» с такой позицией и говорит о том, что надо не свертывать сегодня неэффективные научные организации, а принять меры по их санации, учитывая, что прорывные научно-технические направления могут измениться и надо быть готовым к любому повороту в научно-технологическом развитии, а для этого надо развивать «широкий спектр исследований». Мы согласны с такой целерациональной позицией президента РАН.

Самочувствие молодых специалистов

Сушко В.А.

В качестве информационной базы исследования использован анкетный опрос молодых специалистов – выпускников вузов 2009-2011 годов. Было проанализировано отношение к их будущей работе, планам, отношении к реформам, проводимым в стране, к политической жизни, выявлены их ценностные характеристики, взгляды на будущее, по которым можно составить социальный портрет выпускника, изучались их социально-трудовые параметры и параметры, характеризующие их жизненные перспективы.

Ключевые слова: молодой специалист, социальный портрет выпускника, ценностные ориентации, жизненные перспективы.

Sushko V.A.

Young specialists' social feeling of life

The questionnaire of young specialists, the graduates of higher schools of 2009-2011 has been used as an informative base of research. There have been analysed their attitude to the future work and their plans, the relation to reforms carried out in the country and to political life. Besides there have been (educated) revealed the valued characteristics of graduates, their looks toward the future. There were also investigated their socially- labour parameters alongside with those ones which define their life (vital) prospects. All these things taken together make it possible to compile a social portrait of a graduate.

Key words: the young specialist, a social portrait of a graduate, valued orientations, life perspectives (life prospects).

Ни у кого не вызывает сомнения, что обучение в высшем учебном заведении должно предоставлять огромные возможности для современного человека. Диплом о высшем образовании должен позволить людям, имеющим его, устроиться на самую престижную работу. А что же происходит на самом деле? Почему все чаще и чаще молодые специалисты не могут устроиться на работу или работают не по полученной в вузе специальности? Почему количество желающих уехать на работу за рубеж с каждым годом не уменьшается, а только увеличивается? И главное, что думают сами выпускники вузов по поводу этих проблем.

В России в конце XIX – начале XX века проводилось значительное число эмпирических исследований в области школьного и высшего образования. В связи с этим следует отметить работы П.Н.Милокова и Н.И.Кареева, посвященные проблемам российского образования. В советской и постсоветской социологии значительный вклад в изучение образования в разные годы внесли В.Н. Шубкин, Ж.Т.Тощенко, Л.Н. Коган, Ф.Р.Филиппов, Д.Л.Константиновский и другие. В 1960-1970-е гг. усилиями отечественных социологов Д.Х.Константиновского, Г.А.Чердниченко были проведены широкомасштабные эмпирические исследования, направленные на выявление ценностных установок и профессиональных ориентаций выпускников школ, динамики профессиональной мобильности и изменения престижности различных профессий. В конце 1970-х гг. выделилось такое самостоятельное направление

социологического исследования образования, как изучение социальных проблем высшей школы и студенчества. К числу крупных монографических исследований по этой проблеме принято относить работы И.В.Бестужева-Лады «Прогнозирование социальных потребностей молодежи. Опыт социологического исследования» (1978), В.Х.Лисовского, А.В.Дмитриева «Личность студента» (1974), С.Л.Шконниковой «Молодежь. Социологический и социально-психологический анализ» (1974), А.А.Терентьева, В.В.Туранского «Социология и высшая школа» (1975), а также Л.Л.Рубиной «Советское студенчество» (1981), А.А.Овсянникова «Высшая школа в зеркале общественного мнения» (1989). В 1980-е гг. получило свое оформление обозначившееся в 1970-е направление социологического изучения общественных потребностей в сфере образования. Результаты этих исследований отражены в трудах Г.О.Козырева «Проблема социологического изучения потребности в образовании» (1981).

Глубокие социально-экономические изменения в российском обществе 1990-х гг. послужили дополнительным стимулом для расширения базы эмпирических исследований образования. В фокусе внимания оказались вопросы социальных проблем в сфере образования, роли образования в процессах социальной мобильности и социокультурного воспроизводства. Именно этим проблемам и посвящены монографии Ф.Х.Зиятдиновой «Социальные проблемы образования» (1999), Г.Б. Кораблевой «Профессия и образование: Социологический аспект связи» (1999), коллективные исследования «Образование в социокультурном воспроизводстве: механизмы и конфликты» (1994), «Социология образования. Прикладной аспект»

(1997). Усилиями В.И.Добрынина, Д.Л.Константшовского, Т.Л.Кухтевич, В.Т.Лисовского, В.С.Собкина, В.В.Тумалева дальнейшее развитие получило такое направление отечественной социологии образования как изучение динамики ценностных установок и профессиональных ориентации молодежи.

Профессиональное самоопределение молодёжи - один из самых сложных вопросов реализации государственной молодежной политики. Значительные проблемы с занятостью молодежи вызваны тем, что в процессе формирования в стране рыночной экономики и рынка труда происходят существенные сдвиги в структуре занятости населения, в спросе на различные категории работников. Спрос зачастую оказывается не согласованным с предложением.

Длительность цикла подготовки высококвалифицированных специалистов в вузах и падающее качество образования приводят к тому, что их выпуск часто не соответствует актуальным запросам предприятий и организаций. Так, по данным исследования «Трудоустройство выпускников вузов на предприятиях реального сектора экономики города Москвы», проведенного ГБУ «Молодежным Центром «ПОТЕНЦИАЛ» в 2010 г., участие в котором приняли 65 работодателей реального сектора экономики, более чем три четверти работодателей (77%) отказывали выпускникам вузов в приеме на работу.

Основной причиной отказа послужило отсутствие у претендентов опыта работы по специальности (54%). Второй по значимости причиной является недостаточный уровень знаний по специальности (39,1%).

Таким образом, бюджетные средства, выделяемые на подготовку молодого специалиста по конкретной специальности, расходуют-

ся с крайне низкой эффективностью: экономика региона не получает необходимые кадры; выпускники образовательных учреждений вынуждены переучиваться с учетом потребностей рынка труда.

Молодые люди, получившие образование, часто не имеют возможности применить свои знания по специальности, что сказывается на их квалификации, приводит к социальным проблемам, психологическим травмам.

Социологами Всероссийского центра общественного мнения (ВЦИОМ) в феврале 2009 г. был проведен опрос, посвященный оценкам перспектив трудоустройства молодежи после окончания вузов. Было опрошено 1600 человек в 140 населенных пунктах в 42 областях, краях и республиках России. Результаты проведенного исследования показали, что каждый второй россиянин (50%) уверен: найти работу выпускнику вуза удастся лишь с большим трудом. Еще 24% респондентов полагают, что трудоустроится человеку, только что получившему диплом о высшем образовании, практически невозможно, 12% граждан считают, что работу найти можно, приложив небольшие усилия. Лишь 2% убеждены, что выпускник вуза легко может трудоустроится, 13% затруднились ответить.

Преобладающие мотивации и предпочтения определяют стратегию поведения молодого специалиста – выпускника на рынке труда. По данным аналитического обзора, проведенного ГБУ «Молодежным Центром «ПОТЕНЦИАЛ» в 2010 г., среди мотивов подбора места работы лидирует «заработная плата» (38,9%).

На второе место каждый четвертый выпускник поставил статусную мотивацию, т.е. возможность профессиональной карьеры, продвиже-

ние по служебной лестнице, достижение определенного положения.

Молодые люди не всегда проявляют адекватную позицию на рынке труда, хотя «всё и сразу».

Необходимо отметить, что с новыми социально-экономическими условиями система ценностных ориентаций молодежи существенно изменилась. Современные молодые люди, в первую очередь, хотели бы достичь финансовой самостоятельности. Этот показатель в современных условиях опередил такую традиционно важную ценность, как «семья». К сожалению, современная молодежь слабо ориентирована на рождение детей и не относит это к первостепенным ценностям. Показатель «рождение детей» становится ниже, чем показатели «хорошие друзья», «любимая работа».

Изучение социального самочувствия можно назвать объективным анализом субъективных оценок. Это означает интерпретацию представлений респондентов о жизненных притязаниях, что включает ценностные ориентации, планы, ожидания, а также степень их реализации (актуальный статус, удовлетворенность жизнью в целом, характеристика своих возможностей и т.д.).

В период молодости практически каждый человек осуществляет свои планы в получении профессии и в трудоустройстве.

Исследование, проведенное в 2011 г., также показало не очень позитивные результаты. Характер вопросов был достаточно разносторонним, даже более широким, чем предыдущие исследования, где выпускников спрашивали не только об их будущей работе, планах, но и об отношении к реформам, проводимым в стране, отношении к политической жизни, были заданы вопросы с выявлением их ценностных характеристик, взгля-

дов на будущее, по которым можно составить социальный портрет выпускника, изучались их социально-трудовые параметры и параметры, характеризующие их жизненные перспективы. Было опрошено 500 выпускников московских вузов (мужчин 50,4% и женщин 49,6%) в возрасте от 22 до 29 лет, по характеру семейного положения респонденты распределились следующим образом: 18,2% выпускников состоят в браке, 61,8% не состоят, но думают жениться в ближайшие годы и 19,7% выпускников пока не думают создавать семью в ближайшие годы. У 9,4% выпускников есть дети, 66,7% думают завести детей в ближайшее время и 23,4% пока в ближайшее время не думают о детях. По профилю учебного заведения выпускники распределились следующим образом: естественно-научное образование у 10,6%, инженерно-техническое - 39,8%, экономическое 22,6% и гуманитарное у 26,9% и по уровню образования окончили магистратуру 8,6%, специалитет 75,6%, бакалавриат 15,8%. Все опрошенные выпускники сразу трудоустроились после окончания вуза. Среди опрошенных 36,2% окончили вуз в 2011 г., 44,9% в 2010 г. и 19% в 2009 г.

На вопрос «Насколько интересно работать по полученной специальности?» выпускники ответили, что интересно у 56,7%, не очень интересно у 34,8% и 8,5% сказали, что совсем неинтересно и что интересно, что подавляющее большинство выпускников (83,8%) после окончания вуза ни разу не меняли место работы, один раз меняли место работы только 14%, два раза 2% и три и более раза только 0,3%.

Чуть больше половины выпускников (58,1%) работают по полученной специальности в вузе, в тоже время чуть меньше половины

(41,9%) работают совершенно по другой специальности, зачастую очень далекой от той, что получили в вузе. На вопрос о том, соответствует ли уровень знаний и практических умений, полученных ими в вузе, требованиям работодателей к занимаемой должности, 14,1% ответили, что уровень знаний выше, чем требуется, 59,1%, что в основном соответствует требованиям, но каждый четвертый ответил, что ниже, чем требуется или же почти не соответствует.

На первое место выпускники поставили отсутствие необходимых профессиональных знаний по полученной специальности (53,9%), на втором умений организовывать и планировать свою работу (29,7%), на третьем умений быстро приспосабливаться к новым условиям работы (25,8%), также выпускники отметили отсутствие умений «выдавать» новые идеи (21,9%), умений работать самостоятельно (20,3%), умений быть лидером (17,2%), умений для системного анализа поставленной задачи (15,6%), умений убедительно выражать свои мысли (13,3%).

Но, тем не менее, при вопросе, когда они ожидают повышения должностного положения, почти половина выпускников (44,4%) ответила достаточно оптимистично, что в течение года, 37,6% ответили, что в течение 2-3 лет, 6,3%, что в течение 4-5 лет и только 10,5% считают, что повышение когда-нибудь возможно.

Подавляющее большинство 33,3% респондентов имеют оклад от 21 до 30 тыс. руб., почти каждый четвертый 22,2% имеет оклад от 31 до 40 тыс. руб., от 11 до 20 тыс. руб. имеют оклад 21,7%, от 40 тыс. руб. и выше имеют оклад 17,4% выпускников и только 5,4% имеют оклад до 10 тыс. руб.

Также выпускникам был задан вопрос «Что для Вас труд в первую

очередь?» и ответы были следующие: подавляющее большинство 69,5% ответили, что труд – это средство для обеспечения материального достатка, для 7,1% выпускников это вынужденная необходимость, для 0,9% – это обуза и только для 22,5% это средство для реализации своих творческих планов.

И также, достаточно важным было изучить параметры социального портрета выпускников, характеризующие их патриотизм. Для этого выпускникам были заданы вопросы различного характера по этой тематике с целью выявить их уровень патриотизма и были получены ответы, показывающие их отношение к этой ценности.

Респондентам предлагалось выбрать одно из следующих утверждений, с которыми они были согласны и основные ответы распределились следующим образом. С утверждением, что «Каждый человек в России живет сам по себе, и никто не обязан быть ответственным за другого» согласились 32,5% выпускников, с утверждением, что «Мы единый народ и каждый из нас должен вести себя ответственно по отношению друг к другу» согласились 63,2% выпускников. На вопрос «Если бы у Вас была возможность уехать в другую страну» респонденты ответили так, что «Остались жить в России» 23,1%, «Переехали бы временно на работу в другую страну» 31,6%, «Переехали бы навсегда в другую страну» 25,9%.

Результаты исследования оказались достаточно интересными и важными, показывающими заинтересованность молодых людей, недавних выпускников в развитии России. Для этого важна правильная политика государства и соблюдение важных условий во всех сферах жизни общества и немаловажную роль здесь играет роль высшей школы.

В связи с этим следует сказать о необходимости создания и отладки такой образовательной инфраструктуры, которая задавала бы векторы инновационного развития, готовя людей к экономике будущего; реагировала на изменения рынка труда и одновременно решала задачи, связанные с передачей культурных и социальных норм и стандартов общественной жизни. Система высшего образования должна не столько подстраиваться под рынок труда, сколько сама являться источником и инкубатором новых идей, инновационных решений, прорывных технологий. Образование должно воспитывать в человеке способности и стремление к развитию и преобразованию. В тоже время каждое конкретное общество объективно допускает и поощряет лишь определенные тенденции и темпы развития, не превышающие стабилизирующие возможности общества. Это связано с реализацией образованием социальных функций селекции и социального контроля. Поэтому решающим может оказываться не сам по себе факт получения того или иного образования, а такие факторы, как имущественное положение людей, ситуация на рынке труда, влияние открытых или замаскированных форм социально-группового отбора как внутри самой системы образования, так и за ее пределами.

Ситуация с трудоустройством выпускников учреждений профессионального образования, сложившаяся в новых социально-экономических условиях, предполагает необходимость выработки принципиально новых подходов, организационных и методологических принципов создания и функционирования государственной системы содействия занятости учащейся молодежи и трудоустройства молодых специалистов.

КУЛЬТУРА И РЕЛИГИЯ

Институциональные модели социально- христианского служения

Денисова Л. Е.

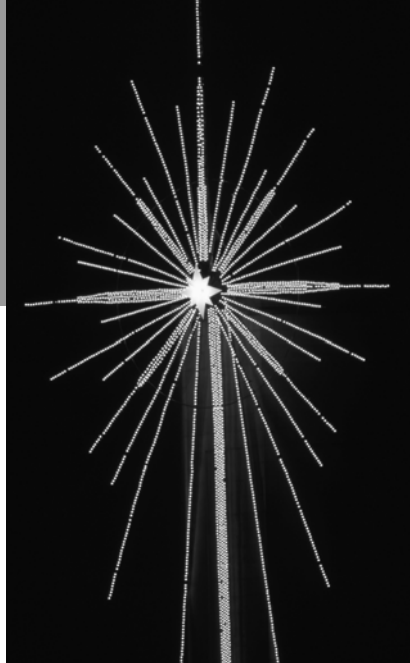
Работа посвящена анализу институциональных моделей социального служения в христианстве в контексте процессов модернизации российского общества. Институциональные модели диаконического служения рассматриваются на примере социальной деятельности диаконических организаций и учреждений. К наиболее важным исследовательским задачам автор относит формирование целостного представления об общих и национальных проблемах социального служения в христианстве.

Ключевые слова: Общество, социальная работа, социальные технологии, христианство, социальное служение Церкви, институциональные модели диаконического служения, диаконические организации и учреждения.

Denisova L. E.

Institutional models of christian-social ministry
The work it is devoted to the consideration of the institutional models of Christian diaconal ministry in the context of the modernization processes of Russian society. The problem of institutionalization of social ministry of Christian Church is by the example of the social activity of the diaconal organizations and institutions analyzed. Among the most important research tasks, the author points out the formation of an integrated notion of global and national problems of social ministry in Christianity.

Key words: Society, social work, social technologies, Christianity, diaconal ministry of Church, institutional models of diaconal ministry, diaconal organizations and institutions.

Обращение к научной разработке проблемы, связанной с исследованием институциональных моделей социального служения в христианстве, приобретает особую актуальность в контексте модернизационных процессов современной России.

Прежде всего, ввиду того, что переживаемый нами кризис затронул не только финансовую, экономическую, трудовую, но, безусловно, социальную, нравственную и духовную сферы жизни, что требует от российского и, в целом, мирового сообщества консолидации всех общественных сил, способных совместно с правительствами смягчить проявления кризиса и преодолеть его последствия.

Одной из таких общественных сил, по праву, является — Церковь.

Возникнув как особый тип социального института, Церковь на протяжении многовекового периода своего служения являлась наставником в делах благотворности, концентрировала и организовала устремления верующих в оказании помощи ближнему. Нео-

днократно она выступала в качестве вдохновителя общегражданской социальной активности, как в деле облегчения и преодоления конкретного человеческого страдания, так и в деле духовного и нравственного возрождения общества в целом.

И сегодня в условиях необходимой для разрешения кризисной ситуации и дальнейшего духовного, экономического и политического развития нашей страны переориентации социального сектора, следует говорить о том, что неукоснительное следование апостольскому установлению о том, что «вера без добрых дел мертва, именно в них она находит свое проявление» [1 Иак. 2:17-26], требует от Церкви дальнейшего институционального и духовного развития социально-христианского или диаконического служения, без которого невозможна сама церковная жизнь [1].

Обращаясь к институциональному пути диаконического служения различных христианских конфессий, следует, с учетом безусловных конфессиональных особенностей по претворению в жизнь христианского идеала милосердия, различий в догматах, обрядах, социально-исторических условиях, национальных традициях и т.п., говорить о формировании, закреплении и развитии общих для всех них институциональных моделей, как то:

- индивидуальная диакония;
- коммунитарная диакония;
- коммунальная диакония;
- приходская диакония;
- институциональная диакония;
 - региональная (епархиальная) диакония;
 - социальная диакония;
 - церковная диакония / диакония Церкви.

Многие известные нам технологии социального и диаконического служения, берущие свое начало уже в харизматической общине первых веков, и другие, сформировавшиеся в новое и новейшее время и стремительно развивавшиеся в Российской империи до 1917 г., к сожалению, были утрачены в период почти семи десятилетий «великих гонений» на Русскую Православную Церковь.

И, несмотря на то что с 1990-х гг. прошлого века до настоящего времени достигнуты значительные результаты в деле храмового восстановления и строительства, открытия монастырей, обретения и сохранения духовных и культурных ценностей, возрождения православной благотворительной деятельности, в сознании многих наших соотечественников Церковь, по-прежнему, представляется лишь местом, где люди встречаются и вместе молятся, а церковное социальное служение ограничивается лишь разрешением микродеминциональных проблем.

Святейший Патриарх Московский и всея Руси Кирилл говорит сегодня о необходимости изменения «угла зрения» на само присутствие Церкви в обществе. Церковь, согласно мнению Предстоятеля, сама должна «идти к народу», формируя целостный диаконический подход, затрагивающий все аспекты жизни людей: «...деятельность Церкви теперь нужно оценивать не только по числу храмов и монастырей, но и по влиянию, которое Церковь оказывает на жизнь людей и общества <... мы должны понять, что наша паства — это не только те люди, которые сегодня пришли в храм. Наша паства — это как минимум 60% нашего народа» [2].

Одним из приоритетных направлений реализации данного

подхода является совершенствование приходской диаконии, прежде всего, в том, что касается формирования приходского социального и образовательного пространства, в том числе:

- расширения аспектов пастырского социального служения;
- упрочения роли мирян;
- развития общинной социальной работы с одинокими и пожилыми людьми;
- приходской миссионерской и катехизаторской деятельности;
- создания приходских социальных сетей;
- приходской социальной работы с детьми и молодежью;
- социальной работы с семьей и т.д.

По мнению Предстоятеля Русской Православной Церкви, в штат церковного прихода крайне необходимо, наряду со священником, диаконом, регентом, другими служителями клира, ввести обязательных социальных работников и образовательных работников — катехизаторов, работающих не на добровольных началах, а получающих за свой труд заработную плату, а также увеличить масштабы подготовки таких специалистов в отечественных вузах [2].

Данное предложение коррелируется с другим высказыванием Его Святейшества, в котором в качестве приоритетной задачи высшей школы сегодня называется «возделывание человеческой личности», и результатом данного процесса — добрые плоды, интеллектуальное, эстетическое, нравственное, духовное возрастание человека и общества [3].

В контексте современных межхристианских и межцерковных сношений, к примеру, участия в экуменическом движении, во Всемирном Совете Церквей, следует говорить о развитии политической

модели диаконического служения.

Войдя, как и большинство Поместных Православных Церквей, в состав ВСЦ в 1961 г., Русская Православная Церковь проводила активную политику, направленную на развитие богословской основы социальных и диаконических вопросов, участвовала в работе многочисленных международных конференций и консультаций, разработке и реализации межцерковных программ и проектов.

Выдающимся политическим вкладом Русского и Вселенского Православия в экуменическое движение стало предложение о понимании диаконии с позиций православного евхаристического богословия [4].

Социальную ответственность христианина следует понимать как продолжение Евхаристии, или, используя широко известное сегодня определение, «литургию после литургии», совершение которой представляется в качестве постоянного, затрагивающего все аспекты жизни христианина, общения с Богом или служения Богу — Бого-служения, когда верующий человек, не навязывая «своей точки зрения, но внутренней силой сможет исповедовать свою правоту и убеждать других» [5].

В рамках данной публикации следует также упомянуть об актуальности дальнейшего развития и совершенствовании Русской Православной Церковью институциональной модели диаконического служения.

Значительную роль в развитии институциональной модели социального служения Церкви должна играть сегодня кооперация перспективных направлений исследования в области современной социальной науки и инновационной деятельности диаконических организаций и учреждений [6].

Эффективность подобной кооперации представляется объективной, прежде всего, в связи с тем, что службы и учреждения христианской диаконии, нуждающиеся сегодня в высококомпетентных специалистах, могли бы получить таковых в рамках сотрудничества с отечественными вузами и исследовательскими центрами, первоначально как аккредитованные базы практической подготовки для студентов, обучающихся по специальности и направлениям социального профиля, а в дальнейшем, как экспериментальные и опытные площадки для апробации и внедрения инновационных технологий церковного социального служения [7].

Сегодня, когда очевидным представляется участие всех субъектов российского общества в разрешении кризисных проявлений и, в дальнейшем, в преодолении его последствий, перед высшими учебными заведениями, реализующими программы по таким направлениям и специальностям, как «Социальная работа», «Социальная педагогика», «Менеджмент организации» и др., встают задачи по подготовке профессионалов, способных не просто к успешному осуществлению своей профессиональной деятельности в церковных организациях и учреждениях милосердия, но готовых выстраивать новые модели этой деятельности, системно изменять ее [8].

В заключении позвольте обратиться к опыту деятельности зарубежных диаколических учреждений и организаций, чье изучение не только содействует получению объективных знаний об общех и национальных проблемах социального служения в христианстве, но, в конечном счете, инновационному переосмыслению и преобразованию моделей и подходов к организации данного служе-

ния в условиях современной России.

В зарубежном Православии, например, в Греческой Православной Церкви, проблема институционализации христианской диаконии находится сегодня в центре внимания целого научного направления — диаконики, включающего в себя исследование христологических, теологических, исторических, педагогических и социальных аспектов данного служения [9].

Более полувека назад Элладской Церковью был открыт Институт диаконов в Атике [Центральная Греция, 1957 г., прим. авт.]. Это деяние Священного Синода было одобрено Центральным Административным Советом «Апостольской диаконии». Первоначальной целью Института была подготовка кадров церковных общественных работников из женщин в помощь приходским священникам в их пастырской деятельности. С 1963 года назначение Института меняется: его выпускницы осуществляют связь между Церковью и общественными организациями страны. В 1964 году деятельность Института официально признана правительством Греции. Выпускницы Института трудятся в различных организациях: в Афинской Архиепископии, в митрополиях, в учреждениях различных министерств, в госпиталях, на предприятиях, в других местах.

Институциональный путь христианской диаконии в Западной Церкви возможно проследить на примере служения Кайзервертской общины, основанной в 1836 г. пастором Теодором Флиднером как «Союз для ухода за больными в Рейнской провинции и Вестфалии» в Кайзерверте (Германия) [10].

Сегодня Кайзервертская община преобразована в Генеральную Кон-

ференцию диаконических обществ и служб. Она объединяет 74 общины и 9 тыс. сотрудников обоего пола в Германии и 26 аналогичных учреждений в других странах мира. В разные годы при Кайзервертской общине были созданы и успешно работают в настоящее время:

- Больница им. Флоренс Найтингейл, объединяющая 11 клиник и социально-педиатрический центр;

- Научно-исследовательский институт Фредерики Флиднер;

- Кайзервертские семинары (институт дополнительного образования и повышения квалификации);

- Профессиональный колледж здравоохранения и социальной работы;

- Академия образования и повышения квалификации в области оперативной хирургии;

- Экуменическое межкооперативное объединение школ по подготовке специалистов по уходу за больными и детьми;

- Спецсеминар по геронтологии и гериатрии;

- Школа медицинского документоведения;

- Интернат им. Теодора Флиднера;

- Семейный центр и др.

Семейный центр Кайзервертской диаконии представляет собой полифункциональное учреждение, цель которого заключается во всесторонней поддержке и комплексном изучении проблем современной семьи. Структурными подразделениями центра являются постоянно действующая Академия семьи и дневной интернат. Совместно с сотрудниками евангелической консультации специалисты центра проводят консультирование родителей по вопросам воспитания и развития, осуществляют супервизорские сессии для семейных социальных работников и психо-

логов, предоставляют целый комплекс образовательных услуг для взрослых, детей и подростков. С апреля 2007 г. центром осуществляется билингвальное воспитание детей (английский/немецкий).

В 2006 г. семейный центр Кайзервертской диаконии был включен в проектную группу по разработке Общей концепции сети семейных центров.

Проблемное поле деятельности современных диаконических учреждений и организаций включает в себя такие перспективные направления исследовательской деятельности и инновационной практики в области социальной работы, медицины и образования, как:

- проведение прикладных исследований;

- научное сопровождение пилотных проектов;

- разработка и научное сопровождение инновационных проектов;

- научное консультирование учредителей и организаций;

- обеспечение условий кооперации высших учебных заведений, учредителей и практиков в осуществлении исследовательской деятельности;

- руководство практико-ориентированными научными исследованиями;

- преференция в осуществлении междисциплинарных и мультидисциплинарных исследований;

- генерация и резервирование научной базы;

- мониторинг проблем трансферта научного знания в практику.

Подводя итоги сказанному выше, следует подчеркнуть, что церковные учреждения и организации милосердия сегодня — это, прежде всего, сообщества профессионалов самого высокого уровня, которые, опираясь на ценностные ориентиры христианства, опыт духовной жизни и служения ближ-

нему своих предшественников и предшественниц, создают в совместном с добровольными помощниками труде новые технологии и направления социальной работы.

Литература

1. Социальная концепция Русской Православной Церкви. – М.: Даниловский благовестник, 2001. – 192 с.

2. Святейший Патриарх Московский и всея Руси Кирилл: Размышления о различных аспектах жизни Церкви, о пастырской работе в современных условиях. Тула 11 марта 2009 г. [Электронный ресурс]. – <http://www.patriarchia.ru/db/text/581416.html>

3. Выступление Святейшего Патриарха Кирилла на встрече с молодежью в Универсальном спортивно-зрелищном комплексе Российского государственного университета физической культуры, спорта, молодежи и туризма (ГЦОЛИФК) в рамках XIII Всемирного русского народного собора 23 мая 2009 г. [Электронный ресурс]. – <http://www.patriarchia.ru/db/text/653345.html>

4. An krthodox Approach to Kiakonia, from the Consultation on Church and Service, krthodox Academy of Crete, November 20-25, 1978. Публикация Всемирного Совета Церквей, 1980. С. 12.

5. «Социальная мысль Русской Православной Церкви»: Выступление Председателя Отдела внешних церковных связей Московского Патриархата митрополита Смоленского и Калининградского Кирилла на конференции «Христианство и Европа: социальная мысль Русской Православной Церкви» 20 декабря 2004 года в Бари (Италия) / Газета «СПАС» №4 (13) апрель 2005 [Электронный ресурс]. – <http://www.ubrus.org/newspaper-spas/>

6. Выступление Святейшего Патриарха Кирилла на совместном заседании Президиума Госсовета и Совета по взаимодействию с религиозными объединениями при Президенте РФ [Электронный ресурс]. – <http://www.patriarchia.ru/db/text/581304.html>

7. Организация и поддержка добровольческого христианского служения студенческой молодежи в различных социальных сферах // по материалам Круглого стола на тему: «Духовно-нравственное просвещение молодежи. Формы церковной работы в Высшей школе». Патриарший Центр духовного развития детей и молодежи. Москва 10 июня 2009 г. [Электронный ресурс]. – <http://www.cdrm.ru/index.php?p=3-1&dn=424>

8. Социальное служение и социальное образование: опыт и проблемы взаимодействия в интересах развития личности: Выступление ректора Российского государственного социального университета, академика РАН В.И. Жукова на пленарном заседании «Духовно-культурное наследие - основа воспитания личности» XV Международных Рождественских образовательных чтений 2007 г. [Электронный ресурс]. – http://www.prokimen.ru/article_2532.html

9. Papaderos, A. Zur diakonischen Theorie und Praxis der krthodoxen Kirche. In: Kiakonie an der Schwelle zum neuen Jahrtausend: цkumenische Beitrdge zur weltweiten und interdisziplinrendigung / hrsg. von Th. Strohm. – Heidelberg: 2000. S. 32-51.

10. Kiakonisches Kompendium. // Gnter Ruddat / Gerhard K. Schdfer (Hg.) Kiakonisches Kompendium. Gttingen: Vandenhoeck & Ruprecht; 2005. 640 S.

Знание религиозных догматов на Северном Кавказе

Дзусов И.И., Дзуцев Х.В., Цогоева Ф.Б.

В статье отражены результаты социологического исследования, проведенного в январе-феврале 2010 года с целью изучения религиозных установок населения республик СКФО РФ, характер воздействия религиозных течений на социальное поведение людей, на социокультурную динамику общества. Многие исследователи обращают внимание на то, что ислам для некоторых северокавказских народов оказался важнейшей составной в национальной идентификации, а после 90-х годов XX века произошел всплеск интереса к религиозной обрядности, но можно сказать, что сегодня республики СКФО и Россия в целом в большей степени придерживаются языческой веры.

Ключевые слова: религиозные догматы, нравственность, священное писание, глобалистика, антиглобализм, эзотерические учения, мифология, религиозное сознание, христианский и мусульманский социум, религиозность, общественное и духовное бытие, обрядность.

This paper presents the results of a sociological survey conducted in January-February 2010 to explore the religious systems of the population NKFD republics of the Russian Federation, the nature of the impact of religious movements in the social behavior of people in the social and cultural dynamics of society. Many researchers point out that Islam for some North Caucasian peoples was a vital component of national identity, and after 90 years of XX century there was a surge of interest in religious rituals, but we can say that today NKFD Republic and Russia as a whole to a greater extent adhere to pagan beliefs.

Key words: religious dogma, morality, scripture, globalistics, anti-globalism, esoteric teachings, mythology, religious consciousness, Christian and Muslim society, religious, social and spiritual existence, rites.

В наше время в духовной жизни Библия и Коран как священные писания продолжают играть доминирующую роль во всех сферах общественного и духовного бытия христианского и мусульманского социума. Религиозные предписания по-прежнему определяют суть восприятия мира и модели поведения граждан. Нормы Библии и Корана в жизнедеятельности современного населения республик СКФО имеют важное регулирующее значение. В некоторых республиках СКФО у определенной части населения призывы «идти назад к Корану» принимают даже формы борьбы за нравственные устои общества, а в последнее время прослеживаются антиглобалистические выступления. Коран для автохтонной части населения является духовной основой мусульман и избилует призывами к «борьбе на пути к Богу». Эта борьба должна вестись против неверующих и тех, кто наносит порчу мусульманскому обществу¹.

Священные писания имеют три аспекта: мифологический, исторический, философско-эзотеричес-

кий (тайный, предназначенный только для посвященных). Те, кто читает Библию (Коран) на бытовом, невежественном уровне, читают ее мифологическую сторону, понимают и воспринимают все буквально, просто воспринимают информацию. Есть чаша сознания, которая по мере наполнения становится больше, чем в нее вмещается. На Востоке говорят «расширение чаши сознания», а не получение информации. Читать Библию или Коран – это великий труд, и, как видно из материалов нашего опроса, совсем незначительная часть опрошенных их читает. Прикладная социология дает возможность на основе эмпирических исследований развернуто объяснить суть вскрываемых социально-экономических и политических проблем в республиках СКФО РФ на том или ином этапе их развития. И одной из этих проблем являются религиозные и межнациональные установки в этом конфликтном регионе. В условиях сосредоточения на Северном Кавказе различных национальных и религиозных групп экономический кризис является главным фактором усиления межнациональной и межконфессиональной напряженности. Он создает здесь благоприятную почву для дестабилизации политической ситуации в интересах отдельных зарубежных стран, в частности, для распространения радикального ислама.

Актуальность данной проблемы в регионе обусловлена в первую очередь межнациональной и межконфессиональной напряженностью и непредсказуемостью, способных выйти из латентного состояния, и крайней ограниченностью научных знаний о ее подлинных причинах. Эмпирический материал дает картину поведения как

отдельных личностей, так и этнических групп исследуемого региона. Данный материал позволяет проанализировать характер религиозных ценностей как автохтонной, так и русской и русскоязычной части населения республик СКФО, влияние этих ценностей на взаимодействие индивидов внутри религиозных и этнических групп и межгрупповые отношения. В связи с этим главной задачей является изучение религиозной ориентации в конкретном обществе, воздействие религиозных течений на социальное поведение людей, на социокультурную динамику общества.

Население республик СКФО в подавляющей массе живет в сельских населенных пунктах или малых городах, которые по существу своего уклада и образу жизни мало чем отличаются от сельских, с характерным преобладанием аграрного сектора экономики и опорой на традиционные способы социокультурной регуляции и доминирования недемократических форм политической организации социума.

Общинная форма социальной организации, возникшая на основе кровно-родственных или соседских связей и отношений, характеризуется коллективным поведением населения и определяет уровень религиозности и ее влияния на социально-политическую жизнь социума, что во многом обуславливает соблюдение большей частью населения основных религиозных обрядов.

Религиозные обряды воспринимаются обществом как форма социальной сплоченности на основе общих символов, ценностей и норм. С другой стороны, они способствуют усилению социального контроля со стороны общества, вносят в повседневную жизнь со-

циума некий смысл человеческих взаимоотношений. Мерилом приверженности человека к тем или иным религиозным догматам считается знание им истории религии, к которой он себя причисляет. Иногда люди приписывают себе бульшую религиозность, чем это есть на самом деле, что наглядно видно из материалов наших опросов.

Чрезвычайно актуальным для нормального социально-экономического и политического развития республик СКФО является изучение масштабов распространения религиозного течения ваххабизм, являющегося мощным фактором идейно-политической жизни определенной части населения Северного Кавказа и определении возможности прогноза развития религии и в дальнейшей необходимости введения религиозного образования в школах. Важным аспектом в исследовании было также выявление социальных слоев общества, поддерживающих данное религиозное течение.

Социальные проблемы, одной из которых является тотальная безработица в республиках СКФО, породили еще одну проблему – усиление напряженности межнациональных отношений. Данная проблема также рассматривается в аспекте воздействия объективных и субъективных факторов.

Учитывая, что для граждан Северного Кавказа более характерно коллективное поведение, важно было выяснить, насколько здесь развиты такие демократические формы, как акции протеста и выявлять причины противоборства.

Объектом исследования являются национальные республики Северного Кавказа, входящие в Северо-Кавказский федеральный округ России: Республика Адыгея*, Республика Дагестан, Рес-

публика Ингушетия, Кабардино-Балкарская Республика, Карачаево-Черкесская Республика, Республика Северная Осетия – Алания, Чеченская Республика. Предметом исследования является изучение религиозных и межнациональных установок жителей названных республик в разрезе следующих признаков: демографические признаки, образование, национальность, тип населенного пункта. Для полноценной реализации целей и задач исследования в каждой республике в январе – феврале 2010 г. был проведен репрезентативный опрос жителей. Целесообразный объем выборки составил 500 респондентов и 5 экспертов в каждой республике. Математическая ошибка такой выборки не превышает 3,1%, то есть обеспечивает надежную репрезентативность для каждого обследуемого субъекта Российской Федерации. Общий объем выборки для семи республик составил соответственно 3500 респондентов (из них 50% ? коренное население и 50% ? русские и русскоязычные) и 35 экспертов. Для проведения опроса в каждой республике выборка строилась как территориальная, стратифицированная по типам населенных пунктов, маршрутная, квотная по социально-демографическим и национальным признакам.

Несмотря на относительно высокую религиозность населения ЧР, «никогда не читали» Библию (Коран) 34,6% чеченцев и 46,9% русских и русскоязычных ЧР. Каждый третий респондент из числа кабардинцев, балкарцев КБР также не знаком с Библией (Кораном).

Сравнительно высок этот процент и у ингушей (22,5%), учитывая, что в РИ каждый второй респондент соблюдает основные религиозные обряды (табл. 1). Инте-

Таблица 1
Читаете ли вы Библию (Коран) и другие религиозные тексты, положенные для чтения? Если да, то как часто? (в %)

Код ответа	ВАРИАНТЫ ОТВЕТА	РА		КБР		КЧР	
		адыгейцы	русские и русскоязычные	кабардинцы, балкарцы	русские и русскоязычные	карачаевцы, черкесы	русские и русскоязычные
1	НИКОГДА НЕ ЧИТАЛ ЭТИ ТЕКСТЫ	23,8	23,0	38,0	26,4	17,6	22,1
2	КОГДА-ТО ЧИТАЛ Библию (КОРАН)	33,3	35,7	23,4	28,8	27,0	30,5
3	ИНОГДА ЧИТАЮ Библию (КОРАН)	23,8	23,5	12,3	16,0	28,4	26,3
4	РЕГУЛЯРНО ЧИТАЮ Библию (КОРАН), А ДРУГИЕ ПОЛОЖЕННЫЕ ТЕКСТЫ - НЕ РЕГУЛЯРНО	4,8	5,2	4,1	4,8	2,7	6,3
5	РЕГУЛЯРНО ЧИТАЮ Библию (КОРАН) И ДРУГИЕ ПОЛОЖЕННЫЕ ТЕКСТЫ	0,0	0,0	1,2	0,8	0,0	0,0
6	ЗАТРУДНЯЮСЬ ОТВЕТИТЬ, ОТКАЗ ОТ ОТВЕТА	14,3	12,7	21,1	23,2	24,3	14,7

Код ответа	РД		РИ		РСО-А		ЧР	
	народы Дагестана	русские и русскоязычные	ингуши	русские и русскоязычные	осетины	русские и русскоязычные	чеченцы	русские и русскоязычные
1	26,7	22,1	22,5	5,6	24,3	18,6	34,6	46,9
2	23,6	32,0	16,2	27,8	38,8	37,2	11,0	16,0
3	18,2	24,4	18,9	11,1	18,7	30,2	25,1	13,6
4	6,1	2,9	12,6	11,1	3,3	1,2	11,5	7,4
5	1,2	0,0	0,0	0,0	0,5	0,0	0,5	0,0
6	24,2	18,6	29,7	44,4	14,5	12,8	17,3	16,0

ресно, что только 5,6% русских и русскоязычных РИ никогда не читали священные писания. Также высок процент респондентов, не читающих священные книги, в РД: никогда не читали Библию (Коран) 26,7% представителей коренных народов и 22,1% русских и русскоязычных. Обращает внимание на себя тот факт, что в некоторых республиках, где, в общем, невысокая религиозность, сравнительно низок процент респондентов, не знакомых со священным писанием: РСО-А (24,3% осетин, 18,6% русских и русскоязычных), РА (23,8% адыгейцев, 23,0% русских и русскоязычных), КЧР (17,6% карачаевцев, 22,1% русских и русскоязычных), РД (26,7% народов Дагестана, 22,1% русских и русскоязычных).

Чаще других второй вариант ответа звучит у респондентов РСО-А (38,8% осетин, 37,2% русских и русскоязычных) и Адыгей (33,3% адыгейцев, 35,7% русских и русскоязычных). Русские и русскоязычные респонденты северокавказских республик чаще утвердительно отвечали на второй вариант ответа. Для сравнения: если в КЧР 30,5% русских и русскоязычных респондентов когда-то читали Библию (Коран), то карачаевцы, черкесы - 27,0%, в РД - 32,0% русских и русскоязычных, 23,6% - народов Дагестана, в РИ - 27,8% русских и русскоязычных, 16,2% - ингушей. И только в РСО-А, наоборот: 38,8% осетин и 37,2% русских и русскоязычных респондентов когда-то читали Библию (Коран). Интересно, что

только 11,0% чеченцев когда-то проявили интерес к чтению Библии (Коран).

Легитимный процент, т.е. более 25,0% респондентов коренных национальностей КБР, ЧР, РД, никогда не читал Библию (Коран). Аналогичная ситуация среди русских и русскоязычных КБР и КЧР.

По результатам исследования, наблюдаются некоторые расхождения по гендерному признаку. В Адыгее чаще на первый вариант отвечали адыгейки (28,9%) и мужчины - русские и русскоязычные (28,0%) (табл. 2). В таких республиках, как КБР, КЧР, РД не знакомы с Библией (Кораном) преимущественно мужчины. В КБР никогда не читали Библию (Коран) 40,5% мужчин-кабардинцев, балкарцев и 30,9% мужчин - русских и русскоязычных, в КЧР - 23,5% карачаевцев, черкесов, 27,3% русских и русскоязычных, в РД - 28,8% народов Дагестана, 32,0% - русских и русскоязычных. Чего не скажешь о РИ и ЧР. В РИ первый вариант чаще выбирали ингушки (27,8%), в ЧР - чеченки (36,3%). Особняком стоит РСО-А, где почти четверть респондентов коренного населения (24,2% женщин, 24,5% мужчин) не знакомы со священными книгами. Интересно, что русские и русскоязычные респонденты-мужчины в РСО-А реже других выбирали первый вариант ответа, в РИ же вообще не оказалось среди русских и русскоязычных мужчин таких, кто не читал Библию (Коран). В РСО-А почти каждый второй (47,2%) русский и русскоязычный респондент-мужчина когда-то читал Библию (Коран), сравнительно высокую осведомленность продемонстрировали и осетинки (40,8%). В КЧР 39,4% русских и русскоязычных мужчин когда-то читали Библию (Коран). В Адыгее почти каж-

дый третий адыгеец обоих полов (мужчины 30,8%, женщины 35,6%) когда-то читал Библию (Коран), то же и в среде русских и русскоязычных мужчин (36,6%) и женщин (35,0%). В КБР выбрал второй вариант ответа каждый третий русский и русскоязычный мужчина (32,7%). Если в РД второй вариант ответа в среде русских и русскоязычных чаще выбирали женщины (35,1%), то в РИ - мужчины (33,3%). Народы Дагестана обоих полов набрали одинаковые проценты: (по 23,8%). В ЧР и РИ только каждая пятая русская и русскоязычная женщина когда-то читала Библию (Коран): в РИ - 22,2%, в ЧР - 20,5%. Только 7,9% мужчин ЧР когда-то брали в руки Библию (Коран).

Чаще других третий вариант ответа выбирали русские и русскоязычные женщины РД (37,1%), РСО-А (36,0%). Почти каждый третий среди мужчин-адыгейцев (33,3%) и русских и русскоязычных женщин РА (28,3%), карачаевок, черкешенок (32,5%), русских, русскоязычных женщин КЧР (32,3%), мужчин-чеченцев (29,3%) «иногда читают Библию (Коран)». Около пятой части русских и русскоязычных женщин в РИ и РСО-А (по 22,2%), ингушек (20,4%), чеченок (21,6%), мужчин-осетин иногда берут в руки священные книги. Небольшая доля ответивших подобным образом среди народов РД мужского пола (12,5%), мужчин-кабардинцев, балкарцев (11,4%), мужчин русского и русскоязычного населения ЧР (9,1%) и РД (8,0%). Удивили русские и русскоязычные женщины-респонденты РИ, которые даже иногда не читают Библию (Коран).

Каждый пятый русский и русскоязычный респондент-мужчина в РИ «регулярно читает Библию (Коран)», а другие положенные

Таблица 2
Читаете ли вы Библию (Коран) и другие религиозные тексты, положенные для чтения? Если да, то как часто? (в %)

Код ответа	Варианты ответа	РА				КБР			
		адыгейцы		русские и русскоязычные		кабардинцы, балкарцы		русские и русскоязычные	
		муж.	жен.	муж.	жен.	муж.	жен.	муж.	жен.
1	никогда не читал эти тексты	17,9	28,9	28,0	19,2	40,5	35,6	30,9	23,9
2	когда-то читал Библию (Коран)	30,8	35,6	36,6	35,0	26,6	20,0	32,7	26,9
3	иногда читаю Библию (Коран)	33,3	15,6	17,2	28,3	11,4	13,3	14,5	14,9
4	регулярно читаю Библию (Коран), а другие положенные тексты – нерегулярно	2,6	6,7	4,3	5,8	5,1	3,3	3,6	6,0
5	регулярно читаю Библию (Коран) и другие положенные тексты	0,0	0,0	0,0	0,0	0,0	2,2	0,0	1,5
6	затрудняюсь ответить, отказ от ответа	15,4	13,3	14,0	11,7	16,5	25,6	18,2	26,9

Код ответа	КЧР				РД			
	карачаевцы, черкесы		русские и русскоязычные		народы Дагестана		русские и русскоязычные	
	муж.	жен.	муж.	жен.	муж.	жен.	муж.	жен.
1	23,5	12,5	27,3	19,4	28,8	25,0	32,0	14,4
2	23,5	30,0	39,4	25,8	23,8	23,8	28,0	35,1
3	23,5	32,5	15,2	32,3	12,5	22,6	8,0	37,1
4	2,9	2,5	3,0	8,1	3,8	8,3	1,3	4,1
5	0,0	0,0	0,0	0,0	2,5	0,0	0,0	0,0
6	26,5	22,5	15,2	14,5	28,8	20,2	30,7	9,3

Код ответа	РИ				PCO-A				ЧР			
	ингуши		русские и русскоязычные		осетины		русские и русскоязычные		чеченцы		русские и русскоязычные	
	муж.	жен.	муж.	жен.	муж.	жен.	муж.	жен.	муж.	жен.	муж.	жен.
1	17,5	27,8	0,0	11,1	24,5	24,2	11,1	24,0	32,6	36,3	51,4	43,2
2	15,8	16,7	33,3	22,2	36,2	40,8	47,2	30,0	7,9	13,7	10,8	20,5
3	17,5	20,4	22,2	0,0	19,1	18,3	22,2	36,0	29,2	21,6	18,9	9,1
4	17,5	7,4	22,2	0,0	5,3	1,7	0,0	2,0	13,5	9,8	5,4	9,1
5	0,0	0,0	0,0	0,0	1,1	0,0	0,0	0,0	1,1	0,0	0,0	0,0
6	31,6	27,8	22,2	66,7	13,8	15,0	19,4	8,0	15,7	18,6	13,5	18,2

тексты – нерегулярно» (22,2%). Четвертый вариант ответа отметили также 17,5% респондентов-мужчин РИ и чуть меньше – 13,5% ЧР. Чаще остальных затруднялись с ответом русские и русскоязычные женщины РИ (66,7%), мужчины-ингуши (31,6%), русские и русскоязычные мужчины РД (30,7%), русские и русскоязычные КБР (26,9%), чеченцы (8,4%) и т.д. Лучше остальных справились с вопросом русские и русскоязычные женщины РД (9,3%) и PCO-A (8,0%).

Из опроса следует, что регулярное чтение основ религии – Библии (Корана) – для жителей северокавказских республик не является нормой.

По мнению экспертов, читают священные писания единицы. Вряд ли найдутся в республиках СКФО глубоко убежденные люди, которые от первой до последней страницы прочитали бы Коран или Библию. Даже если эксперты читают священные книги – Библию, Коран и некоторую другую религиозную литературу, в которых

Таблица 3

Читаете ли вы Библию (Коран) и другие религиозные тексты, положенные для чтения? Если да, то как часто? (в %)

Код ответа	Варианты ответа	РА				КБР			
		адыгейцы		русские и русскоязычные		кабардинцы, балкарцы		русские и русскоязычные	
		до 35 лет	старше 35 лет	до 35 лет	старше 35 лет	до 35 лет	старше 35 лет	до 35 лет	старше 35 лет
1	никогда не читал эти тексты	22,2	24,6	19,6	24,0	25,4	47,0	19,4	28,7
2	когда-то читал Библию (Коран)	40,7	29,8	43,5	33,5	25,4	22,0	29,0	28,7
3	иногда читаю Библию (Коран)	14,8	28,1	17,4	25,1	12,7	12,0	29,0	11,7
4	регулярно читаю Библию (Коран), а другие положенные тексты - нерегулярно	3,7	5,3	8,7	4,2	5,6	3,0	3,2	5,3
5	регулярно читаю Библию (Коран) и другие положенные тексты	0,0	0,0	0,0	0,0	2,8	0,0	0,0	1,1
6	затрудняюсь ответить, отказ от ответа	18,5	12,3	10,9	13,2	28,2	16,0	19,4	24,5

Код ответа	КЧР				РД			
	карачаевцы, черкесы		русские и русскоязычные		народы Дагестана		русские и русскоязычные	
	до 35 лет	старше 35 лет	до 35 лет	старше 35 лет	до 35 лет	старше 35 лет	до 35 лет	старше 35 лет
1	17,0	19,0	31,0	18,2	19,4	31,6	28,6	21,2
2	30,2	19,0	27,6	31,8	22,4	24,5	38,1	31,1
3	26,4	33,3	13,8	31,8	11,9	22,4	9,5	26,5
4	1,9	4,8	6,9	6,1	7,5	5,1	0,0	3,3
5	0,0	0,0	0,0	0,0	1,5	1,0	0,0	0,0
6	24,5	23,8	20,7	12,1	37,3	15,3	23,8	17,9

Код ответа	РИ				РСО-А				ЧР			
	ингуши		русские и русскоязычные		осетины		русские и русскоязычные		чеченцы		русские и русскоязычные	
	до 35 лет	старше 35 лет	до 35 лет	старше 35 лет	до 35 лет	старше 35 лет	до 35 лет	старше 35 лет	до 35 лет	старше 35 лет	до 35 лет	старше 35 лет
1	21,6	23,3	14,3	0,0	27,7	21,2	20,0	17,9	34,3	34,7	55,2	42,3
2	15,7	16,7	42,9	18,2	43,6	34,5	43,3	33,9	9,0	12,1	20,7	13,5
3	17,6	20,0	0,0	18,2	16,8	20,4	26,7	32,1	26,9	24,2	13,8	13,5
4	13,7	11,7	28,6	0,0	1,0	5,3	0,0	1,8	9,0	12,9	0,0	11,5
5	0,0	0,0	0,0	0,0	0,0	0,9	0,0	0,0	0,0	0,8	0,0	0,0
6	31,4	28,3	14,3	63,6	10,9	17,7	10,0	14,3	20,9	15,3	10,3	19,2

содержатся основные религиозные догматы, для них они не являются предметом культа, истиной в последней инстанции. Они, скорее, доверяются историческим источникам, философским учениям.

Как видно, гендерный аспект дает следующую картину: большей частью с Библией (Кораном) не знакомы женщины коренных на-

циональностей в РА, КБР, РД, РИ и ЧР и мужчины автохтонного населения КБР, РД и ЧР. Среди русского и русскоязычного населения, наоборот: не знакомы с Библией (Кораном) в основном мужчины РА, КБР, КЧР, РД, ЧР и женщины КБР, РД и ЧР.

Ответы респондентов, разделенных на группы в зависимости от национальности и возраста,

представлены в табл. 3. Надо отметить, что среди респондентов северокавказских республик вариант «никогда не читал эти тексты» отмечался чаще респондентами возрастной категории старше 35 лет: 22,2% адыгейцев до 35 лет и 24,6% старше 35 лет, 25,4% кабардинцев и балкарцев до 35 лет и 47,0% старше 35 лет и т.д. Исключение составили респонденты русской и русскоязычной национальностей КЧР – 31,0% респондентов до 35 и 18,2% старше 35 лет. Результаты опроса показывают, что ранее священные писания читали в основном респонденты возрастной категории до 35 лет: 43,6% осетин, 43,3% русских и русскоязычных РСО–А, 43,5% русских и русскоязычных РА, 42,9% русских и русскоязычных РИ. Интересно, что в ЧР всего 9,0% респондентов до 35 лет когда-то читали Библию (Коран). Регулярно читают Библию (Коран) и другие положенные тексты 2,8% кабардинцев и балкарцев до 35 лет и 1,1% русских и русскоязычных КБР старше 35 лет, 0,9% осетин и 0,8% чеченцев той же возрастной категории.

При анализе таких переменных, как национальность и возраст (как видно из таблицы) среди автохтонного, русского и русскоязычного населения более знакомы с Библией (Кораном) те, кому до 35 лет (РА, КЧР, РСО–А). По всей видимости, сказались атеистическое воспитание представителей старшего поколения и подъем религиозного мировоззрения после распада СССР.

Установки респондентов в зависимости от национальности и уровня образования представлены в табл. 4. Большая разница в ответах в зависимости от образования у респондентов русской и русскоязычной национальности ЧР со

средним специальным (39,7%) и высшим (63,6%) образованием, которые отметили вариант ответа «никогда не читал данные тексты». В КБР вариант «регулярно читаю Библию (Коран) и другие положенные тексты» отметили только 1,9% русских и русскоязычных респондентов с высшим образованием. В Ингушетии разница в ответах русских и русскоязычных респондентов по данному критерию следующая: 12,5% респондентов со средним специальным образованием никогда не читали данные тексты, 37,5% когда-то читали; по 22,2% респондентов с высшим образованием отметили варианты: «Когда-то читал Библию (Коран)», «Иногда читаю Библию (Коран)» и «Регулярно читаю Библию (Коран)», а другие положенные тексты – нерегулярно». Ни один респондент РИ с высшим образованием не отметил варианты ответа: «Никогда не читал эти тексты» и «Регулярно читаю Библию (Коран) и другие положенные тексты», а 22,2% респондентов отказались или затруднились ответить. А вот из респондентов со средним специальным образованием никто не отметил варианты: «Иногда читаю Библию (Коран)», «Регулярно читаю Библию (Коран)», а другие положенные тексты – нерегулярно» и «Регулярно читаю Библию (Коран) и другие положенные тексты».

Отказались или затруднились ответить 50,0% русских и русскоязычных респондентов РИ со средним специальным образованием и ниже.

Анализ переменных показал, что уровень системы образования на активное чтение Библии (Корана), за исключением нескольких нюансов, особую картину не дает.

Установки респондентов в зависимости от национальности и типа

Таблица 4

Читаете ли вы Библию (Коран) и другие религиозные тексты, положенные для чтения? Если да, то как часто? (в %)

Код ответа	Варианты ответа	РА				КБР			
		адыгейцы		русские и русскоязычные		кабардинцы, балкарцы		русские и русскоязычные	
		ср. спец. и ниже	н/в, высшее	ср. спец. и ниже	н/в, высшее	ср. спец. и ниже	н/в, высшее	ср. спец. и ниже	н/в, высшее
1	никогда не читал эти тексты	16,7	37,9	23,7	17,0	60,0	47,1	28,6	25,0
2	когда-то читал Библию (Коран)	33,3	31,0	35,9	37,7	20,0	21,6	26,5	32,7
3	иногда читаю Библию (Коран)	27,8	17,2	23,7	22,6	5,7	13,7	12,2	13,5
4	регулярно читаю Библию (Коран), а другие положенные тексты - нерегулярно	5,6	3,4	4,5	7,5	2,9	0,0	6,1	3,8
5	регулярно читаю Библию (Коран) и другие положенные тексты	0,0	0,0	0,0	0,0	0,0	0,0	0,0	1,9
6	затрудняюсь ответить, отказ от ответа	16,7	10,3	12,2	15,1	11,4	17,6	26,5	23,1

Код ответа	КЧР				РД			
	карачаевцы, черкесы		русские и русскоязычные		народы Дагестана		русские и русскоязычные	
	ср. спец. и ниже	н/в, высшее	ср. спец. и ниже	н/в, высшее	ср. спец. и ниже	н/в, высшее	ср. спец. и ниже	н/в, высшее
1	10,5	20,0	23,7	20,6	24,7	30,3	19,3	26,3
2	31,6	25,5	28,8	35,3	27,8	16,7	35,1	26,3
3	21,1	30,9	32,2	17,6	16,5	21,2	22,8	28,1
4	5,3	1,8	5,1	8,8	6,2	6,1	2,6	3,5
5	0,0	0,0	0,0	0,0	1,0	1,5	0,0	0,0
6	31,6	21,8	10,2	17,6	23,7	24,2	20,2	15,8

Код ответа	РИ				РСО-А				ЧР			
	ингуши		русские и русскоязычные		осетины		русские и русскоязычные		чеченцы		русские и русскоязычные	
	ср. спец. и ниже	н/в, высшее	ср. спец. и ниже	н/в, высшее	ср. спец. и ниже	н/в, высшее	ср. спец. и ниже	н/в, высшее	ср. спец. и ниже	н/в, высшее	ср. спец. и ниже	н/в, высшее
1	22,6	22,7	12,5	0,0	22,2	25,8	18,8	18,5	32,3	38,7	39,7	63,6
2	11,3	25,0	37,5	22,2	36,7	40,0	28,1	42,6	11,0	11,3	17,2	13,6
3	17,7	18,2	0,0	22,2	20,0	18,3	34,4	27,8	24,4	27,4	13,8	13,6
4	16,1	9,1	0,0	22,2	3,3	3,3	3,1	0,0	15,0	4,8	10,3	0,0
5	0,0	0,0	0,0	0,0	0,0	0,8	0,0	0,0	0,8	0,0	0,0	0,0
6	32,3	25,0	50,0	33,3	17,8	11,7	15,6	11,1	16,5	17,7	19,0	9,1

населенного пункта показали, что среди русских и русскоязычных РИ, проживающих в сельской местности, никто не отметил вариант ответа «никогда не читал эти тексты». Каждый второй городской русский и русскоязычный респондент ЧР (50,0%) не знаком с Библией (Кораном), такой же уровень

познаний продемонстрировали респонденты сельской местности (46,2%). 43% кабардинцев, балкарцев - сельчан никогда не читали священные писания (табл. 5). Каждый третий сельчанин (35,0%) и горожанин (34,1%) респондент-че-

Таблица 5
Читаете ли вы Библию (Коран) и другие религиозные тексты, положенные для чтения? Если да, то как часто? (в %)

Код ответа	Варианты ответа	РА				КБР			
		адыгейцы		русские и русскоязычные		кабардинцы, балкарцы		русские и русскоязычные	
		город	село	город	село	город	село	город	село
1	никогда не читал эти тексты	24,2	23,5	20,2	26,3	30,0	43,0	29,2	17,9
2	когда-то читал Библию (Коран)	36,4	31,4	36,0	35,4	28,6	20,0	33,3	14,3
3	иногда читаю Библию (Коран)	27,3	21,6	26,3	20,2	8,6	15,0	10,4	32,1
4	регулярно читаю Библию (Коран), а другие положенные тексты – нерегулярно	3,0	5,9	3,5	7,1	4,3	4,0	4,2	7,1
5	регулярно читаю Библию (Коран) и другие положенные тексты	0,0	0,0	0,0	0,0	1,4	1,0	0,0	3,6
6	затрудняюсь ответить, отказ от ответа	9,1	17,6	14,0	11,1	27,1	17,0	22,9	25,0

Код ответа	КЧР				РД			
	карачаевцы, черкесы		русские и русскоязычные		народы Дагестана		русские и русскоязычные	
	город	село	город	село	город	село	город	село
1	19,0	15,6	19,0	27,0	30,4	23,3	28,3	15,0
2	26,2	28,1	32,8	27,0	19,0	27,9	26,1	38,8
3	31,0	25,0	20,7	35,1	20,3	16,3	28,3	20,0
4	2,4	3,1	6,9	5,4	6,3	5,8	4,3	1,3
5	0,0	0,0	0,0	0,0	2,5	0,0	0,0	0,0
6	21,4	28,1	20,7	5,4	21,5	26,7	13,0	25,0

Код ответа	РИ				РСО-А				ЧР			
	ингуши		русские и русскоязычные		осетины		русские и русскоязычные		чеченцы		русские и русскоязычные	
	город	село	город	село	город	село	город	село	город	село	город	село
1	27,1	14,6	8,3	0,0	21,4	27,8	21,7	5,9	34,1	35,0	50,0	46,2
2	14,3	19,5	25,0	33,3	43,6	33,0	33,3	52,9	11,4	10,7	0,0	20,0
3	21,4	14,6	8,3	16,7	18,8	18,6	30,4	29,4	25,0	25,2	25,0	10,8
4	10,0	17,1	16,7	0,0	4,3	2,1	1,4	0,0	9,1	13,6	0,0	9,2
5	0,0	0,0	0,0	0,0	0,9	0,0	0,0	0,0	1,1	0,0	0,0	0,0
6	27,1	34,1	41,7	50,0	11,1	18,6	13,0	11,8	19,3	15,5	25,0	13,8

ченец, горожанин-кабардинец, балкарец (30,0%), горожанин – русский и русскоязычный КБР (29,2%), сельчанин-осетин (27,8%), горожанин-ингуш (27,1%), русский и русскоязычный житель села КЧР, РА (26,3%) никогда не читал Библию (Коран). Русские и русскоязычные (20,0%), проживающие в сельской местности ЧР, отметили вариант «когда-то читал Библию (Коран)», а из городских респондентов данной республики такой ответ никто не отметил.

Исходя из данных нашего опроса, те 3,6% русских и русскоязычных, которые регулярно читают все религиозные тексты, проживают в селе, а 2,5% дагестанцев, регулярно читающих Библию (Коран) – в городе.

На рассматриваемый вопрос нашей анкеты затруднились ответить каждый второй русский и русскоязычный житель села (50,0%) и 41,7% городских жителей РИ, каждый третий карачаевец, черкес сельской местности

(28,1%), ингуш из сельской (34,1%) и городской среды (27,1%), каждый четвертый русский и русскоязычный сельский житель народов Дагестана. Лучше других с опросом справились сельские жители КЧР (5,4%).

Подводя итог, можно отметить, что подавляющее большинство респондентов северокавказских республик не читают Библию (Коран), т.е. и речи не может быть о глубокой религиозности жителей северокавказских республик. Верующие соблюдают лишь внешнюю сторону, так сказать, атрибутику вероисповедания. То, что респонденты посещают церковь (мечеть), больше говорит о том, что они солидарны со своей этнической группой.

Материалы массового опроса подтвердили гипотезу: большинство граждан слушают, как толкуют, как раскрывают смысл многих положений и тезисов священного писания, посещая церковь или мечеть, но сами не могут при чтении раскрыть смысл: читают Библию (Коран), у них появляются вопросы, но не ответы. Анализ материалов исследования показал, что интеллектуальный уровень не только знания истории и догматов той или иной религии, но и общий уровень интеллекта находятся не на должном уровне.

Результаты социологического исследования по теме: «Религиозные и межнациональные установки населения республик Северо-Кавказского федерального округа Российской Федерации: этносоциологический анализ» свидетельствуют о низком уровне знания и отсутствии стремления познать респондентами Библию, Коран и другие религиозные тексты и самостоятельно постигать истинность священных писаний. Посещая церковь или мечеть, большинство

граждан с помощью священнослужителей пытаются раскрыть для себя смысл положений и тезисов Библии, Корана и другой религиозной литературы, положенной для чтения верующему человеку. Многие прихожане, находясь в лоне церкви, чувствуют успокоение, потому что проповедуемые религиозными деятелями идеи служат усилению конформизма, т.е. приспособленчества, учат уступке чужому давлению, некритическому принятию господствующего мнения, взглядов авторитетов.

Литература

1. Андреева Л.А. «Местник Божий» на царском троне: Христианская цивилизационная модель сакрализации власти в российской истории. М., 2002.
2. Бауман З. Индивидуализированное общество. М., 2002.
3. Гудков Л.Д. Негативная идентичность. М., 2004.
4. Дзуцев Х.В. Пути преодоления этносоциальных конфликтов в СКФО РФ. М., 2010.
5. Дзуцев Х.В. Социально-экономическая и политическая ситуация в республиках ЮФО РФ в начале XXI века: этносоциологический анализ. Книга 3. М., 2009.
6. Дробижева Л.М. Возможность совместимости гражданской и этнической идентичности // Национально-гражданские идентичности и толерантность. Опыт России и Украины в период трансформаций. Киев, 2007.
7. Зайферт А.К. Фактор ислама и стратегия стабилизации ОБСЕ в ее евроазиатском регионе. М., 2002.
8. Зудин А.Ю. Традиционализация и укоренение политических инноваций: к постановке проблемы // Пути России: преемственность и прерывистость общественного развития. М., 2007.

9. Иванов В.Н. Россия федеративная: кризис и пути его преодоления. М., 1999.

10. Карпов А.В. Язычество, христианство, двоеверие. Религиозная жизнь Древней Руси в IX–XI вв. СПб., 2008.

11. Малашенко А.В. Ислам для России. М., 2007.

12. Религия и глобализация на просторах Евразии. М., 2005.

13. Религия и политика на рубеже двух тысячелетий. М., 2000.

14. Рэдклифф-Браун А. Р. Религия и общество // Структура и функция в примитивном обществе. М., 2001.

15. Социальное неравенство этнических групп: представления и реальность. М., 2002.

16. Федотова В.Г. Хорошее общество. М., 2005.

Ссылки:

1 Э.Гидденс. Социология. М. 1999г., с.441

* В данной работе представлен анализ ситуации в республиках СКФО, в том числе и Республики Адыгея, так как в период проведения исследования (2008–2009 гг.) наряду с северокавказскими республиками она входила в состав ЮФО РФ. В настоящее время (на основании Указа Президента Российской Федерации от 19 января 2010 г.) создан Северо-Кавказский федеральный округ, в состав которого Республика Адыгея не вошла. Но полученные результаты по Республике Адыгея в данной работе автором были включены для получения более полной картины, и далее она будет упоминаться наряду с республиками СКФО.

Дуальная модель духовного пространства социума

Робатень С.С.

Показано, что процесс исторического развития общества может быть представлен в виде периодических переходов социума из модуса гуманизма в модус духовности и обратно. Роль правящей элиты состоит в управлении этими переходами для смягчения духовных катастроф, сопутствующих моментам перемены модуса. Для перемены модуса необходимо волевое усилие личности.

Ключевые слова: спираль исторического развития, модус гуманизма, модус духовности, элита, обожествление.

Robaten S.S.

Dual model of spiritual space of society

Process of historical development of a society can be presented in the form of periodic transitions of society from modus of humanism in modus of spirituality and back. The role of ruling elite consists in management of these transitions for softening of the spiritual accidents accompanying the moments of change modus. For modus' change the strong-willed effort of the person is necessary.

Key words: a historical development spiral, modus of humanism, modus of spirituality, elite, got-made.

Имя как камертон духовности эпохи

В современном мире наиболее шумно проявляют себя материальные интересы. В результате явления духовного мира вынуждены адаптироваться, они опускаются на уровень, понятный среднестатистическому потребителю. Неизбежно встает вопрос о качестве потребляемого духовного продукта, отчего многие мыслители ощущают потребность в повышении уровня духовности, собственного, и современников. Путь для возвращения духовности в современный кругозор можно определить по ориентирам духовного мира наших предков, которые закономерно меняются со временем и расстоянием от духовных центров.

В качестве ориентиров во времени примем имена собственные, которые присваиваются в том числе и для приобретения небесной защиты от невзгод.

Рассмотрим динамику процесса изменения имени очень значимого в отечественной истории города. Это Пушкин, ныне район Санкт - Петербурга. Городской сайт [1] сообщает:

- К началу 18 в. на месте города находилась Сарская мыза.

- В 18 в. это селение также упоминается как Сарское село и в этой форме встречается у М.В. Ломоносова, Г.Р. Державина, А.С. Пушкина.

- С 1728 г. называется Царское Село.

- После октябрьского переворота город называли Солдатское Село.

- В 1918 г. появилось имя Детское Село. Вскоре после убийства

М.С. Урицкого (1873-1918) некоторое время город назывался Детское Село им. тов. Урицкого.

- Постановлением ЦИК СССР от 9 февраля 1937 г. переименован в Пушкин в память 100-летия гибели Пушкина.

Добавим к исторической череде переименований любопытный штрих из религиозной эпохи. На карте Атласа России 1792 года отмечен, помимо населённого пункта Царское, храм София.

Храм Софии существует в наше время, но на картах соответствующего Атласу масштаба давно уже не отмечается. Авторы Атласа дают нам ключ для понимания духовной связи имен земных и небесных.

Тенденция переименований весьма очевидна. Началось селение с принятия имени небесного покровителя высшего ранга, самой Богоматери. Затем ранг понизился до признания царя высшим патроном, затем духовность упала до солдатских аллюзий и детских надежд на покровительство духа товарища Урицкого, убиенного поэтом Каннегисером в отместку за смерть офицера Перельцвейга. На сегодняшний день небесным покровителем города признаётся А.С. Пушкин. При этом имя Сарское толкуется в [1] как производное от финского слова saari, что значит остров, возвышенное место среди окрестных низин (читай, болот).

Можно сказать, что духовное дно деятелями, имеющими право на переименование города, было пройдено к 1937 году, и расчет на небесное покровительство великого русского поэта - ещё не самый безнадежный случай потери духовности соотечественниками со времен понимания, кто такие для наших предков были Сара и София.

Отсюда ясным становится направление духовных поисков совре-

менными любителями истины - возвращение к духовному уровню наших православных предков. Они давали имена в соответствии со своими научными и религиозными знаниями о Творце нашего мира, и его значении для каждого живого существа, населяющего этот мир.

Двумерное поле духовности исторических эпох

Закономерность изменения имен города Пушкина во времени позволяет судить довольно точно об уровне восприятия духовных понятий в разные исторические эпохи.

Посмотрим на эту закономерность, описанную В.И. Лениным, как спираль исторического развития [2], «со стороны», представим её в виде двумерного поля, у которого нижний край соответствует чисто материальному человеческому уровню восприятия мира с интересами, которые могут быть полезны только «себе любимому». Назовем этот начальный уровень - «человек».

Верхний край нашего поля соответствует высшему уровню духовного развития, которого удается достичь человеку, которого признали святым. Назовем этот уровень «бог».

Тогда все остальные духовные понятия, от бытовых, самых доступных обывателю, до гениальных, можно поместить в духовном поле между уровнями «человек» и «бог».

Отметим на хронологической шкале эпохи, когда в России жили и учили величайшие святые отцы, отмеченные соборной памятью православной церкви в списке почитаемых святых. Будем считать, что именно эти учителя православия определяли духовный уровень своей эпохи, которую можно условно отнести к уровню «бог».

Эпохи Смута, разрушения церквей и монастырей, солдатского

Рис. 1. График гармонических колебаний духовного уровня народа во времени.

самовластия отнесем к уровню «человек», и будем считать, что в эти периоды в русском обществе правили меркантильные интересы, духовность не была массово востребована.

Обозначим эпохи смены имени города Пушкина на хронологической шкале с учетом духовного уровня очередного имени.

Соединив точки перемены имени, получим (условно) наклонную линию, отражающую состояние общества в модусе гуманизма, что соответствует падению духовности в обществе за 200 лет, с уровня Серафима Саровского и божественного имени «Сарское Село» до революционного энтузиазма, нигилизма и агрессивного атеизма авторов имени «Солдатское село».

Заметим, что эпохе Серафима за те же 200 лет предшествовало страшное духовное опустошение, Смута и солдатское самовластие. Продолжим построение наклонных отрезков в прошлое, от эпох духовности к эпохам смут и обратно. В результате получаем график колебаний духовности русского общества на протяжении последних 1200 лет.

Из этого, весьма условного, графика видно, что современный духовный уровень общества, находящегося в модусе гуманизма, соответствует эпохам смут и разгула материальных интересов. Дальше человеку, чтобы остаться человеком, опускаться некуда, ниже уровня «человек» теряются различия между человеком и животным. Дальнейшее движение духовного мира наших современников, нежелающих опускаться в состояние животных, возможно только с изменением вектора направленности развития вверх, к уровню «бог», что означает смену духовного состояния. П.Сорокин называет эту необходимость изменения вектора направленности развития принципом предела линейной тенденции изменения социокультурного процесса [3]. Для духовного движения к верхнему уровню необходимо находиться в модусе духовности, обеспечивающем направленность духовного развития индивидуума и общества в целом от низменных человеческих интересов к высокодуховным ориентирам.

В реальном обществе России на протяжении всей официальной

истории, от сего дня до призвания варягов, прослеживаются колебания духовного мира между крайними понятиями «бог» и «человек» с достаточно явной периодичностью, что можно представить, как периодическую смену социумом модуса гуманизма на модус духовности и обратно.

Роль правящей элиты в управлении духовностью народа

Введем в поле духовного мира высшие правящие касты, уровень которых между «человеком» и «богом» обозначим «царь». Это позволит нам понять природу движущих сил, которые управляют духовностью народных масс. Для этого надо определить духовную роль уровня правящей элиты.

В самом деле, изначально существует неосознанный импульс к духовному подъему до уровня «бог» у каждого человека, самого приземленного или задавленного бытовыми обстоятельствами. Мы видим тому множество примеров в святоотеческом писании, житиях святых, исторических документах.

Возможно, именно этот изначальный импульс к духовному развитию, заложенный в каждого человека до рождения, является нашим главным, если не единственным, отличием от животных.

В то же время достичь высшего уровня удастся единицам, которые известны, как святые. Это объясняется не только трудностями духовного плана, но и вполне осязаемыми обстоятельствами, вытекающими из самого факта существования в обществе уровня «царь». Практическая деятельность представителей уровня «царь» во все времена заставляет будущих святых покидать не только мир, но даже монастыри, и уходить в леса для отшельнической жизни.

Причины можно кратко обозначить следующим образом.

Всякий администратор, независимо от собственного духовного кругозора, рано или поздно, приходит к простой и очень материально плодотворной для него самой идее – поставить самого себя на место конечной цели духовного развития современников. Он придумывает назвать себя самого «богом» и объявить, что уровни «царь» и «бог» полностью эквивалентны. Народу всевозможными способами дается понять, что следует стремиться служить именно земной администрации, и далее в небеса не заглядывать. Развитие этой идеи во времени можно проследить через осмысление самого термина.

Митрополит Илларион в своем «Слове о законе и благодати» называет Царем только Господа: ибо Христос уже как у них (эллинов), так и у нас зовётся Царем [4]. То же утверждает православная Псалтирь:

Господь всевышний страшен,— великий Царь над всею землею» (Пс. 46,2—3); и далее: «Пойте Богу нашему, пойте; пойте Царю нашему, пойте, ибо Бог — Царь всей земли; пойте все разумно. Бог воцарился над народами» (Пс. 46,7—9).

Вплоть до Ивана Васильевича Грозного, как - будто принявшего на себя титул «царь», русские самодержцы оставались князьями, понимая, кто есть Царь в смысле слов Иллариона. К настоящему времени немного искаженным до форм *sir, herr, кир, сире*, титулом «царь» именуют себя все претендующие на обладание хоть какой-нибудь толикой земной власти, под предлогом невинных правил вежливости.

Примеры обожествления земных администраторов

Ниже, на рис. 2 и 3 приведены примеры реализации идеи равенства земного владыки небесному в эпо-

хи, соответствующие ближайшим для нас, максимуму и минимуму духовного уровня. Специально оговоримся, что речь идет об общественных колебаниях между уровнями «человек» и «бог», которые не связаны однозначно с бытовыми этическими нормами, воспринимаемыми нами лично в отношениях между людьми. Вполне одинарный и не очень образованный человек в личных отношениях может оказаться гораздо великодушнее, чем философски образованный циник из правящего сословия.

Сравним символику, сопровождающую образы высших государственных руководителей в указанные эпохи.

Вензель императрицы расположен в центре светила, окруженного облаками. Именно так, немного ранее, в эпоху Афанасия Кирхера, изображали невидимого Творца философы и художники. В сияющем центре облачного кольца писали имя Иеос или Тетраграмматон. В нашем случае сияние исходит от вензеля императрицы, а Творец присутствует в виде символа – двуглавого орла, но сам не сияет, а assisteрует ангелу.

Ангел зеркальцем направляет сияние императорского вензеля «матери народов» на территорию империи. В целом, идея божественности земной администрации, а также её гармоничная связь с небесными силами вполне прозрачна и выражена доходчиво, без лишних слов.

Образ «отца народов» также помещен в божественный овал «картуш», выполняющий ту же символическую роль атрибута Господа, как и облачное кольцо в 1792 г. Символика хлебных колосьев сама по себе достаточно выразительна, и не отсылает зрителя акцентировано к облачному кольцу прошлых веков.

Рис. 2. Титул Атласа Российской империи 1792г.

Отсутствие равновеликих фигур рядом с образом вождя ясно показывает отсутствие у земного вождя реальных конкурентов на власть в этом мире, даже в виде символических двуглавых птиц, тем более, ангелов.

Сияние присутствует, но снизу, из-под воображаемых ног вождя. С одной стороны, в этой направленности можно усматривать хтонические и даже inferнальные мотивы, с другой стороны, направленность сияния соответствует общедоступному восприятию образа восходящего Солнца, или даже божественного источника света, находившегося некоторое время в нижнем мире, что вполне широко отражено в мифах об Озирисе, Орфее, и даже Христе, которые посещали преисподнюю и возвращались обратно.

Таким образом, оказывается, что в атеистическую эпоху середины XX века нашлись выразительные

Рис.3. Сцена праздничного концерта, 1947 г.

средства, символы, (а главное, их носители - личности) для отражения ничуть не менее сложных понятий духовного мира, нежели использованы автором Титула Атласа Российской империи в XVIII веке, но в тональности, созвучной приоритетам господствующего атеизма.

Поскольку во все времена у администраторов имелся ресурс, который так и называется «административный», к настоящему времени знаменитых святых в православии – считанные единицы, хотя иерархов различного уровня – тьмы и тьмы.

Следствия двумерной модели духовного пространства народа

Говоря техническим языком, после введения в схему духовного поля народа промежуточного уровня «царь», мы получили работоспособную систему управления духовным миром целого народа, которая аналогична по принципу работы радиотехническому устройству «триод». Если уровень «царь» находится высоко, близко к высшему уровню «бог», то народу есть куда подниматься, духовное развитие осуществляется, культура в обществе развивается.

Если же уровень «царь» сам находится низко, если интересы элиты, совсем недавно принадлежавшей уровню удовлетворения самых простых материальных интересов,

не выходят за круг понятий материального благополучия, то народу развиваться духовно невозможно, развитие ограничивается разговорами про рост ВВП и подсчеты размеров Резервного Фонда. В наше время каждый сам может решить, достаточно ли этих разговоров для удовлетворения собственных духовных запросов.

Колебания уровня духовного мира отдельного человека и целого народа в границах между «человеком» и «богом», смена модуса гуманизма на модус духовности и обратно, есть процесс исторический, природный, обеспечивающий пульс жизни народа в вечности. Практически эти колебания проявляются в непрерывной стратификации общества, расслоению на сословия, касты, формированию социальных групп внутри общества по критерию общности духовных интересов. Сословия (присяжные) существуют некоторое время, любыми средствами цепляясь за власть, и затем, более или менее драматично, сменяются новыми, молодыми и жадными элитами. Этот видимый непрерывный процесс замены в обществе старого на новое без духовного движения вверх, к уровню «бог», создает иллюзию прямолинейного общественного развития в никуда, или бега на месте.

Более информативен и полезен для долгосрочного прогноза общественного развития циклический подход к явлению общественного духовного движения, которое представлено весьма условно на рис.1 в виде двумерного графика. Этот график является упрощенной моделью спирали исторического развития. Такое упрощение позволило нам применить понятие дихотомии «бог» - «человек» для получения количественной оценки духовности социума.

Каждый отдельный человек движется в своем духовном развитии снизу вверх, но общество в целом пульсирует, поднимаясь духовно и откатываясь к животным интересам, что дает возможность вновь подниматься к уровню «бог» следующим поколениям.

Мы получили инструмент для проникновения в неведомое прошлое русского народа, поскольку имеем право искать духовный взлет около 600 года, духовный упадок общества около 400 года, который можно рассматривать, как первопричину религиозных реформ и войн Атииллы [5]. Опускаясь далее в прошлое, ещё на 400 лет, приходим к общественному упадку около 0 года, который, согласно христианской традиции, потребовал вмешательства высших небесных сил для спасения человечества.

Согласно евангельским текстам, Христос обличал элиту тогдашнего общества, книжников, т.е. ученых и законодателей, фарисеев, поскольку именно правящий слой ответственен за нарушение (в корыстных целях) гармонии природного процесса развития духовности народа от низменного до возвышенного.

Событие идеологической реформы русского общества в виде принятия христианства не является исключительным, а стоит в длинном ряду подобных реформ, проводимых под управлением и контролем правящих каст, хорошо, или не очень, известных из отечественной истории.

Амплитуда колебаний духовного развития отдельно взятого гражданина (не святого) ограничена существующей в обществе социальной структурой, (кастами и их интересами), духовным уровнем элиты, которая всегда имеет необходимые рычаги воспитания народа в нужном русле, вплоть до полного

духовного паралича через навязывание народу ложных целей и даже психотропных препаратов под видом легких путей в духовный мир.

Проблемы в реальном обществе, угрожающие его безопасности в целом, создают не рядовые члены, относящиеся по классификации Законов Ману [6] к управляемым кастам.

Эти проблемы обусловлены низким духовным уровнем правящей элиты, которая неспособна остановить собственное безудержное материальное развитие при полном отсутствии духовного самоограничения.

По мнению автора Законов Ману, роль ограничителя материальных потребностей правящей элиты исполняет самовластный царь, который обязан наказывать нарушителей закона.

20. Если бы царь не налагал неустанно Наказание на заслуживающих его, более сильные изжарили бы слабых, как рыбу на вертеле. При этом царь не должен быть «как все», «парнем из народа».

30. Не может управлять правильно тот, у кого нет друзей, кто наделен глупостью, жадностью, необразованностью, приверженностью к мирским утехам.

Вместо всем нам известного перманентного «обострения классовой борьбы» рекомендованы гораздо более плодотворные отношения между управляемыми и управляемым народом:

80. Следует поступать с людьми как отец.

Автор Законов Ману хорошо знает психологию выходцев из грязи в князи:

123. Ведь слуги царя, назначенные для охраны [народа], бывают большей частью порочными, стремящимися к захвату чужой собственности; от них нужно защищать этот народ.

Рис.4. Рафаэль, 1510-1511. Stanza della Segnatura, Palazzi Pontifici, Vatican

Рис.5. Деталь дуги над философами.

Рис.6. Четвероевангелие, РПБ, IX век.

Законы Ману (Глава VIII) знают и о неумной алчности ростовщиков, именуемых ныне финансистами. Во всяком случае, ссудный процент был законодательно ограничен величиной 15% годовых, все что выше – преступно.

140. Ростовщик (vardhusika) может получать процент, увеличивающий богатство, установленный Васиштхой - брать восьмидесятую часть со ста в месяц.

Не стоит удивляться, что подобного рода установления древних законодателей, после неоднократного прохождения социума через эпохи разгула корыстных интересов и упадка духовности в состоянии модуса гуманизма, сохранились к нашему времени только в далекой Индии.

Преимственность символа, через время и идеологические барьеры

Связь между общественными проблемами и конфликтами интересов различных каст далекого прошлого и настоящего вполне просматривается, а потому и в далеком прошлом существовало искушение у правящей элиты сохранить истинное знание только для собственной пользы и ограни-

чить его распространение среди потенциальных конкурентов.

Вот несколько примеров.

На сегодняшний день крест в форме свастики принято считать древним славянским солярным символом [7]. В Европе этот символ ныне связывается с идеей возрождения фашизма и на этом основании с ним ведется идеологическая борьба. Однако папский дворец в Ватикане украшен фресками Рафаэля, на которых изображены многочисленные свастики.

На фреске (рис.4,5) Рафаэлем изображены классические греческие философы, в центре композиции - Диоген Лаэртский. Дуга над изображением, символизирующая мир, покрыта изображенными свастик, как это показано на увеличенной детали рис.5. Данный графический символизм имеет до-

вольно продолжительную христианскую традицию, которая явно древнее как разделения церквей, так и самого христианства, если соотнести символику дуги и времена существования помещенных под ней греческих философов.

На рис.6. показан титульный лист Византийского Четвероевангелия из коллекции рукописей Российской публичной библиотеки. Текст на странице греческий, следовательно, православный. Символика свастики совпадает с символикой на фреске Рафаэля. По мнению автора, символика свастики напоминает нам о реальном физическом объекте - крестообразном светиле, находящемся в центре нашего космического дома - Галактики. Возможно, что именно это светило древние философы называли Колом и считали центром нашего материального мира.

Преимственность мировоззренческих понятий художников из Италии XVI века, Византии IX века и дохристианских представлений о мире, в котором правит крестообразное светило Коло, становится очевиднее, если учесть смысл философского термина Аристотеля «хюлэ», который нам известен в латинском переводе «материя» [8]. «Материя» вполне может быть духовно выхолощенным современным пониманием образа древних: Мать Рея, а Хюлэ - одной из древних форм имени Коло. Название учебного заведения Аристотеля в Афинах, Ликей, вполне правомерно сблизить с именем Коло, скрывая такое сближение от непосвященных обратным чтением.

Современное имя Богородицы Мария вполне может быть результатом редактирования имени «Мать Рея» мыслителями, находившимися в модусе гуманизма, при общей утере духовных ориентиров социумом после того, как ранее видимый на небосводе в центре Галак-

тики крест Коло потерял лучезарность. Тем самым удалось понизить образ Богородицы до уровня деревенской девушки, рожавшей в хлеву, что весьма удобно для целей нейролингвистического программирования широких масс - почитателей этого древнего образа Матери богов и людей.

Преимственность базовых духовных ценностей от самых древних письменных свидетельств античности до настоящего времени сквозь века и многочисленные религиозные реформы, не затрагивающие сути народного мировоззрения, демонстрируют такие современные документы, как Славянский месяцеслов [9], отмечающий дни поминовения православными христианами своих духовных предшественников.

20 Января память мм. Инны, Пинны и Риммы - скифов, учеников апостола Андрея.

26 марта память 26 мучеников готских: Верна, Силы, Агна, Вавусия и жен: Анны, Аллы, Ларисы, Монки, Малики, Уирки, Гаафы царицы и Дуплиды готских.

15 апреля память м. Саввы готского (372 г.)

19 мая память свм. Патрикия, епископа прусского и п. Иоанна, епископа готского (VII в.).

10 июня память Тимофея епископа прусского,

20 Июня перенос мощей мм. Инны, Пинны, Риммы - скифов.

26 Июня память п. Иоанна, епископа готского (VII в.)

1 Ноября память м. Ермингельда царевича готского (584 г.).

Поминовение скифов и готов в русской духовной культуре доказывает духовную общность славян и этих исчезнувших народов, в противном случае нет нужды упоминать национальную принадлежность мученика в соответствии с формулой «нет эллина, нет иудея».

Православная соборная память Месяцеслова подтверждает сведения, записанные католическим историком Павлом Иовием Новомским со слов русского посла в Ватикане Дмитрия Герасимова.

Известен вопрос Павла Иовия: не осталось ли у русских «какого-нибудь передаваемого из уст в уста от предков известия о готах, или не сохранилось ли какого-нибудь записанного воспоминания об этом народе, который за тысячу лет до нас низвергнул державу цезарей и город Рим, подвергнув его предварительно всевозможным оскорблениям?»

Согласно передаче Иовия, Герасимов ответил, что «имя готского народа и царя Тотилы славно у них и знаменито, и что для этого похода собралось вместе множество народов и преимущественно перед другими московиты». Затем, по его словам, войско возросло от притока ливонцев и приволжских татар, но готами названы были все потому, что готы, населявшие остров Исландии или Скандинавию (Scandauiam), явились зачинщиками этого похода [10].

Православные по сей день помнят катастрофы, постигшие Царьград.

26 Октября вспоминают землетрясение в Цареграде (740 г.).

6 Ноября вспоминают падший прах от воздуха в Цареграде (471г.).

Факты массового народного сопереживания чужой беде, длящегося много сотен лет, не смотря на череду реформ, смены приоритетов, отказа от прежних идеалов, показывают нам неизменные духовные ценности, которые поколения за поколениями православных славян в разных государствах наследуют от своих предков из эпохи, которая простирается в прошлое на тысячи и тысячи лет до официально признаваемой сегодня даты «крещения Руси». Укажем на катего-

рию святых, имена которых бесспорно славянские, а годы жизни соответствуют античности.

3 Июля память м. Голиндухи (II в.).

12 Июля память мц. Голиндухи (Марии) (591 г.), Персия.

17 Сентября память ммц. Веры, Надежды и Любви и матери из Софии (137 г.), Рим.

Как видим, Месяцеслов сохранил нам славянские имена (Голиндуха – Дух Коло небесного) святых, которые жили в странах, где ничего славянского современные интерпретаторы истории в указанное время жизни святого не находят.

Возможно, что причину забвения можно усмотреть в самом имени святого. Имя Коло давным-давно вышло из официального круга христианских имен, которые, после реформ Никона, основаны на идее заимствования «идеологически правильных» имен у одного пустынного пастушеского племени, через посредничество другого пастушеского племени, но уже горного.

То обстоятельство, что все реформы мировоззрения на правильное содержание православной веры проходили не очень давно, гораздо позже эпохи крещения Руси Владимиром, видно из факта наличия языческих имен у русских православных святых.

16 Мая память блаженной отроковицы Музы.

27 Августа память свм. Кукши (1215 г.) в Киеве и епископа смоленского Меркурия (XII в.), похороненного в Антониевых пещерах в Киеве.

В то же время имена, которые сейчас уверенно идентифицируются, как атрибуты дохристианских славянских «родных» богов, воспринимались в прошлом не так.

Древнерусские книжники могут говорить о «Хорсе-жидовине» и «еллинском старце Перуне» [11].

В древнерусских сказаниях о Мамаевом побоище так же, как и

в «Синописе» Иннокентия Гизеля (при описании Куликовской битвы), Перун выступает как татарский бог: «Тогда Мамай видел погибель свою, нача призывати суетныя боги своя, Перуна, Савата, Иракля, Гурка и мниаго великаго пособника своего Махомета» [12].

«Суетный» с точки зрения автора XVIII века «бог Гурко» вполне может оказаться формой имени Герг, т.е. Георгий, сегодняшний православный покровитель Москвы. В рамках дуальной модели духовного мира уже не является невозможным увидеть в имени «Махомет» лишь слегка искаженное понятие Маха Мать, т.е. Великая мать, для нас Богоматерь. Такое понимание имени, как непонятного потомкам вследствие проведенных администраторами духовных реформ, символа мировоззрений предков, позволяет объяснить следующее обстоятельство.

Реликвия мирового уровня была привезена в Россию из Королевской Оружейной палаты Стокгольма специально к 450-летию включения Астрахани в состав государства Российского сильной рукой Ивана IV. Ранее шлем экспонировался в Оружейной палате Московского Кремля (см. рис.7).

Генеральный консул Ирана Сейед Голамрез Мейгуни расшифровал арабскую надпись на шлеме Ивана Грозного, выставленного в астраханском Музее боевой славы. Дипломат утверждает, что выполненная на верхнем горизонтальном поясе царского шлема надпись переводится с одного редкого арабского диалекта как «Аллах Мухаммед». Эти слова могут быть сокращенной версией известного выражения «Велик Аллах, и Мухаммед пророк его» [13].

Комментатор не задался вопросом, для какой цели надо было сокращать священную формулу, да на этот вопрос вряд ли можно

подобрать удобоваримый ответ.

Мы предлагаем не домысливать подлинные формулы эпохи Ивана Грозного, а понимать то, что написано, но с учетом дуальной модели собственного духовного мира. Тогда арабская формула «Аллах Магомет» может быть понята, как Коло Сияющее (АЛ) – Великая (Мега) Мать, что демонстрирует преемственность в христианских веках древнейшего славянского мировоззрения на Вселенную, у которой есть центр – крестообразное, ныне невидимое светило Коло, которое является причиной и хранителем нашего материального мира.

Е. Аничков показал, что христианизации Руси предшествовала попытка создания искусственного языческого пантеона [14]. Может показаться, как считают Б.А. Успенский и Ю.М. Лотман, что для создания «новой» христианской Руси психологически было необходимо создать консолидированный и в значительной мере условный образ «старой». Сама же христианизация протекала как демонстративная мена местами старой (языческой) и новой (христианской) религии. Внешним, но весьма значительным проявлением этого было пространственное перемещение святынь в процессе крещения: идол Перуна был свержен с киевских гор на Подол, т.е. на то место, где тогда находилась христианская церковь св. Ильи (христианский двойник Перуна), а христианская церковь была построена наверху, на месте прежнего языческого капища [15].

Резюме

Через переходы символов из языка в язык, из культуры в культуру от древних философов до нашего времени сохранилось древнее знание о центрально симметричном устройстве Космоса, в центре которого находится, как

Рис. 7. Деталь шлема Ивана Васильевича с арабской надписью «Аллах Магомет».

считали древние мыслители, его Создатель и управитель, а изначально – родительница людей и богов Рея. Возможно даже, что само современное «псевдоевклидово» восприятие пространства и времени в исторической перспективе, как бесконечного линейного движения в никуда, навязано нам теми, кто задержался в модусе гуманизма. Ныне наступило время осознания цикличности общественного развития на том уровне, который позволит применить древнюю мудрость Законов Ману для практического оздоровления современного общества, чрезмерно увлекшегося играми на бирже в ущерб собственным духовным запросам. Такое оздоровление вполне возможно после осознания социумом необходимости собственного перехода из модуса гуманизма в модус духовности с последующим устремлением, по примеру предков, к духовным ориентирам.

Литература

1. Мой город Пушкин. [Электронный ресурс]. URL: http://www.mojgorod.ru/gor_spb/pushkin/ (дата обращения 08.01.2011)
2. Ленин В.И. Карл Маркс // Ленин В.И. Полн. собр. соч. 5-е изд. - М., 1967, т.26, с.55.
3. Сорокин П.А. Социокультурная динамика и эволюционизм // Американская социологическая мысль. - М., 1996. С.372-392.
4. Илларион. Слово о законе и благодати. — М.: Столица, Скрип-

торий. 1994.

5. Вельтман А. Ф. Аттила и Русь IV и V века. Свод исторических и народных преданий. М., 1858.

6. Законы Ману / Пер. С.Д. Эльмановича (1913), проверенный и исправленный Г.Ф.Ильиным. - М., 1992.

7. Кутенков П.И. Ярга - свастика – знак русской народной культуры. СПб.: Изд-во РГПУ им. А.И.Герцена, 2008.

8. Чанышев А.Н. Курс лекций по древней философии: Учеб. пособие для филос.фак. и отделений ун-тов.- М.: Высш.школа, 1981.

9. Славянский месяцеслов // Календарь на 1880 год, иллюстрированный / Под ред. Гатцука А. - М., 1879.с.130-142.

10. Pauli Iovii Novocomensis Ke legatione Basilij Magni principis Moscoviae ad Clementem VII. Pontificem Maximum. Romae, 1525.// Новокомский Павел Иовий. Книга о московском посольстве / Введение, перевод и примечания А.И.Малеина.- СПб., 1908.

11. Афанасьев А. Н. Поэтические воззрения славян на природу. Ч. I. М., 1865.

12. Иннокентий Гизель. Синописис. СПб., 1778. С. 163. Ср. также соответствующее место в изд.: Шамбинаго С. Повести о Мамаевом побоище. СПб., 1906 (Сборник Отделения русского языка и словесности имп. Академии наук. Т. LXXXI. № 7). С. 67, 118, 160, 187.

13. [Электронный ресурс] URL: <http://www.inauka.ru/news/article92801.html> (дата обращения 20.01.2011).

14. Аничков Е. В. Язычество и Древняя Русь. СПб., 1914.с.104-110.

15. Лотман Ю.М. и Успенский Б.А. Роль дуальных моделей в динамике русской культуры (до конца XVIII века) // В сб.: Труды по русской и славянской филологии. XXVIII: Литературоведение. Тарту, 1977. С. 3–36.

Социокультурные детерминанты–императивы перспективы современного общества

Сивиринов Б.С.

В статье рассматриваются три базовые социо-культурные и институциональные детерминанты-императивы перспективы общества. Созданные людьми и обществом институты и процессы, только в своей активной позитивной функции детерминируют эффективное управление и позитивное будущее общества. Это нравственность, демократия, технологический детерминизм. Детерминирующий статус данной триады, важен в связи с проблемами ее каждого элемента и зависящих от них угроз настоящего и будущего нашего общества. Статус императива требует от нас внимания и усилий по превращению их в позитивные факторы социальной перспективы современного общества. Таким образом, только позитивное развитие данной триады решает проблемы настоящего и будущего и поможет избежать разрушения нашего общества.

Ключевые слова: Детерминанты-императивы перспективы общества, институты и процессы, управление обществом, нравственность, демократия, технологический детерминизм.

Sivirinov B.S.

Sociocultural determinant- imperatives of the prospect of the contemporary society

The article considers three basic socio-cultural and institutional determinants and imperatives of the society perspective. Created by people and society, there exist institutes and processes which only in their active positive function, determine effective management and positive future of the society. These are morality, democracy and technological determinism.

The Determinant status of the given triad is very important because the present and future of our society depend upon the problems and threats associated with each of the triad element. Its imperative status requires our attention and effort to turn these problems into positive factors of social perspective of modern society. Thus, only positive development of the given triad will solve the problems of the present and future and help to avoid destruction of our society.

Key words: Determinants and imperatives of the society perspective, institutes and processes, society management, moral, democracy, technological determinism.

Социально-управленческими детерминантами-императивами социальной перспективы общества являются созданные людьми и обществом институты и процессы, которые в своей активной **позитивной** функции призваны обеспечить его эффективное управление и позитивное будущее. Такими базовыми социокультурными и управленческими детерминантами-императивами, обуславливающими и обеспечивающими потенциал социальной перспективы, являются нравственный, социально-управленческий (демократия), технологический (технологический детерминизм).

Отмеченные детерминанты-императивы непосредственно связаны с механизмами и качеством **активного вмешательства** общества и человека в собственное развитие и способны обеспечить управляемость и устойчивость общества, его выживание: **нравственный**, — без которого эффективное функционирование двух остальных становится проблематичным; **социально-управленческий**, — создающий такую систему управления и регуляции общественными процессами, которая позволила бы обществу и его управляющим подсистемам адекватно ре-

агировать практически на все, возникающие базовые проблемы, как всей планеты, так и отдельных ее регионов; **производственно-технологический**, который в форме технологического детерминизма — способен обеспечить коренную трансформацию в функционировании производственно-технических систем, направленную на сохранение и даже регенерацию природно-ресурсного потенциала Земли, а также оказать весьма существенное влияние на изменение социально-экономической роли и места человека в цивилизации будущего¹.

I

В социологии существовала и до сих пор существует точка зрения, что развитие социальных отношений по пути рациональности должно все больше и больше редуцировать мораль как регулятор общества. Т. Лукман приводит мысль Т. Гайгера, что «это представляет собой необходимое условие для эволюции современного функционально дифференцированного, рационально организованного, гармонично-комплексного общества»².

Более того, Никлас Луман вообще считает мораль обстоятельством, «отягощающим разрешение конфликтов». С этим можно согласиться, если принять во внимание всегда существующий конвенциональный, оценочный, а поэтому не свободный от субъективных **интерпретаций** элемент моральных систем. Можно сказать, что есть мораль Зла и есть мораль Добра при всей сложности человеческой оценки — что есть Добро и что есть Зло. Очевидно, что область морали и этики по сегодняшний день так и остается пограничной (между знанием и незнанием) областью социальной науки. И так

же, как в пограничных областях естественных наук, она отдает значительное пространство мыслительных спекуляций философии. Но что же должен означать социологический подход к морали и моральным проблемам общества?

«Социологическая теория морали — пишет Н. Луман, — не выступает на место этики, но она заменяет те теории морали, которые трактуют как природное свойство человека — стремление к уважению и к тому, чтобы избежать неуважения»³.

Вероятно, для социологии как науки важно признание и анализ наличия социального порядка как следствия **единой моральной функции** в ее двух интерпретациях: социальной — как генерализованный результат, обеспечивающий общество в целом, и как «интерперсональной», обеспечивающей межличностные коммуникации и взаимное уважение.⁴

«Собственно социологический интерес — отмечает Н. Луман, — был бы применим в исследовании того, как варьируются семантическое оснащение моралей с типичкой социальных систем и, прежде всего, с социокультурной эволюцией»⁵.

Следовательно, для социологии должно быть небезразлично выяснение не столько природы, сколько **функциональной значимости** морали для общества. При этом следует обратить внимание на то, что прямое противопоставление (противостояние) социальной рациональности и нравственности отражает в социологии хотя и важный, но лишь внешний эмпирический слой социальных отношений. Действительно, мы в праве говорить о явных тенденциях деморализации всего человеческого общества. Кстати, это происходит не только под влиянием крайних

проявлений капиталистического рынка, но и под влиянием просто политической и бытовой развращенности приходящего поколения, «переступившего» (по Достоевскому) многие нужные и ненужные, архаические моральные запреты, т. е. вкусившего опыта такого «рационального» поведения, которое функционально действительно противостоит нравственности как **перспективному** механизму и общему **стратегическому** принципу социального поведения. Об этой деструктивной рациональности пишет Ж. Т. Тоценко: «в наше время **происходит атрофия требований нравственности, замещаемых критериями рациональности**»⁶.

Однако в социологии имеется опыт вскрытия более глубокого уровня взаимодействия разума и нравственности, когда разум, рациональность представляют собой неотделимый компонент именно нравственного поведения, когда **осознается и признается** необходимость, а следовательно, ценность того или иного поведения. «В конечном счете, пишет К. Поппер, — рационализм обуславливает признание необходимости социальных институтов, защищающих свободу критики, свободу мысли и, следовательно, свободу человека. К тому же он устанавливает нечто вроде морального обязательства поддерживать такие институты»⁷. Это единство разума и нравственности прослеживается, например, в императиве экологического поведения, требующего **осознания** необходимости беречь природу и возводящего все это в ранг нравственного поведения.

Разум, безусловно, важный элемент социальной регуляции, т. к. **осознание** человеком соотношения между поставленными целями и возможными последствия-

ми их реализации, приводит к феномену **ответственности**. Таким образом, разум не противостоит функционально морали. По своей функции он предполагает осознание как необходимый элемент этических нормативов в социальном поведении.

Человеческий разум нуждается в поддержке со стороны нравственных механизмов, имеющих не просто иррациональную природу, но природу трансцендентного характера. **Человек, с его наличием социо-природно-биологическими качествами, с его ограничениями разума не скоро сможет стать рациональным в той степени, которая позволила бы ему «отказаться» от морали.** Ведь мораль имеет ту **трансцендентную** силу своего действия, которая в принципе **абсолютна** и заставляла Канта удивляться этому моральному закону, «который внутри нас». Именно поэтому «Мораль всегда была независимой, в том числе ранее — в face-to-face — интеракции членов общества. Даже в том случае, если комплексные моральные конфигурации значимости были интегрированы в учрежденческие нормы общества и даже получили собственный базис в морально-религиозных или специфически моральных, нравственных учреждениях, то это, наверняка, не означает исчезновение морали»⁸.

Следует заметить, что все существовавшие и существующие системы моральных норм и принципов эффективно функционируют в масштабах всего общества только тогда, когда они имеют трансцендентную базу, т. е. **освящены** и продолжают **свято** восприниматься обществом и на личностном уровне. В этом смысле религиозная мораль является ярким примером достаточно эффек-

тивно действующих норм и принципов на протяжении тысячелетий истории. Нам могут возразить, что существуют системы морали «не религиозного происхождения» — например — Конфуцианская. Однако очевидно, что и она стала эффективно функционировать лишь будучи освященной, как это прослеживается в Китае, Японии, Корее, т. е. там, где эта мораль получила распространение. «Вне зависимости от того, — отмечает Э. Гидденс, — фигурирует ли бог в религиозных верованиях, в них практически всегда присутствуют существа или объекты, вызывающие чувства трепета и благоговения».⁹

Никлас Луман, говоря о нравственном содержании устойчивых отношений взаимности между людьми подчеркивал, что «она тесно связана с магически-религиозными представлениями, являющимися, по сути, функциональным эквивалентом предвидения»¹⁰.

Всем известен опыт Советского Союза, пытавшегося внедрить в жизнь «моральные принципы строителей коммунизма», но они, будучи не освященными, не получившими трансцендентную духовную поддержку так и остались списком неосуществленных моральных норм.

«Старые субъекты морального действия (например, церковь) находятся в кризисе...» — утверждает Т. Лукман. И все же хотелось бы уточнить. Кризис церкви как социального и организационного института вполне возможное явление, сопровождающее либо ее трансформацию, либо функциональное банкротство. Но этот кризис преодолим, если жива Вера. Более опасен для общества кризис Веры, Совести, Чести. Если же общество на макросоциальном уровне утрачивает Веру как все-

общее внутреннее личностное состояние «трепета и благоговения», то это немедленно вызывает кризис веры и доверия на обыденном уровне. Ведь **внешняя** религиозность, так часто наблюдаемая в США и России пока не позволяет делать оптимистические выводы. Данные социологов о религиозности в России свидетельствуют пока лишь о вербальной, внешне-ритуальной форме религиозности, не- или мало затрагивающей внутреннюю духовно-нравственную составляющую личности¹¹.

Ф. Фукуяма в своей весьма своевременной книге «Доверие», увидел явную корреляцию степени внутреннего доверия в обществе и его конкурентноспособности. Он пишет: «благополучие страны, а так же ее состязательная способность на фоне других стран определяются одной универсальной культурной характеристикой — присущим ее обществу уровнем доверия»¹².

Реально наблюдается ситуация, когда каждая личность руководствуется **собственной** системой моральных ценностей, безусловно, имеющей некоторые общие социокультурные черты. Поэтому в ситуациях социальной интеракции, делового, политического и т. д. общения теряется **всеобщий нравственный ориентир** на базе которого строится доверие человека к человеку, человека к государству и его институтам. При таком положении дел каждый имеет основания сомневаться в доверии к другому. Сможет ли наше общество разрешить парадоксы нравственности, преодолеть кризис доверия на макро- мезо- и микросоциальном уровне?¹³

Нам представляется, что шанс регенерации морально-нравственного поля существует также и в

сфере религиозной веры (при всех прочих необходимых условиях общества, связанных, прежде всего, с мощной системой общего воспитания). Именно она (не будем уточнять в какой форме), как **всеобщий социально-трансцендентный** феномен способна в перспективе возродить этику и дух социума в мире и в России.

II

Вторым базовым детерминантой-императивом, без которого не может существовать общество, является социально-управленческий механизм наилучшим образом, на сегодняшний день, способный обеспечить функционирование общества. Управление – это процесс, внутренне присущий обществу. Он всегда выступает как императив и всеобщая социальная необходимость, требующая активного включения человека в развитие и совершенствование существующих социально-управленческих механизмов.

Одним из таких механизмов, на сегодняшний день, является демократия.

Традиция обращения к теме демократии в социальной теории связана либо с попытками давать пространные определения демократии, либо с интерпретациями политических, правовых и общесоциальных функций демократии и ее соответствующих механизмов. Начиная от проблемы возникновения демократии и кончая проблемой ее дальнейшего развития, большинство авторов понимает демократию как только искусственно формируемую систему социальных взаимодействий личности и общества, социальных институтов и государства.

При этом до сих пор можно встретить архаичную интерпретацию демократии как «власти народа», как выражения «воли боль-

шинства» и т. п. Демократия не может реализовываться в современном мире в формах первобытнообщинной и античной демократии, когда она существенно была связана с относительно реализуемой процедурой «решения большинства». Сейчас же «Решение большинства, как отмечает Ю. Хабермас, — может приниматься только таким образом, что его содержание считается рационально мотивированным (хотя и не застрахованным от ошибки) итогом дискуссии, которая как бы условно завершается, поскольку необходимо принять, наконец, какое-то решение»¹⁴. Это позволяет сделать вывод о том, что решение большинства, по мере усложнения социальных ситуаций, все более склонно к условному принятию «как бы» «рационально мотивированных» решений, даже если они ошибочны. Современная демократия, как отмечает Й. Шумпетер, недееспособна при последовательном соблюдении классического принципа «власти народа» и «пропорционального представительства». «Принцип демократии в таком случае означает просто, что бразды правления должны быть переданы тем, кто имеет поддержку большую, чем другие конкурирующие индивиды или группы»¹⁵.

Какие бы формы не принимала оценка современной демократии, в любом случае она сохраняет свою сущность, заключающуюся в исполнении прежде всего **регулятивно-управленческих функций**. Нам встретилось весьма редкое и спорное утверждение Ф. Шмиттера по поводу демократии. «Она (демократия — Б. С.) не является необходимостью, не выполняет какого-либо необходимого функционального условия капитализма и не соответствует некому **неотвратимому императиву** (выделено —

Б. С.) социальной эволюции. Есть все основания полагать, что ее укрепление требует исключительных и постоянных усилий, которые, по всей вероятности, смогут сделать немногие страны.¹⁶ Следует заметить, что еще в первобытных и древних формах демократия возникла **естественным** путем именно как необходимость **социально-управленческого** характера. Как соответствие неотвратимому **императиву** физического, а потом и социального выживания.

Говоря о демократии как социально-управленческом императиве и ее сущностных сторонах, следует подчеркнуть, что она выступает не столько регулятором абстрактных общих интересов, сколько регулятором **учета** интересов индивидов. Как справедливо заметил Р. А. Даль «даже те, кто считает, что люди иногда ставят общественное благо выше собственных интересов, тем не менее, могут сделать логичный вывод о том, что стимулы для действий в таком альтруистическом духе обычно слабее, чем стимулы для действий, направленных на достижение личных интересов».¹⁷

Безусловно, **общий** интерес существует, но его следует понимать как **функционалирующее, практическое совпадение** реально существующих **индивидуальных** жизненных интересов. Этим совпадением и сильна действующая (не декларативная) демократия. Что касается демократии как функционально-управленческого условия, то она обеспечивает более эффективное социальное взаимодействие между социальными целостностями различной природы в общем процессе социального управления.

В рамках общего социально-управленческого процесса ключевую роль играет **обратная связь**. Демократия на сегодняшний день,

наверное, единственная технология управления, которая способна сформировать **наиболее эффективный** комплекс обратной связи в макросоциальном масштабе. Прежде всего, демократия обеспечивает когнитивно-информационную составляющую обратной связи. Чем свободнее потоки социальной информации и информированность людей, тем оперативнее и точнее социально-управленческие решения. Далее, в **организационном** плане демократические процедуры обеспечивают согласование индивидуальных, межгрупповых интересов в обществе и тем самым формирование того самого **общего** интереса, через феномен консенсуса, что в свою очередь порождает **синергетику и органику** в функционировании социальных систем. И еще один позитивный эффект демократии — востребованность моральных ценностей индивидов и общества. Участвуя в демократическом процессе, люди неизбежно **вовлекаются** в процессы не только чисто политического, но и морального выбора, формируя одновременно то самое сознание социальной ответственности, о котором говорят все руководители. Вторая часть тезиса Ф. Шмиттера о необходимости «постоянных усилий» в укреплении демократии, может быть частично принята, если исходить из того, что степень готовности общества к демократическому процессу может быть недостаточной. В этом случае мы имеем дело больше с искусственной, чем с естественной системой демократии.¹⁸

Искусственные системы всегда уступают естественным в их эффективности и нуждаются постоянно в организационной и ресурсной подпитке. Что касается критерия естественности социальных систем, то он, в конечном счете,

восходит к учету индивидуальных человеческих **социальных** потребностей. Исходя из этого критерия более естественной и, следовательно, эффективной, может быть демократия, обеспечивающая эти социальные потребности. В этом случае демократия выступает в качестве **технологии управления эффективным и сбалансированным в масштабах всего общества распределением материальных и культурных благ**. Именно эта функция демократии является базовой и естественной, разумеется, если эти блага имеются у общества в достаточном объеме. Наличие системы законов «для всех» создает ситуацию относительного **доверия во всем обществе**. На этом строится **этика и императив демократии** как конструктивное условие развития конкурентноспособного общества в современном мире.

III

В условиях современной промышленной революции возросла актуальность проблем, связанных с глубоким проникновением технической среды во все сферы общества, в том числе и управление им. Этим и объясняется то пристальное внимание, которое обращают ученые на проблемы взаимоотношения человека и техники, общества и техники. С этим связано и появление исследований, связанных как с анализом социальных последствий технического прогресса, так и с проблемой научно-технических методов вмешательства в процессы социальной регуляции.

Карл Ясперс писал: «Техника — это совокупность действий знающего человека, направленных на господство над природой».¹⁹ Техника, таким образом, является феноменом, который порождается бытием человека и в свою очередь становится **относительно самостоятель-**

ной системой, в которой деятельность человека детерминируется ее внутренними связями и закономерностями. Именно на это обратил внимание К. Ясперс, говоря об обедненном, ограниченном только техническим развитием, понимании величия человека, захваченного в круговорот развития технических систем. Первооткрыватели и изобретатели «лишь функционеры в цепи, по существу анонимного творческого процесса, внутри которого одно звено переходит в другое и участники которого действуют не как люди и не в величии единой всеохватывающей души. Невзирая на высокий уровень творческих находок, терпеливого, упорного труда, смелости теоретических поисков и планов, все это в целом подчас производит впечатление, будто самый дух втягивается в технический прогресс, который подчиняет себе даже науку — и от поколения к поколению все более решительно».²⁰ Видя в технике серьезную опасность, К. Ясперс в то же время приводит мысль Ф. Дессауэра о том, что техника является еще и «всеохватывающей реализацией изначально данной подлинной и истинной среды человека».²¹

В технике, таким образом, мы видим мощный детерминирующий элемент, будущего развития человечества. И если у Ф. Дессауэра техника олицетворяет определенную идею божественного творения, то К. Ясперс понимает технику как специфично практическую, утилитарную сторону предметной области человеческой жизни. На самом деле техника как **социальный феномен** т. е. как продукт общества не может существовать вне единства духовного и практического, мысли и попытки ее материально-вещественного воплощения. В связи с этим можно привести точку зрения В. Зом-

барта, который считал технику и науку в принципе явлениями одной сущности, в которой мы наблюдаем отношение общества и человека к природе — в одном случае с практической, а в другом с теоретической (мыслительной) точки зрения.²²

Техника, выступает как один из неотъемлемых детерминирующих факторов развития общества, в рамках целостности социальной перспективы. В целом, можно выделить следующие аспекты возможного влияния техники на общество.

1. Техника и технология образуют предпосылки, существенно влияющие на модель социальной организации.

2. Техника и технологии, развиваясь и совершенствуясь, позволяют решать в настоящем и будущем широчайший круг социальных проблем.

2. Технологии позволяют осуществлять прямой контроль над обществом со стороны избранной группы управляющих согласно выбранным критериям рациональности.

3. Усложнение технических систем может привести к потере контроля над ними со стороны общества.

4. Технологические нормы и ценности неизбежно влияют на закрепление старых и появление новых норм и ценностей.

Независимо от оптимистических и пессимистических взглядов на влияние техники на общество, следует исходить из того, что техника — это **реальное средство**, способствующее решению проблем общества, как в производственно-технической, экономической сферах, так и в области социальной. Феномен техники — это тот процесс обновления, который в ходе своего саморазвития может помочь разрешить или смягчить пробле-

мы общества. Техника детерминирует появление новых структур общества, и порождает социальные изменения не только позитивного характера. Однако существуют опасения, например, того, что монополизация электронной информации со стороны государства может легко стать инструментом тотализации власти. В то же время многие западные авторы стали рассматривать эти тенденции как неизбежное зло, возникающее из соединения человека и общества с техникой.

Возникли модели механизма управления обществом, в которых техническое развитие и научные знания сосредотачиваются в руках управляющей элиты. При этом резко возрастает значение силовых структур и бюрократии, используемых как эффективный инструмент преодоления кризисов и социальных потрясений. Так, например Збигнев Бжезинский видит в будущем общество, управляемое «элитой специалистов» с использованием кибернетических систем.²³

То, что государство заинтересовано в союзе с техникой не только во имя общественного прогресса, но и из-за стремления к сохранению власти — реальный факт. Современное же техническое дополнение к этой характеристике государства не без оснований вызывает тревогу по поводу ряда тенденций в развитии человечества в будущем. Они, по мнению западных авторов, порождены тем, что техника сама есть выражение и реализация идеи власти. Другими словами, если государство с помощью техники создаст угрозу миру и демократии, если оно тоталитарное и антигуманное, то это не только результат недалекновидной реакционной политики конкретных властителей, а порожд-

дение органически присущего государству стремления к власти, к насилию. Сами же истоки механизма тирании видятся в специфических особенностях человеческой природы. Подобные утверждения близки взглядам о врожденной агрессивности человека, которая проявляется как начальная установка в процессе зарождения власти. Эти взгляды распространяются и на человека, погруженного в техническую среду. Человек техносферы проявляет себя неукротимой волей к власти, так как технический прогресс и есть проявление человеческой воли.

Техника, таким образом, является социальным феноменом, который порождается человеком и в свою очередь становится **относительно самостоятельной** системой, в рамках социума, в котором деятельность человека детерминирована технико-технологическими связями и закономерностями. Техника как социальный феномен, т. е. как продукт общества не может существовать вне единства духовного и практического, мысли и попытки ее материально-вещественного воплощения. Все мы живем в социотехнической среде. Она окружает нас на каждом шагу. Она постоянно передает нам сигналы, инициированные прежними поколениями, и таким образом определенно детерминирует наш опыт и поведение.

Страх теоретиков перед дегуманизацией жизни под влиянием неуправляемого развития техники и технологии вполне можно понять, ведь фетишизация техники, правда, с противоположным, чем у «оптимистов» знаком, выявляет главный их недостаток — отсутствие более широкого понимания действительных причин, существующих и возможных в будущем кризисных ситуаций. Автор не может согласиться с широко распростра-

ненными абсолютизациями человеческого фактора, равно как и технического фактора в объяснении глобальной технической угрозы. Безусловно, что нравственный человеческий императив во многом может определять позитив и негатив технико-технологического будущего. Но ведь возможна ситуация сбоя технических систем даже при абсолютной технологическо-управленческой честности людей, что подтверждает реальная жизнь.

Проблема социальной феномена техники как социальной детерминанты-императива, должна выходить за рамки вопроса о том, что первично в развитии общества — человек или сама техника. Действительно, изначально, социально-генетически, человек первичен в качестве демиурга техники. Однако фенотип развития общества формируется на функциональной комплексной равнозначности человека и техники, как в ее развитии, так и в ее функционировании. Техника уже стала фактом социальной реальности и может исчезнуть лишь с исчезновением ее активной составляющей — человека.

Анализ активных факторов «социальной перспективы» показывает комплексное единство человека, как центрального активного элемента социальной перспективы, социального знания, социума и социальной практики²⁴.

Человек, проявляя себя активным фактором социальной перспективы, все же не должен рассматриваться в качестве **абсолютного демиурга** общества. Активность человека проявляется в двух аспектах социальных изменений: во-первых, в аспекте изменений как факта воздействий человека на общество в соответствии с его **собственными интересами** и, во-вторых, в аспекте изменений, которые являются расширенным следствием пер-

вого аспекта, следствием не предполагаемым и часто не учитываемым в социально-управленческой практике. Это, кстати, связано и с характеристиками человеческой, социальной рациональности.

Нравственность, социально-управленческий механизм, техника являются активными компонентами социальной перспективы потому, что они в качестве базовых социокультурных детерминант-императивов определяют как формы социально-преобразующей мощи человека и общества, так и содержательно-качественную сторону социальных изменений, их вектор будущего. Они являются функционально значимыми артефактами общества, формами, в которых проявляется характеристика активного начала человека и общества. Детерминирующий статус данной триады важен для нас в связи с тем, что нынешнее неудовлетворительное состояние всех ее элементов определяет угрозы настоящего и будущего нашего общества. В то же время это и императивы, которые требуют от нас предельного к ним внимания и усилий, а также задают вектор действий по превращению их в позитивные факторы социальной перспективы современного общества.

Литература

Гидденс Э. Социология. — М.: Эдиториал УРСС, 1999.

Даль Р. А. Демократия. Теория и практика, интерпракс / Юнеско: Изд-во Университета Джона Гопкинса, 1996.

Лукман Т. О социологическом видении нравственности и нравственной коммуникации // Социология на пороге XXI века: новые направления исследований / Под ред. С. И. Григорьева (Россия), Ж. Коэн-Хуттера (Швейцария). — М.: ИНТЕЛЛЕКТ, 1998.

Луман Н. Формы помощи в процессе изменения общественных условий // Социологический журнал — 2000. — № 1-2. — С. 19.

Поппер К. Открытое общество и его враги: [В 2 т.]. — М.: Феникс; Международный фонд «Культурная инициатива» М., 1992.

Сивирин Б.С. Феномен социальной перспективы. (методологические основания социального прогноза и управления). — Новосибирск: Наука, 2002.

Тоценко Ж. Т. Парадоксальный человек. М.: Гардарика, 2001.

Хабермас Юрген. Демократия. Разум. Нравственность / Лекции и интервью. Москва, апрель 1989 г. — М.: Наука, 1992.

Шмиттер Ф. Опасности, дилеммы и перспективы процесса укрепления демократии // Демократия. Теория и практика, интерпракс / Юнеско: Изд-во Университета Джона Гопкинса, 1996.

Шумпетер Йозеф А. Капитализм, Социализм и Демократия. — М.: Экономика, 1995.

Фукуяма Ф. Доверие: социальные добродетели и путь к процветанию. М.: «Ермак» 2004.

Ясперс К. Смысл и назначение истории. — М.: Политиздат, 1991.

Brzezinski Z. Between Two Ages. Americas Role in the Technotronic Era. N. Y. 1970.

Luhmann N. Soziale Systeme. Grundriss einer allgemeinen Theorie. Frankfurt a/M. 1993, S.320.

Sombart W. Das Wirtschaftsleben im Zeitalter des Kapitalismus. Leipzig 1927.

Ссылки:

1 Автор не отрицает детерминирующий фактор экономики, но за последние десятилетия стало ясно, что мировая экономика в ее нынешних организационных формах, в сущности своей, основанная на ресурсопотреблении и ли-

шенная эффективных технологий сохранения и восстановления, прежде всего, природных ресурсов, заводит человечество в тупик. При этом, качество экономики вторично по отношению к указанным базовым детерминантам.

2 Лукман Т. О социологическом видении нравственности и нравственной коммуникации // Социология на пороге XXI века: новые направления исследований / Под ред. С. И. Григорьева (Россия), Ж. Коэнен-Хуттера (Швейцария). — М.: ИНТЕЛЛЕКТ, 1998. — С. 59

3 Luhmann N. Soziale Systeme. Grundriss einer allgemeinen Theorie. Frankfurt a/M. 1993, S.320.

4 Luhmann N. Soziale Systeme. — S. 319–320. Лукман Т. О социологическом видении нравственности и нравственной коммуникации // Социология на пороге XXI века: новые направления исследований / Под ред. С. И. Григорьева (Россия), Ж. Коэнен-Хуттера (Швейцария). — М.: ИНТЕЛЛЕКТ, 1998. — С. 55.

5 Luhmann N. — S. 322.

6 Тощенко Ж. Т. Парадоксальный человек. М.: Гардарики, 2001. — С. 241.

7 Поппер К. Открытое общество и его враги: [В 2 т.]. — М.: Феникс; Международный фонд «Культурная инициатива», 1992. — Т. 2. Время лжепророков: Гегель, Маркс и другие оракулы. — С. 275–276.

8 Лукман Т. Указ. соч. — С. 59.

9 Гидденс Э. Социология. — С. 423–424.

10 Луман Н. Формы помощи в процессе изменения общественных условий // Социологический журнал. — 2000. — № 1–2. — С. 19.

11 Тощенко Ж. Т. Парадоксальный человек. — С. 268–282.

12 Фукуяма Ф. Доверие: социальные добродетели и путь к процветанию. М.: «Ермак» 2004. — 730 с. С. 20–21.

13 Автор не исключает существование такой индивидуальной нерелигиозной системы нравственности, которая в отношении к миру и к людям очень близка механизму религиозной нравственности, но по нашим наблюдениям это встречается весьма редко.

14 Хабермас Юрген. Демократия. Разум. Нравственность / Лекции и интервью. Москва, апрель 1989 г. — М.: Наука, 1992. — С. 37.

15 Шумпетер Йозеф А. Указ. Соч. — С. 359.

16 Шмиттер Ф. Опасности, дилеммы и перспективы процесса укрепления демократии // Демократия. Теория и практика, интерпракс / Юнеско: Изд-во Университета Джона Гопкинса, 1996. — С. 25.

17 Даль Р. А. Демократия. Теория и практика, интерпракс / Юнеско: Изд-во Университета Джона Гопкинса, 1996. — С. 179.

18 К примеру, низкая (социокультурная и политическая) готовность населения муниципальных образований сельской местности к участию в демократическом процессе в России действительно требует особых усилий со стороны властей в сохранении хотя бы демократических процедур, даже если они пока функционально не эффективны.

19 Ясперс К. Смысл и назначение истории. — М.: Политиздат, 1991. — С. 115.

20 Ясперс К. Там же. — С. 114.

21 Ясперс К. Там же. — С. 130.

22 См. Sombart W. Das Wirtschaftsleben im Zeitalter des Kapitalismus. Leipzig 1927.

23 Brzezinski Z. Between Two Ages. Americas Role in the Technotronic Era. N. Y. 1970.

24 См. Сивринов Б.С. Феномен социальной перспективы. (методологические основания социального прогноза и управления). — Новосибирск: Наука, 2002. — 196 с.

Феномен культовой альтернации

Тендит К. Н.

В статье исследуются проблемы возникновения и развития феномена культовой реальности как особого типа социального взаимодействия. Особенность культовой социализации заключается в том, что в ходе неё в повседневном мире индивида происходит замена обычного смысла окружающих предметов на альтернативные новые культовые значения. Предметы реальности в культовом сознании индивида интериоризируются и становятся предметами культа. Данный процесс автор определяет как культовую альтернацию. Ключевые слова: Культ. Культовая реальность. Культность. Культовая социализация. Альтернация.

Tendit K. N.

Phenomenon of cults alternation

The article is devoted a problem of genesis of cult reality as a special type of social interaction. The specificity of cult socialization is substitute of ordinary sense of a subjects by cult sense. Real subjects in person's cult consciousness are interiorized and become cult objects. The author defines this process as cult alternation.

Key words: Cult. Cult reality. Cultivity. Cult socialization. Alternation.

Культ представляет собой реальность, которая интерпретируется людьми и имеет для них субъективную значимость в качестве особого цельного мира. Члены культового сообщества в их субъективно осмысленном поведении считают мир культовой жизни само собой разумеющейся и наиболее подлинной реальностью. А постольку, поскольку они образуют сообщество, мы можем говорить о существовании культовой реальности как intersубъективного мира.

Культовая реальность имеет интенциональную природу и связана с чувством поклонения чему-либо или кому-либо. Всякое поклонение, будь-то религиозное, эстетическое, научное или политическое, рождается в недрах сильного эмоционального субъективного переживания, связанного с определенным явлением реальности. В дальнейшем поклонение становится формой идентификации субъекта, базирующейся на стремлении возратить тот первоначальный эмоциональный настрой, который возник в результате первого «соприкосновения»

субъекта и объекта поклонения. Совершение актов поклонения основывается на желании субъекта объединиться с объектом, вернуть эмоциональный, психический контакт, который возник при первом коммуникативном взаимодействии.

Для установления правильной коммуникации субъект поклонения стремится уподобиться своему объекту при помощи одного или нескольких возможных культовых средств. Процесс уподобления заключается в соединении культовой и профанной сфер повседневного бытия субъекта, в ходе чего преобразуется жизненная ситуация личности поклоняющегося, даруя ему духовное, иногда и физическое удовлетворение, расширяя горизонты миропонимания, психологически ограничивая или расширяя его внутренний мир. Конкретный результат культовой деятельности зависит от личностных потребностей субъекта культа. В ходе подобной рецитации культ переносит поклоняющегося из времени и обстановки повседневной жизни в ситуацию переживания культовой реальности. Своей деятельностью индивид стремится создать эманацию тех обстоятельств и переживаний, которые вызвали рождение культа, то есть создать особую культовую действительность, которая удовлетворяла бы его навязчивую потребность в постоянном взаимодействии с предметом культа¹.

Поклонение порождает целый комплекс поведенческих ориентиров, переживаний, представлений, которые и образуют культовую систему или культовую действительность, являющуюся неотъемлемой частью ментальной структуры общества.

Опираясь на методологию Льва Семеновича Выготского² и Альфреда Шюца³, мы определяем куль-

товую систему как особый вид психической интерсубъективной реальности (определение, которое дал Л. Выготский) или конечной области значений (термин, введенный А. Шюцем), которая проявляется в результате особого типа социального конструирования реальности.

Всякая интерсубъективная реальность индивида возникает в ходе ее социализации. Культовая реальность не исключение. Однако культовая реальность возникает в процессе особого типа вторичной социализации, которую Питер Бергер⁴ и Томас Лукман⁵ определили как *альтернацию*.

Первичная социализация имеет место в детстве, когда индивид входит в систему общественных связей и отношений. *Вторичная социализация* – это каждый последующий процесс, позволяющий уже социализированному индивиду входить в новые сектора интерсубъективного мира его социума. *Культовая социализация* – это процесс альтернации, процесс приобретения знания об интерсубъективном мире общества, отличающийся от мира того общества, в рамках которого мы были впервые социализированы. Альтернация имеет определенное сходство с первичной социализацией, но не тождественна ей.

Каждый индивид рождается в определенной ментальной среде, проводниками в которой для него становятся различные медиаторы, ответственные за его социализацию. Чаще всего наиболее авторитетными медиаторами оказываются родители или лица их замещающие. Представления о мире, заложенные медиаторами в процессе первичной социализации, обычно являются базисом для индивида. В дальнейшем знания и опыт, приобретаемые в результате вто-

ричной социализации, будут опираться на базовые представления и умения, приобретенные в процессе первичной социализации.

Вторичная социализация происходит с уже сформировавшимся индивидом и уже интериоризованным им миром. Любое новое содержание, которое теперь нужно интериоризировать, должно каким-то образом вписываться в структуру уже существующей реальности. Поэтому возникает проблема согласованности между первоначальной и новой интериоризациями. В разных случаях эта проблема может иметь различные решения.

Усвоение реальности в процессе вторичной социализации для достижения большего эффекта должно быть усилено с помощью особой педагогической техники, придания новым элементам реальности «домашнего» характера. Первоначальная реальность индивида – это его «домашняя реальность». Она утверждается в качестве таковой неизбежно и, так сказать, «естественно». По сравнению с ней все более поздние реальности являются «искусственными». Так, школьный учитель старается придать «домашний характер» содержанию знаний, которые он передает ученикам в процессе обучения. Наиболее ярко это можно увидеть при изучении иностранного языка: содержание предмета вращается вокруг таких тем, как «Моя семья», «Мой город», «Мои друзья», «Школа» и т.д. Таким образом, новый чуждый языковой мир делается релевантным, то есть связывается с уже присутствующими в «домашнем мире» структурами, он становится интересным и понятным. Степень и характер этих педагогических технологий могут быть различными, многое зависит от мотивации ин-

дивида к социализации. В дидактической теории существует правило: чем активнее образовательная технология позволяет опереться на результаты первичной социализации, тем с большей легкостью усваиваются новые знания, умения и навыки.

Но при этом следует учитывать, что субъективная реальность, возникающая в результате вторичной социализации, будет хрупкой и ненадежной в сравнении с той, что сформировалась в процессе первичной социализации. Поэтому для усиления эффекта воздействия на личность в некоторых случаях считается необходимым применение особой психо-педагогической техники для того, чтобы крепче закрепить реальность вторичной социализации или даже вытеснить с ее помощью первичный «домашний» мир индивида. Именно такое воздействие часто приводит к возникновению культовой реальности.

Потребность в такой технике может быть либо внутренней, возникающей в процессе обучения и относящейся к содержанию интериоризации, либо внешней, возникающей ради удовлетворения интересов, имеющихся у медийщиков, под руководством которых осуществляется процесс вторичной социализации. Причем степень интенсивности воздействия этой техники на индивида будет варьироваться в зависимости от характера интериоризируемой реальности.

Культовая техника в процессе вторичной социализации используется для увеличения эмоциональной нагрузки, сопутствующей процессу данной социализации. Обычно она включает тщательно разработанный ритуал перехода, знаменующий изменение внутреннего состояния индивида и его со-

циального статуса. Этот процесс требует подлинной трансформации «домашней» реальности индивида. Отношение индивида к социализирующему персоналу соответственно становится значимым, то есть этот персонал приобретает характер близких медиаторов – высших авторитетов по отношению к социализируемому индивиду. Теперь индивид полностью вернется новой реальности. Он «отдастся» музыке, преступлению, вере не только отчасти, но всей своей жизнью. Понятно, что готовность жертвовать собой ради новой реальности, является высшей ступенью такого рода социализации.

Если обычная вторичная социализация просто вписывает новый интериоризируемый объект в систему уже усвоенных социальных связей, то особенностью культовой социализации является то, что в ходе неё в повседневном мире индивида, происходит трансформация обыденного смысла окружающих предметов и повседневной деятельности индивида. Предметы интериоризируемой реальности становятся теперь культовыми, то есть приобретают новую специфическую значимость.

Трансформируя смысл объекта культа, культовость должна найти выход данной трансформации в языке, то есть объективировать явление заново, «озвучить» его новое значение. Новая объективация и интернализация изменяют элемент первичной реальности, делает его неузнаваемым для окружающих, выводят объект культа из интересубъективной реальности общества, в которой индивид прошел первичную социализацию. Трансформация делает непонятной для данного общества деятельность индивида, когда он входит в контакт с предметом культа. Например, европейцам бу-

дет непонятен страх их соотечественника-буддиста перед умерщвлением насекомого; или многими современными родителями не принимается культовое поведение детей в отношении популярных певцов или актеров, когда молодые люди впадают в аффективные состояния при непосредственном или опосредованном контакте с предметом поклонения (нередки в последнее время даже факты самоубийства на культовой почве).

В качестве субъективного мира культовая реальность остается конечной областью значений и не воздействует тотально на повседневную реальность индивида.⁶ Она возникает лишь при контакте индивида с предметом культа. Субъективная культовая реальность может зафиксироваться надолго в сознании человека, при этом будет осуществляться аутокоммуникативная связь, то есть общение субъекта с объектом культа не будет выходить за рамки внутреннего мира индивида.

Иногда внутренняя культовая деятельность подвергается рутинизации и ее поглощает реальность повседневности, иногда она остается в качестве конечной области значений, в которую индивид тайно от всех погружается. В качестве примера можно привести культ умершего супруга. В реальности повседневной жизни данный культ никак себя не проявляет, вдова или вдовец входят в контакт с предметом культа лишь в своей памяти или воображении, внешне не выражая своего перехода в культовую реальность. Как только культовая деятельность перерастает такие рамки, и переход в конечную область значений затрагивает субъективный мир других людей (например, воспоминания об умершем человеке сопровождаются громким истерическим

плачем), культовая реальность приобретает социальное измерение, индивид входит в противоречие с исходной intersубъективной реальностью окружающих. В этом случае позиция людей, затрагиваемых культовой деятельностью индивида, может выразиться в одной из двух форм взаимоотношений с культовой реальностью: принятие или отрицание. В нашем примере это может выражаться в том, что окружающие либо признают в качестве культовой фигуры умершего супруга и тогда разделяют горе и присоединяются к культовой деятельности вдовы (вдовца), либо они не признают данную ситуацию культовой и будут каждый раз пытаться вывести индивида из его культовой реальности.

В случае неприятия интернализации intersубъективного культового мира индивида со стороны общества он может либо отказаться от него, либо приобщить к нему других людей, в лице которых он обретет поддержку и сумеет легитимизировать свою реальность. В последнем случае культовая реальность порождается особой социальной группой, которая в социологической литературе носит название «культовой».

Наиболее подробно культовые группы изучены в социологии религий. Г. Беккер, имея в виду современное общество, выделил и описал одну такую форму социального образования, которая держится исключительно на энтузиазме ее приверженцев, не опираясь на внутрискруктурную организацию. Речь идет о сообществе, которое, являясь аморфным, выживает благодаря харизматическому лидеру. Intersубъективная реальность членов такого общества характеризуется индивидуализмом, синкретизмом и за-

частую эзотеризмом. Г. Беккер называл такую религиозную форму «культом»⁷.

В настоящее время этот термин используется для обозначения различных образований. Это может быть малая культовая группа, не имеющая бюрократической структуры, возглавляемая харизматическим лидером, использующая эзотерические и мистические идеи. Такое образование можно рассматривать как начальную стадию образования секты (харизматическая секта)⁸.

Но это может быть также сообщество людей, объединенных в чисто духовном отношении. Обычно в этой группе есть харизматический лидер, но последнее не обязательно. Это, например, люди, увлеченные парапсихологией, НЛО, верящие в жизнь после смерти, занимающиеся йогой, трансцендентальной медитацией, играющие в ролевые игры (например, «толкинисты»), входящие в особый тип криминальных сообществ, получивших название «мафия» и т.п.

Для таких движений не важна преэминентность с существующими идеологиями, они не ищут в такой преэминентности своей легитимации. Культам часто присущ мистический или экстатический опыт, а не апелляция к письменным источникам. Часто культ является импортированным, тогда он для данного общества будет новым.

Именно благодаря культовой группе значение культового объекта закрепляется в качестве intersубъективной реальности в сознании индивида, и может привести к разрушению повседневного мира человека, вернее, трансформировать его в культовую реальность. Что влечет за собой разрыв с первично-интериоризированным миром и обществом, в котором осу-

ществлялась первичная социализация.

Обычно такая трансформация субъективно воспринимается как тотальная. Однако это не так. Субъективная реальность никогда не бывает тотально социализированной, а потому она и не может претерпеть тотальной трансформации в результате воздействия социальных факторов. Преображенный индивид будет обладать, по меньшей мере, тем же самым телом и жить в той же физической вселенной. Тем не менее, иногда происходит такое сильное преобразование значимых компонентов реальности, что оно кажется тотальным в сравнении с меньшими изменениями. Как уже отмечалось выше, такие трансформации П. Бергер и Т. Лукман называли альтернативами.

Культурная альтернатива требует процесса *ресоциализации*. Этот процесс напоминает первичную социализацию, поскольку в ходе него по-новому расставляются акценты реальности, предметы приобретают новое значение. Ресоциализация сможет произойти при условии значительной эмоциональной идентификации с новыми медиаторами. Культурная ресоциализация отличается от первичной социализации, так как не начинается из ничего и, поэтому должна считаться с проблемой демонтажа, разрушения предшествующей структуры субъективной реальности.

По мнению П. Бергера, успешная альтернатива должна включать в себя как социальные, так и концептуальные условия⁷. Социальные условия при этом служат матрицей для концептуальных. Важнейшим социальным условием является наличие благоприятного социального окружения – базиса, необходимого для легитимизации

трансформации. Данный базис опосредуется для индивида медиаторами, с которыми он должен установить идентификацию. Без такой идентификации невозможна никакая бы то ни было радикальная трансформация субъективной реальности. Она неизбежно копирует детский опыт эмоциональной зависимости от родителей. Эти «новые родители», новые близкие медиаторы являются проводниками индивида по новой реальности (например, в большинстве культурных сообществах ученики или послушники к своим наставникам обращаются именем «отец»). Культурная реальность, толчком к возникновению которой может послужить любой аффект, должна быть социально подкреплена, иначе она в результате социальной терапии или социального отрицания утратит свое ресоциализирующее значение.⁹

Таким образом, культурная реальность может закрепиться лишь как форма группового сознания, носителями которого будет являться особая – культурная – группа людей. Данная группа практически всегда возникает вокруг харизматического лидера, который становится для своих последователей новым близким медиатором, осуществляя их культурную альтернативу. При этом «духовный отец» сам частично усваивает интерсубъективный мир своих подопечных, изменяя свою субъективную реальность. И чем больше людей вовлекаются в культурную реальность данной группы, тем разнообразнее и шире становится данный культ. Обогащаясь субъективными переживаниями новых adeptов, культ постепенно теряет свои харизматические границы, становясь полисубкультурным образованием. Однако отличительной чертой каждого типа подобных субкульту-

тур будет являться культовое социальное взаимодействие, которое обеспечивает данному сообществу специфическую целостность, основанную на «инаковости» членов сообщества, обеспеченную процессом альтернативы, которую адепты прошли в ходе приобщения к культу¹⁰.

Альтернатива рождается из социальной природы человека. Субъективный мир индивида не может существовать без соответствия интересубъективной реальности. Поэтому человек будет стремиться передать (интернировать) свой культовый опыт другим людям, одновременно усваивая (интериоризируя) их культовый мир. Следовательно, механизм культовой альтернативы будет включать в себя одновременно происходящие процессы интериоризации и интернализации культовой реальности, в которых индивид выступает и как субъект, и как объект культа.¹¹

Литература

1. Тендит, К. Н. Инверсия культового взаимодействия / К. Н. Тендит // Вестник Новосибирского государственного университета. Серия. Философия. 2010. Том 8, выпуск 2. – С.112.

2. Выготский, Л. С. Психология развития ребенка / Лев Семенович Выготский. – М.: Эксмо, 2003. – 245 с.

3. Schutz, A. The Phenomenology of Social World / A. Schutz. – London: Heinemann Educational Books, 1972. – 456 p.

4. Berger, P. L. Invitation to Sociology / P. L. Berger– N.Y.: Koubleday, 1963. – 674 p.

5. Luckmann, T. The Invisible Religion: The problem of religion in modern society / T. Luckmann. – N.Y.: Macmillan, 1967. – 548 p.

6. Schutz, A. The Structures of the Life-World / A. Schutz, T. Luckmann. – London: Heinemann Educational Books, 1972. – 436 p.

7. Becker, H. S. kutsiders: Studies in the sociology of deviance. – Glencoe: Free Press, 1963. – P. 148.

8. Гараджа, В. И. Социология религии / В. И. Гараджа. – М.: Аспект Пресс, 1996. – С. 142-144.

9. Бергер, П. Социальное конструирование реальности: трактат по социологии знания / Пер. с англ. / П. Бергер, Т. Лукман. – М.: «Academia - Центр», «Медиум», 1995. – С. 255.

10. Тендит, К. Н. Социальные аспекты культовой реальности / К. Н. Тендит // Вестник Московского государственного областного университета. Серия «Философские науки». № 4-5(21) – М.: Изд-во МГОУ, 2010. – С. 101-107.

11. Тендит, К. Н. Культовая социализация как альтернатива / К. Н. Тендит // Семиотическое пространство Дальнего Востока. Материалы международной научно-практической конференции. – Комсомольск-на-Амуре: ГОУВПО «КнАГТУ», 2009. – С. 186.

ЭКОНОМИЧЕСКАЯ СОЦИОЛОГИЯ

Институционально–аксиологическая сущность денег в социологии Г. Зиммеля

Верховин В. И.

В статье рассматриваются следующие важные аспекты монетарного анализа Г. Зиммеля: а) феномен социального обмена и феномен денег как универсальное средство сравнения предельных норм замещения благ; б) обоснование ценностной сущности денег в системе экономического обмена; в) деньги как одна из форм институциональной организации общества. Ключевые слова: Социальный обмен, экономический обмен, деньги как абстрактная ценность и как средство соизмерения ценностей, деньги как социальный институт, деньги и феномен доверия.

Verhovin V. I.

Institutionally-axiological essence of money in the sociology of G. Zimmel

The following important aspects of Zimmel's monetary analysis are considered: a) the social exchange phenomenon and the phenomenon of money as a universal means of quota substitution of goods comparison; b) substantiation of valuable essence of money in the economic exchange system; c) money as one of forms of the society institutional organization.

Key words: Social exchange, economic exchange, money as an abstract value and as means of values regulation, money as a social institute, money and a trust phenomenon.

Выдающийся немецкий социолог Г. Зиммель внес важнейший вклад в исследование социальной природы экономического поведения эпохи индустриального капитализма [1]. Рассмотренный им монетарный аспект социальной жизни, во-первых, дал возможность раскрыть сущность универсальных критериев и форм социально-экономического обмена, которые регулируют и координируют человеческое поведение. Во-вторых, позволил прояснить природу денег и денежных механизмов, которые детерминируют структуру большинства человеческих действий.

Институт денег в рамках социологического анализа, проведенного Г. Зиммелем, позволяет связать единым детерминационным стержнем поведение множества людей, относящихся к различным социальным категориям, «разноудаленно» находящихся друг к другу - как в рамках реального пространства и времени, так и конкретной, исторически сложившейся, системы социальной стратификации.

Монетарные отношения являются, по Г. Зиммелю, реальными социальными конструкциями, кото-

рые соединяют партнеров экономических трансакций, непосредственно взаимодействующих друг с другом, а также «социальных анонимов», не имеющих друг о друге никакого представления, но опосредованно связанных системой монетарных цепочек. Импульсы социального обмена передаются на громадные расстояния и позволяют субъектам с помощью нескончаемого транзитного механизма получать в свое распоряжение необходимые экономические ценности (товары), о которых сигнализирует рынок через механизм цен.

Согласно Г. Зиммелю, *интеллектуализация* (рационализация) и *монетаризация* социальной жизни – два параллельных процесса эволюции человеческого общества. С одной стороны, в тенденции они способствуют выравниванию социального и сословного неравенства, открывая перед индивидами универсальное поле экономического обмена, увеличивая набор социальных и экономических альтернатив в зависимости от масштабов расширения свободного рыночного пространства, не ограниченного различными социальными и государственно-территориальными барьерами.

С другой стороны, деньги унифицируют и стандартизируют уникальную человеческую жизнь, нивелируют индивидуальные человеческие проявления, переводя их в количественные эквиваленты, ценовые стандарты и масштабы рыночного обмена. Тем самым рациональность монетарной экономики выступает естественным препятствием для многих проявлений человеческой жизни, подчиненных другим критериям и ценностным приоритетам, которые не могут быть измерены в масштабах монетарно-рыночного обмена.

Таким образом, Г. Зиммель уже в начале XX века предупреждал

о парадоксах развития рыночных отношений, унификация, стандартизация и рационализация которых, в рамках западного капитализма, не могут служить «беспроблемным идеалом» для развития современной цивилизации. Эти процессы способствуют возникновению антагонизма между лично-групповыми ценностными ориентациями и холодным миром рационального расчета, базирующимся на денежной калькуляции в системе бесконечных телеологических рядов экономического обмена [1, с.429-441].

Объективность человеческого взаимодействия в монетарной экономике, считает Г. Зиммель, находит свое выражение в чисто денежных интересах, которые при определенных условиях могут абсолютизироваться и приводить к антисоциальным действиям. Это объясняется «денежной гибкостью», которая является следствием отделения денег от частных интересов, источников и связей, способствуя практически неограниченному их использованию. Деньги «внутри себя» не содержат ни директив, ни препятствий, они «следуют» сильнейшему эгоистическому импульсу. Сдерживающие же факторы, когда определенные суммы денег могут быть «запаянаны кровью» или находятся под запретом, – это лишь сантименты, которые полностью теряют свое значение в связи с увеличивающимся безразличием к деньгам как абстрактному средству измерения ценности [1, с.441].

Таким образом, использование денег становится не похожим на другие формы владения, оно не ограничивается объективными и этическими соображениями [1, с.441]. Рациональность денежного обмена, в который вовлечено множество людей, может «снабдить

средствами» любого, но одновременно становится индифферентной к практическим целям, которые любой из них выбирает и реализует [1, с. 439]. В результате чего возникает масса фактов «эксплуатации денежной силы», когда на высших точках денежных транзакций экономическая жизнь определенных категорий людей и сеть их «телеологических серий» не имеют никакого определенного значения, за исключением «делания денег» [1, с. 433].

Тем не менее, негативные свойства монетарной экономики, тщательно проанализированные Г. Зиммелем, не умаляют роли денег (денежного механизма), которые являются фундаментальным фактором современной рыночной цивилизации. По версии Г. Зиммеля, деньги и их свойства, с одной стороны, генетически были порождены в рамках эволюции одной из форм социального обмена (обмена экономического). С другой стороны, деньги, в процессе собственного имманентного развития внутри монетарной экономики, принимали такие институциональные и социальные формы своего функционирования, которые постепенно «очищали» их от товарных (материальных) «примесей» различных денежных носителей и превращали в абстрактное средство измерения и сравнения предельных норм замещения благ.

Рассмотрим универсальные свойства (функции) денег, которые, по версии Г. Зиммеля, детерминируют - в условиях рыночной цивилизации - специфические модели социального поведения, проявляющиеся в различных социальных индивидуальных, групповых и массовых формах. Остановимся только на некоторых аспектах социологии и философии денег Г. Зиммеля, так как в рамках одной статьи невозможно

дать целостную интерпретацию его социально-философской концепции денег. В этой связи предметом нашего внимания будут следующие важные аспекты монетарного трактата Г. Зиммеля:

- анализ феномена социального обмена, имманентно включающего и развертывающего внутри себя, в процессе социальной эволюции, феномен денег как универсального средства сравнения и калькуляции предельных норм замещения благ;
- обоснование аксиологической сущности денег в системе экономического обмена;
- социологическая интерпретация денег как одной из форм социально-экономической организации общества.

Феномен социального обмена

При раскрытии природы (функций) денег и социального механизма, способствующего реализации этих функций, Зиммель обращается к феномену социального обмена, внутри которого в процессе длительной исторической эволюции возникают деньги, позволяющие, благодаря своим уникальным свойствам измерять, оценивать и калькулировать пропорции того, чем обмениваются люди.

Раскрывая сущность социального обмена, Г. Зиммель утверждает, что большинство отношений между людьми можно интерпретировать как формы обмена. Обмен - простейший и наиболее развитый тип взаимодействия, который определяет человеческую жизнь, когда она стремится утвердить свою реальность и содержание [1, с. 82]. Каждое взаимодействие может рассматриваться как обмен: каждый разговор, каждая привязанность, любовь (даже отвергнутая), каждая игра, каждый взгляд на другого человека. Однако раз-

личие, кажущееся нам очевидным, когда человек предлагает только то, чем владеет, не верно. На первом месте обмена, по мнению Г. Зиммеля, стоит отказ человека от своей индивидуальной сущности, который и порождает социальное взаимодействие. И, наоборот, обмен не проводится ради предмета, которым владеет индивида, но ради удовлетворения конкретных чувств другого человека - того, кто не владеет предметом [1, с.82].

То есть, по Г. Зиммелю, предмет обмена - это увеличение суммы ценностей, где каждый участник предлагает другому больше, чем тот владел ранее. Каждый день нашей жизни включает в себя процесс приобретения и потерь, прироста и уменьшения жизненной сути, которые интеллектуализируются в обмене, в осознанном процессе замены одного предмета на другой. Это синтетический ментальный процесс, который превращает простое сосуществование вещей в систематизированное существование, в систематизированное отношение некоего «ЭГО», которое навязывает свое единство материальному миру, овладевая естественным ритмом нашего существования [1, с.82].

Социальный обмен, по Г. Зиммелю, имеет сложную природу, где различные его виды существенно отличаются друг от друга по способу и механизму компенсации. Например, когда мы меняем любовь на любовь, когда мы делимся интеллектуальными ресурсами, когда мы проявляем свою индивидуальность и получаем взамен то же самое от других людей, то наша собственность (то есть то, что мы предлагаем в процессе обмена), не уменьшается. Однако, по мнению Г. Зиммеля (с которым не всегда можно согласиться), во всех подобных ситуациях увеличение ценно-

стей (того, что отдано другому, и того, что получено взамен) не включает в себя баланс прибылей и убытков. Иными словами, доход (приращение) от каждого вида обмена находится за пределами этого противоречия. Мы принимаем ответ как дар, который был сделан, независимо от наших предложений [1, с.82-83].

Другое дело, что такая разновидность социального обмена, как *обмен экономический*, существенно отличается от иных форм обмена. Его суть заключается в том, что экономический обмен (будь то обмен предметами труда или рабочей силой) всегда означает жертву другого полезного блага, что в конечном итоге, влечет за собой большую экономическую выгоду [1, с.83]. Выражаясь иначе, если мы считаем экономику специальным случаем общей формы обмена (отказа от чего-то для получения выгоды в чем-то), то нам придется предположить, что ценность того, что приобретается, а не создается в готовом виде, дается желающему субъекту полностью или частично в зависимости от степени требуемой жертвы (затрат) [1, с.86-87].

Отсюда следует вывод о специфической природе экономической ценности, которая не является неотъемлемым свойством объекта, а устанавливается путем жертвования другим объектом, который отдают в обмен на наш предмет. Если все необходимое для жизни могло быть приобретено без жертвы (затрат), то не возникло экономической системы. Неважно как два объекта «А» и «В» стали ценностями: «А» становится ценностью только потому, что Я обмениваю его на «В», а «В» только потому, что Я могу приобрести «А» в обмен на него [1, с.88].

Приводя множество аргументов относительно сущности экономичес-

кого обмена, являющегося одним из специфических видов социального обмена и имеющего *затратно-возмездную природу*, Г. Зиммель приходит к следующему выводу. Экономика (хозяйственная деятельность) в процессе эволюции с необходимостью порождает внутри себя такой фундаментальный феномен, как деньги, которые являются:

- необходимым средством установления и измерения эквивалентности обмена;
- ценностной субстанцией и стандартом обмениваемых объектов;
- ценовым масштабом экономической ценности как таковой;
- автономным выражением отношений обмена [1, с.119].

Применительно к этой трактовке денег Г. Зиммель уточняет понятие обмена (в нашем случае, экономического). Обмен – просто попытка людей улучшить условия, которые следуют из редкости благ, что является попыткой удовлетворения субъективных потребностей посредством обмена, распределяющего существующее предложение. Это, в свою очередь, указывает на связь между тем, что называется «ценностью-редкостью», и тем, что называется «ценностью-обменом». В данном случае более важно видеть другую сторону вопроса. Редкость благ не влияла бы на их оценку, если бы ее нельзя было изменить усилием человека. А такое возможно, с точки зрения Г. Зиммеля, двумя способами: или через предложение труда, которое увеличивает предложение благ; или через предложение благ, которое элиминирует редкость искомого объекта. Таким образом, можно утверждать, что редкость благ объективно связывает обмен со спросом на блага, и что только обмен делает редкость благ элементом ценности [1, с.96].

Деньги, с точки зрения Г. Зиммеля, открывают перед человеком аксиологическое поле товарного обмена, который выступает как техническая форма экономических трансакций. Деньги порождают сферу ценностей, независимых от субъективно-личностной «субструктуры» тех, кто втянут в систему обмена. Индивиды, которые побуждаются своими желаниями и оценками совершить тот или иной **обмен**, являются сознательными только в установлении ценностных связей и пропорций между объектами обмена. В рамках развитой экономики эти объекты циркулируют в соответствии с нормами и измерениями, которые фиксированы в каждый данный момент, что заставляет индивидов ориентироваться на объективную меру оценки, возникающую в самом процессе экономического обмена. Индивиды могут принимать или не принимать участие в этой сфере, но если они хотят участвовать в ней, то могут делать это только в качестве представителей и душеприказчиков тех детерминант, которые находятся за пределами их субъективного желания [1, с.130].

Желания и чувства субъектов являются «движущей силой заднего плана». Они не могут самостоятельно вызывать формирование ценности, являющейся результатом «уравновешивания» объектов обмена относительно друг друга. Экономика совершает все оценки через обмен, создавая промежуточную сферу между желаниями, которые служат источником любой человеческой деятельности, и удовлетворением потребностей, в которых подобные желания достигают своей кульминации [1, с.79].

Однако, постулируя относительную независимость и автономность экономики как системы обмена,

устанавливающей ценности обращающихся объектов, Г. Зиммель указывает на взаимную детерминацию объективной сферы и «движущих сил заднего плана», которые «дробят» абстрактную систему обмена субъективными интересами людей на множество независимых серий и мотивов [1, с.80]. Другими словами, экономическая детерминация ценностных отношений в процессе обмена предполагает, с одной стороны, их независимость от субъективных желаний, с другой – связывает их с субстанцией человеческих страстей, интересов, решений и действий. Таким образом, каждый человек вынужден учитывать объективные пропорции ценообразования, «соединяясь» с ними в рамках конкретных денежных калькуляций и ценовых масштабов. В конечном итоге речь идет о социальной детерминации человеческих действий, которые «привязываются» через свои персональные оценки и предпочтения к *объективному саморегулирующемуся механизму*, устанавливающему стоимостные пропорции, ценность и масштабы рыночного обмена.

А это не всегда возможно, так как не каждый может объективно оценить, измерить и соотнести свои интересы, предпочтения и желания с бесстрастной работой монетарного механизма. В результате люди, потерявшие контакт с объективным механизмом рыночного обмена, перестают действовать рационально, деформируя функции денег как измерителей сложившихся на рынке ценовых пропорций между обмениваемыми товарами, что приводит к таким явлениям, как, например, инфляция. И это касается не только обывателей, но и экспертов, которые также могут ошибаться в своих экономических расчетах и прогнозах. Ир-

рациональность восприятия денег, как регуляторов экономического обмена, объясняется Г. Зиммелем следующим образом.

Деньги, по Зиммелю, это субстанция экономического обмена, которая представлена в двух относительно самостоятельных проекциях. Каждая проекция выражает их сущность, но «является» тем, кто их использует, по-разному. С одной стороны, нет ничего проще денежного механизма, который осваивают все, кто включен в экономическую жизнь и использует его для реализации своих целей. Это очевидный набор операций денежного счета и расчета, доступный каждому человеку. Он определяется количеством материальных носителей экономических ценностей, имеющихся в распоряжении, которые, в соответствии с индивидуальными предпочтениями и интересами, перераспределяются в системе обмена от одного экономического агента к другому.

С другой стороны, деньги – абстрактная институциональная система высшей степени сложности, понимание механизмов функционирования которой полностью недоступно никому. В результате вторая проекция института денег фетишизируется и «является» большинству пользователей, прежде всего как абстрактная ценность сама по себе [1, с.120]. Другими словами, деньги как технический механизм оценивания и измерения обмена, спонтанно возникший в процессе социальной эволюции экономических систем, может превращаться в абсолютную ценность. В сознании большинства пользователей она представлена в качестве аксиологического (ценностного) условия достижения тех или иных частных экономических целей. Однако превращение средства измерения ценностей в самодостаточ-

ную ценность влечет за собой целый ряд негативных последствий, искажающих принцип и ход действия денежного механизма. Подобная «мифологизация» денег нарушает непрерывность экономического обмена, затормаживает их оборот, подчиняя его дискретным мотивам тех экономических агентов, которые абсолютизируют функции денег в соответствии со своими представлениями, предпочтениями, вожделениями и интересами. Тем не менее, дискретность и нерегулярность человеческого сознания и поведения все время противопоставляется непрерывному континууму денежного обмена, который постоянно корректирует человеческие действия, подверженные иррациональному заражению, постепенно возвращая их, часто методом проб и ошибок, в русло рациональных процедур денежного расчета.

Таким образом, любое экономическое действие рационально не столько потому, что оно разумно (то есть реализуется с помощью интеллекта), сколько потому, что его рациональность детерминирована монетарным фактором. Последний, с одной стороны, находится за пределами индивидуального экономического действия, с другой – является его (действия) имманентной составляющей, которая принуждает человека вести себя рационально. Любое, даже самое сложное, качество человеческого действия с помощью денег перманентно приводится к количественному масштабу, который отражает реальное состояние денежного механизма и той экономики, которую этот механизм обслуживает.

Неважно, как работает денежный механизм – хорошо или плохо. Главное, что он связывает в функциональное единство, с од-

ной стороны, субъективный мир человеческих притязаний и интересов, а, с другой стороны – объективную систему экономического обмена. Невозможно, считает Г. Зиммель, напрямую получить удовольствие от денег, если они исключены из любых субъектных отношений. В ходе своей эволюции монетарный механизм все больше привязывает мир субъективных проекций индивидов к объективной рациональности денежных калькуляций и ценовых пропорций экономического обмена, расширяя альтернативы и степень свободы субъектов экономического поведения. В наибольшей степени это становится возможным в случае стабильности ценности денег, которая является, во-первых, неизменным условием для непрерывности интеграции экономики и ее производительности и, во-вторых, основой для расчета долгосрочных периодов, массового производства и долгосрочных кредитов [1, с.125].

Однако, как было уже отмечено, стабильность денежного механизма как объективного измерителя эквивалентности обращающихся благ, например, в условиях инфляции, может нарушаться. В таком случае денежная шкала начинает искажать информацию о величине цен и дезориентировать ее пользователей. Вот почему деньги не всегда выступают постоянным фактором установления так называемой «объективной» рыночной цены. Отсюда следует, что значение денег в выражении ими экономических соотношений между объектами, которое (значение) является источником их практических функций, не есть «готовая реальность» [1, с.127], так как деньги не всегда могут функционировать в соответствии с их чистым назначением, но могут вести

себя как специфический объект (товар) в связке со всеми остальными [1,с.121].

Это, в свою очередь, порождает внутри экономической системы проблему «балансировки» денежного механизма, которая является сложной «эволюционной», теоретической и эмпирической задачей. Ее решение позволяет создавать условия для устойчивого экономического пространства, где в рамках так называемой «справедливой» цены за товар, как некоторой устойчивой меры (нормы), становятся возможными полномочия отдельного человека распоряжаться чем-либо [1,с.127].

Аксиологическая сущность денег в системе экономического обмена

Из выше изложенного следует, что обмен для Г. Зиммеля, точнее обмен экономический, есть экономико-историческое *выражение* относительности вещей. Оно переносит значение специфических объектов в сферу действительных взаимоотношений, являющихся субстанцией экономических ценностей. В свою очередь, ценность вещей, интерпретируемая как их экономическое взаимодействие, имеет чистое выражение и воплощение в деньгах [1,с.101]. Таким образом, деньги - в своей первой, видимой, ипостаси - определяются как субстанция, абстрактная экономическая ценность, которая имеет значение для нас только через *представление* того, что она несет или символизирует. Если экономическая ценность объектов устанавливается посредством отношений обмена, то деньги являются автономным выражением этого взаимодействия [1,с.120]. То есть деньги, интегрируя ценностные свойства обмениваемых объектов, становятся своеобразным символом абстрактной цен-

ности всех тех вещей, которые служат предметом обмена.

Однако за представлением о деньгах как абстрактной ценности скрывается весьма *сложное содержание*, отражающее степень их полезности и необходимости в процессе обмена. Раскрытие этого содержания и позволяет понять, почему деньги обладают этим свойством.

По Г. Зиммелю, деньги входят в мир полезных благ как сила совершенно иного происхождения. Это либо абстрактная система оценки различных благ, либо средство их обмена. Для возможности совершения такого обмена деньги должны обладать определенной ценностью. И именно в ходе обмена они обретают ее. Таким образом, деньги становятся одной из связей в ряду, которому они в то же время противопоставляются. То есть их стоимость становится зависимой от спроса и предложения, в то время как затраты на их изготовление незначительно влияют на их ценность. Иначе говоря, двойственная роль денег состоит в том, что, с одной стороны, это средство оценки стоимости различных товаров, а с другой - деньги, сами по себе, участвуя в процессе обмена, становятся объектом, подчиненным стоимостному (ценностному) измерению. То есть деньги измеряются количеством товаров, на которые они обмениваются, и в то же время измеряются в самих деньгах [1,с.122]. Из этого следует, что деньги не обладают некоей универсальной метафизической сущностью (ценностью), а выступают в роли нормативных понятий, подчиняющихся тем же правилам, которые вытекают из функций самих денег [1,с.122-123].

Далее, абстрактность денег объясняется Г. Зиммелем тем, что они, не имеют, или имеют в очень малой степени, собственную имма-

нентную ценность, а их главное свойство – выражение ценности (цены) обмениваемых благ и отражение изменений их ценности [1,с.123]. Поэтому они (деньги), во-первых, выступают посредником между вещами. Во-вторых, они лишены индивидуальных свойств вещей и являются их заменителями. В-третьих, с помощью денег можно превращать уникальные потребительские качества вещей в их количественные аналоги, которые теряют свою индивидуальность и становятся взаимозаменяемыми благами [1,с.123-124]. В последнем случае деньги как абсолютный заменитель благ обладают (должны обладать) свойством стоимостной стабильности, что считается одним из самых важных и значимых свойств денег [1,с.125].

Зиммель полагает, что абстрактная ценность денег – не метафизическое явление. Она выражена в континууме числовых величин, в рамки которого помещаются различные блага и вещи, получающие в процессе обмена количественную оценку (цену) своей относительной редкости (эквивалентности). В этой связи соотношения между экономическими объектами, которые являются предметом обмена, легко приводимы к общему знаменателю стоимости (ценности), наиболее точной формой которой как раз служат деньги [1,с.128].

Важно подчеркнуть, что деньги, по Г. Зиммелю, выражают экономическую ценность объектов, которая проявляется в их меновой стоимости. В свою очередь процесс формирования меновой стоимости (ценности) обусловлен эволюцией и развитием феномена денег, которые являются чистой формой количества и чистой формой взаимозаменяемости вещей, находящихся в процессе бесконеч-

ного, расширяющегося и постоянно обновляющегося обмена друг с другом [1,с.123].

Процесс эволюции денег развивался, по Г. Зиммелю, от формы денег как «ценности по существу», когда деньги имели различную материально-товарную форму, до символической формы денег, которые не имели никакого отношения к той субстанции, из которой они были сделаны [1,с.142-143]. То есть деньги как чистая символическая форма количества, в рамках которой выражается и проявляется их реальная сущность как универсального средства измерения обмена, есть высший этап их развития. На этом этапе деньги переходят от ценностной стадии качества в ценностную стадию чистого количества, где функциональная ценность денег (как средства измерения эквивалентности) превышает их ценность как субстанции, то есть ценность того материала из которого они сделаны [1,с.143-144].

Таким образом, значение денег как способа выражения относительной стоимости товаров является совершенно независимой от их внутренней стоимости. Поскольку не имеет значения, из чего состоит шкала измерения величины – железа, дерева или стекла. Шкала, которую обеспечивают деньги для определения стоимости, не имеет ничего общего с их субстанцией. Идеальная значимость денег как стандарта и выразителя стоимости товаров осталась совершенно неизменной, в то время как изменилась отличительная особенность денег как посредника – как средства хранения и транспортировки стоимостей, которые все еще находятся в процессе изменения. Деньги перешли от формы реальности (материальности) и направленности (протяженности), в

которой они развили эти функции, к идеальной форме, которая развивает свое воздействие только как идея, воплощенная в представительном символе [1,с.147-148].

Деньги как символ количества, согласно Г. Зиммелю, иллюстрируют общий процесс культурной эволюции, в рамках которой идеалом (общей тенденцией развития) знания в разных областях социальной жизни, в том числе, экономики, является переход всех качественных категорий реальности в чисто количественные. В этом аспекте деньги представляют собой чистое количество в числовой форме, несмотря на все специфические качества оцениваемого предмета [1,с.150].

Эволюция денег в процессе культурного развития указывает на то, что увеличивающий свое влияние принцип экономии силы и энергии ведет ко все более и более обширным экспериментам с образцами и символами, которые фактически не имеют отношения к тому, что они означают. То же самое происходит, когда операции с ценностями (стоимостями) осуществляются посредством символа, который все больше и больше теряет материальную связь со специфическими явлениями своей сферы и становится просто символом [1,с.151-152].

В свою очередь, такая форма жизни не только предполагает значительное расширение умственных процессов, но также их увеличение и фундаментальную переориентацию культуры на интеллектуальность. Таким образом, идея, что жизнь по существу основана на разуме, интеллекте, и что интеллект признается в практической жизни как самый ценный из наших умственных способностей, идет рука об руку с ростом денежной экономики [1,с. 151-152].

Одна из важнейших особенностей аксиологического анализа денег, который осуществляет Г. Зиммель, заключается в том, что, сформулировав базовые положения своей монетарной концепции, он постоянно находится в оппозиции к ней, приводя множество аргументов, опровергающих ее основные положения. Нам представляется, что он это делает с той целью, чтобы показать, что деньги как социальный институт и социальный механизм, измеряющий предельные нормы замещения товаров (благ), может выполнять эту и другие денежные функции только при определенных условиях. Если эти условия не реализуются, то денежный институт искажает объективные ценовые пропорции предметов и не может служить ценовым стандартом экономического обмена. То есть деньги как символ и измеритель количества не функционируют в чистом виде, а находятся в процессе движения к этой «чистой» форме в постоянном противоборстве с множеством факторов, которые этому мешают различным образом.

Так, например, Г. Зиммель, приводит ряд доказательств того, что деньги не всегда используются как чистый символ и измеритель экономического обмена, потому что им мешают в реализации своих функций другие ценностные (например, материальные) свойства денег. Далее, деньги не могут выполнять свои функции как средства обмена, когда товары не имеют спроса и процесс обмена как таковой не имеет смысла для субъектов обмена [1,с.152-161]. А наиболее яркий пример деформации функции денег как средства обмена демонстрирует деятельность правительства, которое занимает высоко привилегированное положение по отношению ко всем продавцам товаров и эмитирует

излишнее количество денег (денежной массы) [1,с.160].

Перенасыщение рынка деньгами и соответствующее разрушение пропорции, определяющей эквивалентность (равновесие) товарной массы определенному количеству денег, находящемуся в обращении, приводит к тому, что деньги теряют свою ценность как средство обмена. Разрушение этой пропорции может происходить с обеих сторон. Например, власти, ответственные за выпуск денег пытаются учесть снижение стоимости денег за счет дальнейшего их предложения, в то же время чрезмерное увеличение денег создает пессимизм и недоверие среди людей, которые пытаются избавиться от денег и снова использовать бартер или векселя. В результате чего спрос и предложение все больше не соответствуют друг другу, а обоюдное влияние этих двух факторов (правительства, накачивающего деньгами экономику и массовых пользователей, отказывающихся от денег) кумулятивно влияет на снижение ценности денег [1,с.161].

Это серьезное противоречие функциональных свойств денежного механизма указывает на то, что он не работает в автоматическом режиме, нивелируя массовые действия людей, а постоянно находится под воздействием их частных, групповых интересов и действий, которые могут или искажать и деформировать процесс функционирования денег, или рационально соответствовать объективным законам монетарного обмена.

Деньги как одна из форм социально-экономической организации общества

По Г. Зиммелю, важным фактором функционирования денег как абсолютного заменителя благ, обладающего свойством стоимостной

(ценовой) стабильности, является качество и стабильность экономической организации [1,с.171], в рамках которой обращаются деньги, как наличные, так и потенциальные деньги, выступающие, например, в качестве кредитных или заемных денег. В таком случае деньги начинают обладать амбивалентным свойством – одна и та же сумма в руках заемщика (дебитора) превращается в реальные деньги, а в руках кредитора становится лишь обязательством по оплате долга. Это фактическое разделение одной и той же суммы денег в руках дебитора и кредитора может сохранять экономические функции данной суммы только в том случае, когда существует твердо установленный и цивилизованный *общественный порядок*, в рамках которого долг дебитора не отчуждается, а сохраняется в собственности кредитора. То есть для того, чтобы деньги сохраняли свою эффективность и ценность «как деньги», требуется определенная всеобъемлемость и интенсивность общественных, интеллектуальных отношений между людьми. Иначе деньги не будут отличаться от других товаров [1,с.172].

В действительности стабильность и надежность культурного взаимодействия влияют на все внешние аспекты функционирования денег. Только в стабильном и организованном обществе, что обеспечивает обоюдную защиту и гарантии против действия различных опасностей (внешних и психологических), складываются предпосылки для такого хрупкого и легко уничтожаемого вещества, как бумага, к тому, чтобы стать эталоном (образцом, носителем) наивысшей ценности денег [1,с.172].

Определяя место денег в системе организации общества, Г. Зиммель применяет для разъяснения

их институционального статуса свою концепцию социальных форм. Общество, по Г. Зиммелю, это множество разнообразных социальных форм, в основе возникновения которых лежит социальная взаимозависимость и взаимосвязь индивидов. По этой причине систематический генетический анализ социальной жизни должен начинаться с этой наиболее простой и непосредственной связи, которая даже сегодня является источником бесчисленных новых социальных формаций. В процессе дальнейшего развития прямое взаимодействие социальных сил заменяется созданием сверхиндивидуальных форм, которые возникают как независимые представители этих сил и поглощают и усредняют отношения индивидов [1, с.174].

Подобные образования (формы) существуют в большом разнообразии: как осязаемая действительность и как идеи и продукты воображения; как комплексные организации и как индивидуально существующие. Таким образом, объективно существующие обычаи, законы и мораль развились из практик, которые случайно возникли между членами группы и позже окончательно закрепились. Они суть идеальные продукты человеческого понимания и оценки, которые установились в нашем сознании и вне нашего желания как «чистые формы» [1, с.174].

Деньги относятся к категории, которая материализует (закрепляет) социальные функции. То есть функция обмена, как прямое взаимодействие индивидов, воплощается в форме денег как независимой структуре. Обмен продуктами труда – это, очевидно, наиболее чистая и примитивная форма человеческой социализации. При этом нужно, считает Г. Зиммель, понимать это не в том смысле, что

общество предшествует актам обмена, а в том, что обмен – одна из функций, которая создает вместо существующего (случайного) скопления индивидов внутренний договор между людьми – то есть само общество [1, с.174].

Таким образом, общество, по Г. Зиммелю, не есть абсолютная данность, которая должна существовать изначально так, чтобы все отношения его членов – отношения супер- и субпорядка, сплоченности, подражания, разделения труда, обмена, социальной агрессии и защиты, религиозных взаимоотношений и многие другие – должны быть обусловлены его существованием и могли развиваться в его пределах. Наоборот, общество – только синтез и общее проявление для этих специфических отношений (форм), без которых само общество существовать не может [1, с.175].

Короче говоря, общество, по Г. Зиммелю, это эволюционирующая и расширяющаяся система социализации (социации) множества социальных форм, которые спонтанно возникают на базе различных специализированных человеческих взаимодействий, порождая относительно устойчивые структуры, функции и институты социальной жизни. Эти социальные формы, в свою очередь, воспроизводятся внутри различного рода социальных групп и организаций, таких, например, как государство, церковь, религиозное сообщество, семья, экономические объединения. Они не существуют абстрактно и в чистом виде. В процессе общественной эволюции, дифференциации и индивидуализации они наполняются конкретным историческим содержанием, институализируя, рационализируя и специализируя бесконечное число человеческих действий и взаимодействий.

В этом контексте обмен как одна из спонтанных форм социализации способствует появлению двух видов структур: класса торговцев и денег, где купец (и добавим институт коммерции) это персонифицированная функция обмена, а деньги – это материализованная (субстантивированная) функция того, что обменивается [1,с.175-176]. Таким образом, монетарный обмен способствует появлению определенного класса социальных ролей и представляющих их индивидов, которые являются профессиональными агентами экономического обмена и используют институт денег по своему прямому назначению.

Если воплощение процесса обмена между экономическими агентами выполняется в конкретной форме таким образом, что каждый объект сначала обменивается на деньги, а не прямо на другой объект, возникает вопрос о том, каково поведение людей по отношению к этим объектам. Их основное поведение по отношению к купцам, во многом являющееся следствием денежной сделки, дает нам только аналогию, из которой очевидно, что основной социологический аспект взаимоотношений между объектами и деньгами – это взаимоотношения между экономическими активными агентами и центральной властью, которая выпускает и обеспечивает деньги [1,с.177].

Деньги выступают абсолютным посредником между товарами только при том условии, если чеканка монет делает их более ценными, чем то количество металла, из которого они сделаны. Абстрагирование процесса обмена от специфического обмена объекта на другой объект и его воплощение в характерной форме, может произойти, только если обмен становится чем-то другим, нежели частным процессом между двумя

индивидами, которые ограничиваются личным взаимодействием. Новая и более широкая форма обмена возникает тогда, когда цена товара, предлагаемая одной стороной, не имеет непосредственной ценности для другой стороны, но воспринимается как требование определенной стоимости, реализация которой зависит от экономического сообщества в целом и от правительства, которое его представляет. Иными словами, когда бартер заменяется денежным обращением, возникает третий фактор между сторонами, т.е. общество в целом, которое обеспечивает реальную стоимость, соответствующую деньгам [1,с.177].

Таким образом, ключевым моментом во взаимодействии двух сторон в системе экономического обмена становится не непосредственный контакт между ними, а взаимоотношения, которые каждый из них через свой интерес к деньгам, имеет с экономическим сообществом. Суть дела заключается в том, что деньги – это только требования общества. Они возникают как вексель, в котором недостает имени выписывающего или, что то же самое, вексель, который скорее гарантируется, чем принимается к оплате [1,с.177].

В таком случае речь должна идти об обязательствах, которые могут быть погашены только двумя способами: либо предоставлением эквивалентной услуги, либо требованием востребовать ее в любой момент. Владелец денег обладает данной претензией и, передавая ее тому, кто предоставил услугу, направляет того к неизвестному производителю данной услуги. Это и является основой взаимоотношений в обществе [1,с.178]. То есть при рассмотрении социологического аспекта монетарных отношений двух сторон глав-

ным является то, что общественные взаимоотношения, которые владеец денег и продавец строят в социальной группе, формирует социальное множество (группу), где только и может осуществляться денежное обращение [1,с.178].

Так, например, металлические деньги, которые обычно рассматриваются как абсолютная противоположность кредитным деньгам, содержат фактически две антитезы кредита, тесно связанные между собой. Во-первых, оборот наличности не может быть развит без *общественного доверия* к выпускающему деньги правительству или, например, к тем персонам, которые способны определить реальную стоимость монеты по отношению к ее номинальной стоимости. Во-вторых, необходима *уверенность*, что деньги, которые принимаются, могут быть использованы без потери ценности. Речь идет об уверенности, которую они порождают, уверенности, что общество способно обеспечить сохранение стоимости временно полученной ценности, то есть монет и их замену без всяких потерь.

Никто не может пользоваться монетой, не веря в эти два постулата. Только это может придать грязной и нераспознаваемой монете определенное количество стоимости [1,с.178]. Без общей веры, которую люди проявляют друг к другу, общество распадется, поскольку очень мало взаимоотношений базируется на полной информации о другом человеке. Очень немногие взаимодействия могут длиться, если уверенность не будет достаточно сильной [1,с.179].

Утверждение, что деньги - всегда доверие, поскольку их стоимость зависит от уверенности принимающей стороны в том, что она сможет получить определенное количество товаров в обмен на

эти деньги, не вполне адекватно, так как не только денежная экономика, но и любая другая экономика зависит от этой веры. Если фермер не уверен, что его поле принесет урожай в текущем году, также как и в прошлом, он не будет его засеивать. Если торговец не будет верить в то, что его товары нужны обществу, он не будет их продавать [1,с.179].

Описанный тип доверия - это, по мнению Г. Зиммеля, всего лишь слабая форма индуктивного знания. Хотя существует еще один элемент, который трудно описать: наиболее четко он выражается религиозной верой. Но экономическое доверие не содержит в себе сверхрелигиозной веры, также как и веры в то, что общество будет гарантировать действенность тех законов, при помощи которых мы обмениваем продукты труда на материальные блага. Экономическое доверие содержит большой элемент квазирелигиозной веры. В этом смысле чувство личной безопасности, возникающее от обладания деньгами, возможно, наиболее концентрированная форма доверия в социально-политической и экономической организации общества [1,с.179].

Таким образом, деньги - это не только средство обмена, набор технических процедур, обеспечивающий процесс экономического взаимодействия между множеством агентов рынка, универсальный товар, приводящий к общему знаменателю ценность обращающихся товаров и позволяющий соотносить их друг с другом. *Деньги - это социальный институт*, интегрирующий действия и усилия миллионов людей по единым правилам, стандартам и на единой территории. Он обеспечивает концентрацию и экономию социальной энергии в такой форме,

которая позволяет при минимуме затрат достигать максимального результата перед лицом каждой потребности [1, с.197].

Общественный институт денег «состоит», во-первых, из того, что общественные власти и другие общественные институты делают с деньгами и, во-вторых, из степени узаконивания статуса денег вышеперечисленными институтами [1, с.187]. Таким образом, с одной стороны, институт денег – система социальных обязательств, норм, правил, которые санкционируют, регулируют и нормируют действия с деньгами. С другой стороны, монетарные действия на конкретной территории – не только акты целесообразного, свободного выбора и решения конкретных субъектов экономического обмена, но и акты, отражающие предписания тех центральных институтов (прежде всего, государства), которые, в свою очередь, базируются на определенной системе социального доверия тех, кто пользуется деньгами.

Подытоживая рассмотрение монетарного анализа Г. Зиммеля, можно констатировать, что экономический обмен порождает потребность измерения ценности тех благ, которые являются объектом и предметом обмена. Именно вследствие этого в процесс обмена встраивается универсальный институциональный механизм денег, обеспечивающий набор необходимых технологических процедур, которые позволяют:

- устанавливать масштабы, конкретные значения и пропорции цен (ценностей) обращающихся благ;
- определять динамику их изменений;
- фиксировать ценности (цены) в сознании отдельных индивидов как исходный пункт расчетно-аналитических процедур, дающих им

возможность оценивать прошлые и планировать будущие действия;

- опираться в процессе калькуляции индивидуальной выгоды на общезначимые ценовые эталоны, выраженные в деньгах;

- ориентировать индивидуальные программы поведения и максимизационные намерения экономических агентов в стохастическом и постоянно изменяющемся поле рыночного обмена;

- синхронизировать и приводить к эквивалентному значению интересы и предпочтения множества субъектов, вступающих в обменно-контрактные отношения по поводу купли и продажи различных экономических ценностей.

Монетарный анализ, который применил Г. Зиммель, открыл новое предметное поле исследований социальной жизни. Он способствовал интеграции поведенческого и институционального подходов в социологическом анализе, а также соединению макроэкономической картины социально-экономического обмена, осуществляемого с помощью денег между множеством людей, с микроэкономическим анализом индивидуальных человеческих действий.

В целом исследование материальных, институциональных и социальных элементов денег приоткрывает сложнейшую и до сих пор малоизученную социальную форму функционирования этого фундаментального феномена, который интегрирует в рамках экономического обмена стохастическую поведенческую структуру современного рыночного общества и является объективным фактором рационализации множества человеческих действий.

Литература

1. Simmel G. Philosophy of Money. Boston, 1978.

Круизный туризм на Волге

Лыскова О.В.

На основе эмпирических данных систематизируются мотивации и ценности туристов волжского круиза. Рассматриваются контуры идентичности туристов в волжском круизе, анализируется многогранность восприятия границ в туризме в качестве временных границ советского и современного туристского опыта, пространственных границ выездного и внутреннего туризма, социально-статусных границ в туристском сообществе.

Ключевые слова: туризм, круиз, Волга, глобальный кризис, идентичность туриста, мотивации и ценности туристов.

Lysikova O.V.

Cruise tourism across the Volga

Referring on the empirical results the motivations and values of tourists of the Volga cruise. The contours of tourists identity in the Volga cruise are considered, multifaceted nature of borders perception in tourism as time borders of the Soviet and modern tourist experience, spatial borders of external and internal tourism, social-status borders in tourist community are analyzed.

Key words: tourism, cruise, Volga global crisis, identity of the tourist, motivation and values of tourists.

В настоящее время туризм следует рассматривать как комплексную систему в развитии экономики страны и региона: с одной стороны, нужно думать об обслуживании тех, кто приезжает, с другой – об отдыхе самих местных жителей, в чем состоит огромный потенциал для развития туризма в регионах. Сегодня туризм стал отраслью, не мобилизующей валютные поступления в страну, а наоборот, каналом утечки валюты в больших размерах, что могут себе позволить страны с высокоразвитой экономикой, такие как Германия и Япония, но не Россия, которая стала важнейшим донором развития мирового туризма. Для России благоприятным будет положение, когда не менее 80% туристов участвуют в поездках по своей стране. Однако сейчас туристская активность находится на низком уровне, причинами чего являются скромные доходы населения и высокие цены на туристские услуги, особенно внутри страны¹. Вместе с тем, количество людей, отправленных турфирмами в поездки по России, свидетельствует о

росте на 31% числа внутренних туристов в 2007 году по сравнению с 2006 годом², то есть россияне в формате организованного туризма стали больше путешествовать по родной стране. По экспертным оценкам объем внутреннего российского турпотока в 2008 году составил около 30 млн. человек³.

Последствия глобального кризиса серьезно отразились на развитии сферы туризма: произошло смещение акцентов на риски и угрозы как профессионального характера (риски туроператорской деятельности и прямого бронирования, массовое перераспределение турпотоков, банкротство крупных туроператоров, демпинговые войны), так и потребительского свойства (под воздействием низкой платежеспособности и массового психологического стресса наблюдается феномен отложенного спроса). Подверженные массовой атаке негативных информационных поводов для антирекламы туризма потенциальные туристы не становятся туристами реальными. Спрос на туристские услуги остро реагирует как на гарантированность безопасности путешествий, так и экологическую обстановку в принимающих туристских дестинациях.

В рамках международного проекта «Всемирный барометр финансового кризиса», посвященного исследованию сокращения потребительских расходов в условиях глобального кризиса среди жителей 21 государства, исследовательским центром «Ромир» проведен опрос российских граждан. В целом траты на отдых и туризм оказались на четвертом месте по степени сокращения затрат на них. В России о сокращении расходов на отдых, туризм, путешествия заявил 51% респондентов (54% женщин, 48% мужчин). В бюджете

те 21% россиян статья расходов «Отдых/путешествия» вообще не предусмотрена, поэтому им в данном случае экономить было не на чем. Из всей совокупности 24% респондентов позволили себе не экономить на отдыхе⁴.

В преддверии высокого туристического сезона 2009 года данные всероссийских опросов ВЦИОМ (опрошено 1600 человек в 140 населенных пунктах в 42 областях, краях и республиках России) позволяют установить взаимосвязь между обеспокоенностью россиян глобальным кризисом и внесением корректив в проведение летних отпусков. Личную обеспокоенность экономическим кризисом выразили в декабре 2008 года 75% респондентов, в январе 2009 года 80%, в феврале и марте - по 87%, в апреле - 82%, в мае - 84%. На вопрос о том, внес ли экономический кризис коррективы в планы на проведение отпуска, положительно ответили 30% респондентов, отрицательно - 6%. Планировали потратить на отдых одного члена семьи менее 5 тысяч рублей 13% респондентов (в 2008 году - 10%); от 5 до 10 тысяч рублей - 12%; не более 25 тысяч рублей - 11%; от 25 до 50 тысяч рублей - 4% россиян; свыше 50 тысяч - 1% (в 2008 году - 3%). Если в 2008 году доля тех, кто не планировал в семейном бюджете траты на отдых, составляла 37% респондентов, то в 2008 году - 39%, что свидетельствует о принципиально неизменившемся подходе россиян к финансированию отпускного отдыха. Отсутствие средств было названо главной причиной, по которой россияне отказались от поездок в пользу домашнего отдыха, о чем сообщили в 2009 году 52% респондентов (в 2008 году - 60%)⁵.

В 2009 году подавляющее большинство туристических направле-

ний оказались в состоянии кризиса. По данным Росстата, за первое полугодие доля «потерянных» поездок составила 22,6% от показателей первого полугодия 2008 года. Прогнозы экспертов Федерального агентства по туризму РФ относительно подъема внутреннего туризма на фоне финансового кризиса, спровоцировавшего уменьшение турпотока выездного туризма, не сбылись: на внутреннем российском туррынке был зафиксирован прирост только на 1,6%. Вице-президент Российской Союз Туриндустрии Ю. А. Барзыкин отмечает, что по итогам 2009 года можно проследить две отчетливые взаимосвязанные тенденции: во-первых, отказ россиян от поездок по дальним направлениям и предпочтение близких к местам проживания направлений по России; во-вторых, активный поиск потенциальными туристами возможностей скидок и бонусов при бронировании⁶. Под воздействием глобального кризиса основным критерием выбора тура для наших соотечественников становится его стоимость.

Сейчас, когда большинство людей испытывают неуверенность в завтрашнем дне, принятие решения о том, где и как провести свой отпуск, многие делают выбор в последний момент. Эта тенденция отчетливо прослеживается и в круизном направлении, где присутствует уменьшение глубины продаж: выкупающие путевки за год до путешествия постоянные круизеры в 2009 году оплачивали заказ за полтора-два месяца до поездки⁷.

Специализированным веб-сайтом CruiseCritic.co.uk был представлен список из 10 рек, которые являются наиболее интересными для круизных туристов в 2009 году - Дунай, Дуэро, Янц-

зы, Рейн, Рона, Нил, Муррей, Волга, Меконг, река Святого Лаврентия⁸. Согласно данным опроса социологической службы «Ромир», весной 2009 года 4 млн. 750 тыс. россиян выразили готовность отправиться в круиз⁹.

В настоящее время по российским рекам путешествует около 1 млн. человек¹⁰. В 2009 году на российских реках перевозило пассажиров сто теплоходов¹¹. Перевозки туристов водным транспортом в России имеют сегодня небольшую удельный вес - около 5% от общего объема транспортных путешествий. Внутренний туризм в России по направлению водный транспорт неизменно сокращается: количество туристов-пассажиров в течение 1990-2006 годов уменьшилось с 1478,2 тыс. человек до 512,4 тыс. человек (на 65,3%)¹². Однако в недалеком будущем эксперты прогнозируют качественные изменения в круизном туризме: расширяется выбор туристских маршрутов и береговых экскурсий в портах захода.

Речной круиз является многодневным путешествием по водному маршруту на теплоходе, где туристу предоставляются услуги размещения, питания, перевозки, развлечения. Круиз занимает особое место в классификации современных видов туризма. При доминирующем признаке перемещения туристов на теплоходе по реке в качестве транспортной особенности он сочетает в себе элементы различных видов туризма: рекреационного, познавательного, экскурсионного (пешие и автобусные экскурсии в городах по маршруту следования), пляжного (пребывание туристов на зеленых стоянках). Сегодня на Волге сосредоточен самый многочисленный российский речной флот. Около 30 акционерных судоходных компа-

ний – речных пароходств эксплуатируют внутренние водные пути. В пределах Саратовской области по Волге проходит 20 маршрутов речных круизных линий.

Объектом проведенного исследования являются осуществляемые туристские практики людей в рамках круизного туризма по Волге, предметом служит мотивационная структура и ценностная система реализуемых туристских практик. Внимание было сфокусировано на причинах выбора людьми этого вида туризма и совокупности компонентов такого предпочтения. В статье представлены модели идентичности туристов в речном круизном путешествии. Вопросы интервью и процесс сбора данных направлены на активное участие обследуемых. Интервьюируемыми выступили 22 пассажира четырехпалубного теплохода «Александр Невский»*, следующего по маршруту Волгоград – Саратов – Самара – Казань – Самара – Саратов – Волгоград. Интервью проводилось в течение девяти дней высокого туристского сезона 2009 года. Организатор путешествия – круизный туроператор компания «Круиз», г. Волгоград. В статье анализируется «Книга отзывов и предложений» теплохода «Александр Невский»**. В период проведения исследования Книга отзывов и предложений насчитывала 24 индивидуальных и коллективных записи за период 24 мая – 16 июля 2009 года.

К середине июля 2009 года на борту теплохода «Александр Невский» путешествовало 135 туристов. Выборка информантов отвечает критерию квотности: отбор интервьюируемых осуществлен в зависимости от социально-демографических характеристик, отражающих количественно-качествен-

ный состав пассажиров теплохода. С помощью метода опроса – персонального интервью фокусированного типа – было исследовано 22 респондента, среди которых 14 женщин и 8 мужчин в возрасте от 13 до 84 лет, от впервые путешествующих в круизе до многократного (3–5 раз), проживающих в Волгограде, Саратове, Екатеринбурге, Балаково Саратовской области, Волгодонске Ростовской области, Севастополе (Украина), Ларами (США, штат Вайоминг). Образование, профессиональная деятельность, трудовая занятость респондентов характеризуются широким разнообразием: пятеро пенсионеров, их которых один работающий; три преподавателя, один из которых работает в университете, двое – в колледжах; два директора частных предприятий; два врача; два государственных служащих; два старшекласника; один бухгалтер; один частный предприниматель; один сотрудник подросткового клуба; один концертмейстер; одна санитарка; одна домохозяйка.

Анализ итогов эмпирического исследования свидетельствует о том, что внутренний речной круизный туризм предпочитают люди пенсионного возраста, семейные пары, путешествующие с детьми или без них, компании друзей. Круизный туризм носит межпоколенческий характер с высокой долей постоянных клиентов. Главное препятствие в совершении путешествий пассажиры теплохода видят в финансовом факторе. «В современной России главное препятствие к туризму обычного человека – это экономический фактор. Человек не уверен в завтрашнем дне, а турпоездку нельзя не планировать» (И2)*. «Стоимость путевки стала дороже» (И1). Сегодня наблюдается феномен кру-

изного дауншифтинга как стремление покинуть знакомую среду обитания, привычное окружение и уйти от проблем, ощутив себя человеком, не обремененным заботами: *«Я будто одинокий любопытствующий странник»* (И17).

Путешествие по Волге своей временной степенностью и пространственным масштабом позволяет туристу приблизиться к ощущениям, не свойственным людям нашего времени – эпохи глобализации. Сейчас наблюдается «распадение времени на эпизоды, каждый из которых замкнут в себе и самодостаточен. Время больше не река, а скопление запруд и омутов»¹³. Для туристов, путешествующих по Волге, отрезок времени круизного путешествия ярок и насыщен впечатлениями. Контрастируя предшествующему и последующему биографическим этапам путешествия, он по форме и содержанию ассоциируется с полноводной и красивой рекой.

Туристы как сообщество – явление непостоянное и аморфное. Любой нетурист является потенциальным туристом, а турист, вернувшийся из поездки, перестает быть таковым. В контексте социокультурной динамики современного туризма актуально определение идентичности туриста, в практике которого чередуются периоды реального, виртуального и рефлексивного туризма – осмысления и переработки потоков информации в процессе путешествия и после него, изменяющих мировоззрение человека и нацеливающих его на новые поездки. Движение является основополагающим принципом туризма, равно как и возвращение человека в исходную точку – свой дом. Однако формы движения в путешествии многообразны: «Пространственные формы работают по-разному, де-

лают возможными разные отношения и способы бытия. Пространство множественно: дороги, карты, двери, мосты продуцируют разные пространства и практики осмотра, исследования, открытия. Разные формы и практики продуцируют пространство по-своему»¹⁴. Интервьюируемые акцентируют внимание на личном опыте восприятия окружающего мира в процессе путешествия. *«Я здесь своим глазами вижу родные просторы, как название конфет»* (И7). *«Для меня представляют большой интерес все материальные информационные источники – карты, путеводители, схемы, открытки, фотографии по ходу нашего маршрута»* (И19). *«По радио слышал: «Первые 30 лет надо учиться, следующие 30 лет – путешествовать, последние 30 лет – рассказывать об этом»* (И17). Многие туристы во время стоянок в Саратове, Самаре, Казани оживленно покупали не только сувенирную продукцию, но и путеводители по городам. В моменты шлюзования и прохождения под мостами большинство туристов выходило на верхнюю палубу для того, чтобы лично понаблюдать за происходящим. Круизеры в бинокли разглядывали берега и окрестности, фотографировали ландшафты и пейзажи.

Движение во взаимосвязи движения и покоя может быть различным – от полного ощущения успокоения до высокой степени мобильности, о чем сообщают информанты при описании своего туристского опыта и в попытках идентифицировать прежде всего себя, а потом уже и других туристов. Именно мобильность становится все более значимым фактором в самоидентификации молодежи, пожилых обеспеченных людей, выходцев из диаспор, кото-

рые могут позволить себе жизнь в движении¹⁵. Для многих собеседников движение в кризисе соизмеримо с душевной гармонией. *«Еду нервы успокоить. Освоить новое пространство»* (И1). *«В круизной поездке наслаждаюсь покоем, в обычной жизни – суета сует»* (И2). *«Едем за спокойствием, отдохновением»* (И9).

Протяженный во времени человеческий опыт включает в себя остановки, перерывы, моменты покоя, где неразрывна взаимосвязь времени и пространства. «Перерывы во времени – от катастрофических до повседневных – напоминают нам о случайности и непостоянстве. Признание случайности позволяет нам жить сейчас. Время – это субстанция самого индивида»¹⁶. Интервьюируемый делится субъективным ощущением течения времени в кризисе. *«Здесь, в кризисе по Волге забываешь счет времени, какой день, который час, это ли не счастье?»* (И6).

Время и пространство служат основными критериями идентификации туриста, реализующего совокупность характерных практик вне дома и в определенно заданный промежуток времени. С мая 2009 года в городе Саратове издается ежемесячный журнал «Без границ», на титульной странице которого обозначена цель издания – «содействие путешественникам». «Разъятое и переставшее быть вектором время больше не структурирует пространство. По существу нет больше ни «вперед», ни «назад»; ценится лишь умение не стоять на месте» – пишет З. Бауман¹⁷. Само понятие «границы» – «за границу» предполагает не только рубеж известного и неизвестного, своего и чужого, но и двустороннюю взаимозависимость разделения и связи. В случае кру-

изного туризма фиксируем разделение и связь в трех полях: 1) временные границы советского и современного туристского опыта; 2) пространственные границы в рамках выездного и внутреннего туризма, во втором случае можно визуально зафиксировать границы между областями и регионами на физических картах и отметить их отсутствие в ходе наблюдений и созерцаний по ходу движения; 3) социально-статусные границы между туристами.

Когда люди различными способами пересекаются на теплоходах, в гостиницах, залах ожидания в аэропортах, в известной степени забываются или стираются характеризующие их жесткие социальные показатели¹⁸. В ответах на вопросы многими информантами подчеркивается элитарность и престижность круизного отдыха, рефреном звучит фраза «мы можем себе это позволить». *«Выбор фирмы осуществлял по Интернету, выбрал каюту-люкс. Могу позволить себе этот уровень комфорта»* (И5). *«Выбрали лучшие условия, чем прежде, более комфортные. Мы долго шли к этому отдыху – он ведь считается элитным»* (И6). Туристы фиксируют различия между отдыхающими на разных теплоходах и в различных круизных программах. *«Теплоход «Александр Невский» – эконом-класс, здесь в основном пенсионеры, бабушки с внуками, молодежи мало. Теплоход «Темирязев» – другое дело: публика и богаче, и моложе»* (И9). *«Мы с соседями по столу беседовали о публице – на длинных маршрутах туристы степенные, возрастные, на коротких – динамичные, отрывные»* (И14). Последнее мнение информанта соотносимо с выводом З. Баумана о том, что современный туристский опыт фор-

мирует новые стереотипы и правила, в частности, «не планировать слишком длинных путешествий – чем короче путешествие, тем больше шансов его завершить»¹⁹. На наш взгляд, практики круизного туризма по Волге «снимают» жесткость размежеваний временных и пространственных границ в сознании и мировоззрении путешествующих.

Мотивы туристов как элемент спроса являются объектом многочисленных воздействий, не все из которых напрямую связаны с туризмом. Воздействия представляют собой комбинацию из доминирующих и побочных влияний, которые в совокупности способствуют принятию решения о путешествии и о выборе туруслуги. В рассуждениях туристов доминируют рекреационная и познавательная мотивация круизного туризма на Волге, что предполагает сочетание оздоровительных, гносеологических, гедонистических целей. Мнения информантов единодушны в том, что Волга является неисчерпаемым ресурсом физического и духовного здоровья и благополучия.

Многолетний опыт работы российских туроператоров свидетельствует, что всех потенциальных туристов можно условно разделить на группы в зависимости от возраста, финансового благосостояния, увлечений и др. Каждая группа туристов, так или иначе, предъявляет требования к комфорту судов и уровню обслуживания на борту. Финансовый «порог доступности» круизного тура, то есть его стоимость для каждой группы туристов различна. Так, некоторые пассажиры в меньшей степени интересуются комфортом судна, для них важен процесс созерцания окружающей природы и экскурсионное обслуживание в пор-

тах захода, в то время как для других весомым аргументом является отдых на борту судна, фактор комфортабельности судна и уровень обслуживания²⁰.

В ходе интервью были выявлены две основные группы претензий туристов к круизному обслуживанию: во-первых, низкий уровень комфорта на нижней палубе, где расположены каюты нижней ценовой категории и, во-вторых, недостаточность информационного сопровождения как по ходу движения, так и во время стоянок.

Книга отзывов и предложений теплохода «Александр Невский» зарегистрирована в ООО «Круиз» 30 апреля 2009 года. В ходе изучения документа было прочитано 24 заявления за период 24 мая – 16 июля 2009 года как индивидуального, так и коллективного характера. Каждое заявление датировано и подписано пассажирами круизного теплохода, проживающими в Москве, Саратове, Пятигорске, Волгограде, городе Камышине и поселке Ахтуба Волгоградской области, поселке Менделеевка Солнечногорского района Московской области, городе Киселевске Кемеровской области. Отзывы в большинстве своем несут положительный и адресный характер – капитану (5), экипажу/команде (7), поварам (9), арт-группе (6), обслуживающему персоналу (4), официантам (4). В книге отзывов и предложений содержится конкретная просьба туристов к администрации «отметить труд официантов Диляры и Рустама вознаграждением» (с. 11).

Документ содержит искренние эмоциональные слова благодарности «за замечательное проведенное время на теплоходе» (с. 1); «за доставленное удовольствие при круизе» (с. 2); «за великолепное обслуживание и прекрасное на-

строение, подаренное детям и взрослым» (с. 8); «за теплый прием, прекрасное обслуживание, деликатность и корректность» (с. 9); «за организацию нашего великолепного отдыха» (с. 13); «за прекрасные развлечения и жизнерадостное настроение» (с. 12); «за комфорт и безопасность» (с. 14); «за хлебосольтво, радушие, веселье» (с. 16); «за профессионализм и качество работы» (с. 20); «за труд и внимание» (с. 23); «за надежность, условия и порядок на корабле» (с. 25).

Итак, в настоящее время особое значение для россиян среди прочих видов туристской активности приобретает внутренний речной круизный туризм, характеризующийся неразрывностью рекреационности и познавательности. Внутренний речной круизный туризм предпочитают люди третьего возраста, семейные пары, путешествующие как с детьми, так и без них, молодожены, компании друзей. Среди круизных туристов велика доля постоянных клиентов: *«Сложилось целое сообщество постоянных клиентов. 80% постоянных клиентов, из года в год одни и те же лица»* (И6). Сегодня можно говорить о межпоколенческом характере данного вида туризма, когда в путешествии отправляются семьи из двух-трех поколений. Перспективы его развития связаны с молодежным и социальным туризмом: в Книге жалоб и предложений зафиксированы мнения творческих коллективов, находящихся в поощрительных поездках.

Исследование туризма как одного из направлений социальной политики состоит в признании его в качестве важного фактора развития рекреации, отдыха, досуга как отдельных граждан, так и социальных групп. С 1990-х годов

существенно изменилось соотношение внутреннего и выездного туризма: сейчас в России в десять раз меньше путешественников-соотечественников по сравнению с туристами, выезжающими за рубеж. В. А. Квартальновым приводятся данные о развитии внутреннего туризма в Китае: в 2000 г. Великую китайскую стену посетили 12 млн. иностранных туристов и 130 млн. граждан КНР главным образом в рамках социальных программ - школьники (12% от общего количества учащихся), служащие (2%), крестьяне (4%), интеллигенция (6%), спортсмены (35%), военнослужащие (67%). Вывод исследователя однозначен: «Китайцы бороздят свою страну так, как раньше это делали мы»²¹. В настоящее время в рамках реализации социальной политики стоит насущная задача обеспечения доступности туристских услуг для всех категорий населения, представляется актуальной постановка и решение проблемы оздоровления населения средствами внутреннего туризма в рамках национального и региональных проектов, где речной круизный туризм может занять свое достойное место.

Как отмечает Э. Бауман, «излюбленный лозунг туриста «мне нужно больше пространства»²². Туристы в волжском круизе обретают контуры своей идентичности в конфигурации движение - покой. Анализ эмпирических данных позволил выделить такие границы в туризме как временные границы советского и современного туристского опыта; пространственные границы выездного и внутреннего туризма; социально-статусные границы между туристами. Конкурентные преимущества внутреннего российского туризма состоят в разнообразии природно-культурных ресурсов и професси-

ональном информационно-коммуникативном сопровождении. Туризм как совокупность социокультурных практик позволяет путешествующим по своей родной стране людям формировать собственную идентичность через сравнение себя самих со своим прежним опытом, себя с «иными» - туристами предшествующих поколений, «чужими» и «другими» - туристами-иностранцами.

Комбинирование различных видов туризма составляет своеобразие и конкурентное преимущество круизного туризма, который принимает как активные, так и пассивные формы, что напрямую зависит от интересов и потребностей самих круизеров. Он выделяется из всех прочих видов туризма многообразием туристских практик, сочетанием множества форм и подвидов туризма. Выделим следующие практики активности туристов в процессе волжского круиза: 1) семейные, дружеские, индивидуальные; 2) игровые, песенные, танцевальные, театральные; 3) пляжные, водные, оздоровительные, рекреационные; 4) экскурсионные, познавательные, фотографические; 5) питейные наряду с коммуниктивными и гурманскими, где алкоголь служит контекстом знакомства и поддержанием дружеских отношений.

Современные туристы различаются в оценке степени важности причин, влияющих на выбор турпоездки, на что оказывают воздействие такие факторы как уровень дохода, форма занятости, опыт путешествий, семейное положение, возраст, образование, сфера трудовой деятельности. Комбинация мотиваций к туризму не остается неизменной в течение времени и зависит от многих факторов, ведущими из которых являются ту-

ристский опыт и уровень дохода. В речном круизном туризме, на наш взгляд, необходимо выделять такие определяющие компоненты туристских практик как финансовый, мотивационно-ценностный, экскурсионный, патриотический, семейный, сервисный.

Определяющее значение в выборе и организации путешествия играет собственный туристский опыт с пространственными характеристиками выездного и внутреннего туризма, временными границами советских и современных туристских практик, между которыми сохраняется преемственность традиций осуществления отдыха. Представляется крайне важным, чтобы туризм нес с собой ценностно-позитивный компонент и транслировался во времени и пространстве, преобразуя индивидуальный опыт в коллективное достояние.

Литература

1. Christopher, Ely. The krigins of Russian Scenery: Volga River Tourism and Russian Landscape Aesthetics / E. Christopher // Slavic Review. 2003. Vol. 62. № 4. Abstracts. Режим доступа <http://www.slavicreview.illinois.edu/indexes/vol62/abstracts4.html>
2. Costa Crociere, социологическое исследование. Режим доступа <http://www.tourinfo.ru> Обращение к ресурсу 07.09.2009.
3. Game, A. Travel / A. Game // International sociology. London: «Sage». 1998. Vol.13. № 1.
4. Азар, В. И. Структурная перестройка туристского рынка России / В. И. Азар // Туризм: практика, проблемы, перспективы. 2006. №7.
5. Бауман, З. От паломника к туристу / З. Бауман // Социологический журнал. 1995. №4.

6. Выдержки из доклада заместителя Министра спорта, туризма и молодежной политики Российской Федерации О. А. Рожнова. 30.01.2009. Режим доступа <http://minstm.gov.ru/press-centre/speech/xPages/entry.371.html> Обращение к ресурсу 06.01.2010.

7. Глобализация и туризм. Интервью с В. А. Квартальновым. Режим доступа <http://www.zavtra.ru/cgi/veil/data/zavtra/01/408/72.html> Обращение к ресурсу 12.11.2007.

8. Десятка лучших для круизов рек в 2009 году. Режим доступа <http://www.TURIZM.RU>. Обращение к ресурсу 07.07.2009.

9. Ильина, Е. Н. Организация водных путешествий / Е. Н. Ильина. М.: РИБ «Турист», 2002.

10. Коваленко, В. В. Дифференциация населения в России и его возможности в потреблении туристских услуг / В. В. Коваленко // Вестник НАТ. 2008. №2.

11. Лето. Кризис. Отдых. Пресс-выпуск ВЦИОМ №1243. 10.06.2009. Режим доступа <http://wciom.ru/novosti/press-vypuski/press-vypusk/single/11976.html>

12. Особенности национального туризма. Режим доступа http://www.rmat.ru/rumain212/?r278_id=272 Обращение к ресурсу 05.11.2009.

13. Половина российских туристов сократила свои расходы на путешествия из-за кризиса // Турпром. Бюллетень. №174. 17.09.2009. Режим доступа <http://win.mail.ru/cgi-bin/readmsg?id=1253128417000000684>

14. Российские туристы отказываются от дальних путешествий // Турпром. Бюллетень. №209. 06.11.2009. Режим доступа <http://www.tourprom.ru>

15. Семин, А. Речной круизный флот: современность и перспективы / А. Семин. Режим доступа

<http://www.newsletter.infoflot.ru/> Обращение к ресурсу 17.09.2009.

16. Социальное положение и уровень жизни населения России, 2008. Статистический сборник. М.: Росстат, 2008. Таблица 12.19. Режим доступа http://www.gks.ru/wps/PA_1_0_S5/Kocuments/jsp/ Обращение к ресурсу 22.11.2009.

17. Трофимов, А. Провожаем теплоходы / А. Трофимов // Турифо. 2009. №28.

18. Угрюм-река // Турифо. 2009. №28.

19. Урри, Дж. Взгляд туриста и глобализация / Дж. Урри. Массовая культура: современные западные исследования. сборник / Пер. с англ., предисл., отв. ред. В. - В. Зверева, посл. В. А. Подорога. М.: «Прагматика культуры», 2005.

20. Урри, Дж. Социология за пределами обществ. Мобильности двадцать первого столетия / Кимилев Ю. А. Рефераты // Социологическое обозрение. 2001. Т. 1. № 1.

21. Хотулева Е. Без штормов и качки. Режим доступа <http://www.gzt.ru/tourism/2009/03/26/223021.html>

22. Чернявская Ю. В. Тоска по пространству / Ю. В. Чернявская // Человек. 2006. №7.

23. Ярская, В. Н. Время в эволюции культуры: философские очерки / В. Н. Ярская. Саратов, 1989.

Ссылки:

1. Азар, В. И. Структурная перестройка туристского рынка России / В. И. Азар // Туризм: практика, проблемы, перспективы. 2006. №7. С. 20.

2. Социальное положение и уровень жизни населения России, 2008.

Статистический сборник. М.: Росстат, 2008. Таблица 12.19. Режим доступа <http://www.gks.ru/>

wps/PA_1_0_S5/Kocuments/jsp/
Обращение к ресурсу 22.11.2009.

3 Особенности национального туризма. Режим доступа

http://www.rmaturu/rumain212/?r278_id=272 Обращение к ресурсу 05.11.2009.

4 Половина российских туристов сократила свои расходы на путешествия из-за кризиса // Турпром. Бюллетень. №174. 17.09.2009. Режим доступа <http://win.mail.ru/cgi-bin/readmsg?id=1253128417000000684>

5 Лето. Кризис. Отдых. Пресс-выпуск ВЦИОМ №1243. 10.06.2009. Режим доступа <http://wciom.ru/novosti/press-vypuski/press-vypusk/single/11976.html>

6 Российские туристы отказываются от дальних путешествий // Турпром. Бюллетень. №209. 06.11.2009. Режим доступа <http://www.tourprom.ru>

7 Хотулева Е. Без штормов и качки.

Режим доступа <http://www.gzt.ru/tourism/2009/03/26/223021.html>

8 Десятка лучших для круизов рек в 2009 году. Режим доступа <http://www.TURIZM.RU>. Обращение к ресурсу 07.07.2009.

9 Costa Crociere, социологическое исследование. Режим доступа <http://www.tourinfo.ru> Обращение к ресурсу 07.09.2009.

10 Ильина, Е. Н. Организация водных путешествий / Е. Н. Ильина. М.: РИБ «Турист», 2002. С. 81.

11 Угрюм-река // Турифо. 2009. №28. С. 4.

12 Коваленко, В. В. Дифференциация населения в России и его возможности в потреблении туристских услуг / В. В. Коваленко // Вестник НАТ. 2008. №2. С. 27.

* Теплоход «Александр Невский» был построен в 1957 г. на верфи в ГДР. Российский речной круизный флот постройки 1950-80-

х годов находится в диапазоне комфортабельности 2-3 звезды, что в настоящее время является достаточно низким уровнем комфорта.

** Книга отзывов и предложений теплохода «Александр Невский» зарегистрирована 30.04.2009 г. в ООО «Круиз» Красноармейского района г. Волгограда.

* Интервью. И2: здесь и далее буквенно-цифровое обозначение отсылает к порядковому номеру интервью. Характеристики информантов даны в приложении 1.

13 Бауман, З. От паломника к туристу / З. Бауман // Социологический журнал. 1995. №4. С. 142.

14 Game, A. Ibid. P. 48.

15 Урри, Дж. Указ соч. С. 148.

16 Game, A. Ibid. P. 57.

17 Бауман, З. От паломника к туристу / З. Бауман // Социологический журнал. 1995. №4. С. 140.

18 Урри, Дж. Социология за пределами обществ. Мобильности двадцать первого столетия / Кимилев Ю. А. Рефераты // Социологическое обозрение. 2001. Т. 1. № 1. С. 27.

19 Бауман, З. От паломника к туристу / З. Бауман // Социологический журнал. 1995. №4. С. 142.

20 Семин, А. Речной круизный флот: современность и перспективы / А. Семин. Режим доступа <http://www.newsletter.infoflot.ru/> Обращение к ресурсу 17.09.2009.

21 Глобализация и туризм. Интервью с В. А. Квартальновым. Режим доступа <http://www.zavtra.ru/cgi/veil/data/zavtra/01/408/72.html> Обращение к ресурсу 12.11.2007.

22 Бауман, З. От паломника к туристу / З. Бауман // Социологический журнал. 1995. №4. С. 148.

Сегментация рынка по мотивам потребительского выбора

Митяева О.А.

Анализ мотивационного профиля потребителя – методика анализа потребительских мотивов и предпочтений посредством выявления важнейших характеристик потребителя, оказывающих влияние на потребительский выбор, и степени влияния каждой из них. Методика может быть использована для совершенствования маркетинговой стратегии путем выявления направлений совершенствования самого продукта и планирования эффективных корректирующих маркетинговых мероприятий.

Ключевые слова: сегментация рынка, потребительский выбор, мотивационный профиль потребителя, маркетинговые исследования, квотированная выборка, маркетинговая стратегия, кластерный анализ, структура потребителей, статистический анализ.

Mityaeva OA Segmentation of market on the motives of the consumer selection

Motivational research of the consumer profile - the policy of the consumer motivational analysis and preferences by the means of the ascertainment of the important consumer characteristics, exerting influence on the consumer choice, and the influence rate of each of them. The research can be used for the marketing strategy betterment by the force of the directional detection of the perfection of the product itself and the planning of the efficient updating marketing efforts.

Key words: market segmentation, consumer choice, motivational consumer profile, marketing research, quotas selection, marketing strategy, cluster analysis, customer mix, statistical analysis.

Структура потребителей большинства товаров и услуг часто крайне неоднородна. Соответственно и ожидания потенциальных клиентов значительно разнятся. Кроме того, состав покупателей товара динамично меняется под воздействием множества факторов внешней и внутренней среды.

При формировании потребительских предпочтений человека отдельные его характеристики имеют доминирующее значение. Именно они, в конечном счете, формируют мотивы потребительского выбора. Если объединить потребителей в группы по сходству их потребительской мотивации, то мы получим сегменты рынка – группы потребителей, которые практически одинаково относятся к выбору данного товара (услуги). В этом и заключается сущность разработанного автором метода сегментации рынка на основе анализа мотивационного профиля потребителей.

Профиль потребителя включает в себя подробное описание характеристик пользователя, существенных в контексте его взаимодействия с компанией. Сюда мож-

но отнести цели пользователя, его социальные характеристики (пол, возраст, образование, профессия и т.п.), характерные для него модели поведения, навыки пользователя и т.д. Другими словами, все то, что окажет впоследствии значимое влияние на предпочтения пользователя в услугах компании.

Таким образом, процессу сегментации должны предшествовать следующие этапы:

- выявление характеристик потребителя, оказывающих влияние на мотивы потребительского выбора;
- определение наиболее значимых из них;
- выявление зависимости мотивов потребительского выбора от основных характеристик.

Для сбора информации о пользователях (потребителях) могут быть использованы различные методы: как качественные (например, проведение интервью), так и количественные (в частности, анкетирование). Собранные таким образом данные подвергаются многостороннему статистическому анализу.

Итогом проведения сегментации должно стать:

1. определение усредненной значимости критериев потребительского выбора для каждого сегмента рынка,
2. выявление целевых сегментов, характеризующихся определенным набором мотивов потребительского выбора.

Рассмотрим последовательность проведения сегментации на основе анализа мотивационного профиля потребителя на примере сегментации потребителей услуг сотовой связи Тульской области.

Исследование осуществлялось в форме очного анкетирования. Преимущество такой формы проведения первичных маркетинговых исследований заключается в личном

контакте между интервьюером и респондентами. При этом существует возможность объяснения целей опроса и подробного разъяснения формулировок вопросов, если они не понятны респонденту.

Следует подчеркнуть важность подготовительного этапа исследования, который включает в себя, в частности, процедуру обоснования размера выборки и выбора метода формирования выборочной совокупности. От правильной организации подготовительного этапа зависят полученные результаты и жизнеспособность выводов данного исследования.

Формирование выборки осуществлялось в следующей последовательности:

- определение целевой аудитории;
- определение основы выборки;
- выбор процедуры формирования выборки;
- определение релевантного размера выборки;
- получение информации от респондентов;
- подготовка информации для целей принятия решений.

В качестве целевой аудитории исследования выступает население Тульской области в возрасте от 15 лет и старше. Численность целевой группы по данным ГКС на 01.05.2010 года составила 1350,9 тыс. человек.

Анкетирование проводилось в учебных заведениях города Тулы, организациях различных сфер деятельности.

Важным условием формирования достоверной информации об объекте в целом (генеральной совокупности) является выбор характера выборки, максимально точно соответствующего целям и задачам исследования. Главное требование к выборочной совокупности - это репрезентативность.

Таблица 1
Распределение целевой совокупности по возрастным группам (по данным Госкомстата на 1.01.2010г.)

№ групп потребителей	Возраст	Все население		Мужчины		Женщины	
		тыс. чел.	доля, %	тыс. чел.	доля, %	тыс. чел.	доля, %
1	15-19	88,3	6,54%	45,1	7,58%	43,2	5,72%
2	20-24	121,5	8,99%	61,8	10,38%	59,7	7,90%
3	25-29	117,3	8,68%	59,9	10,07%	57,4	7,59%
4	30-34	111,9	8,28%	55,9	9,39%	56	7,41%
5	35-39	107,1	7,93%	52,9	8,89%	54,2	7,17%
6	40-44	96,9	7,17%	46,5	7,81%	50,4	6,67%
7	45-49	121,7	9,01%	56,5	9,49%	65,2	8,63%
8	50-54	129,6	9,59%	57,3	9,63%	72,3	9,57%
9	55-59	118,4	8,76%	49,7	8,35%	68,7	9,09%
10	60-64	74,5	5,51%	29	4,87%	45,5	6,02%
11	65-69	75,3	5,57%	25,2	4,23%	50,1	6,63%
12	70 и более	188,4	13,95%	55,3	9,29%	133,1	17,61%
Итого		1350,9	100,00%	595,1	100,00%	755,8	100,00

Таблица 2
Распределение населения Тульской области по величине среднедушевых месячных доходов на 1.01.2010 г.

№ групп потребителей	Среднедушевые месячные доходы, руб.	Количество людей, тыс. чел.	Квота в общей численности населения, %
1	до 1500	3,08	0,2
2	1500-2500	23,11	1,5
3	2500-3500	53,91	3,5
4	3500-4500	78,56	5,1
5	4500-6000	147,88	9,6
6	6000-8000	209,49	13,6
7	8000-12000	355,83	23,1
8	свыше 12000	668,53	43,4
Итого		1540,4	100

Для проведения исследования абонентов сотовой связи была выбрана схема квотированной бесповторной выборки [4, с. 163].

Среди недостатков данного способа выборки можно отметить:

1. Сложность выполнения квот по всем выделенным параметрам.

2. Невозможность получения представительных результатов в случае формирования квотной выборки путем отбора отдельных категорий потребителей.

3. Необходимость разработки обоснованной схемы проведения отбора. Эти замечания должны быть учтены при формировании выборки и анализе полученных

результатов исследования.

Квотированная выборка осуществлялась в разрезе трех основных параметров: пол, возраст, среднедушевой доход. Такое сочетание хотя и связано с дополнительными сложностями при организации опроса, но обеспечивает высокую репрезентативность исследования.

Для большей детализации результатов можно использовать расширенный перечень критериев, включающий наряду с выше названными, такие характеристики, как уровень образования, семейное положение, род занятий и т.д.

Таблица 3

Распределение респондентов по полу, возрасту, и среднему доходу

Примечание: сайты официальной статистики Тульской области не дают информации о распределении населения с доходами выше 12000 рублей, поэтому нами использовано допущение о кратном распределении на группы в соответствии с пропорциями 3:2:1.

Группа потребителей	Квота потребителей по группам, %	
	мужчины	женщины
Возраст, лет		
15-19	7,58%	5,72%
20-24	10,38%	7,90%
25-29	10,07%	7,59%
30-34	9,39%	7,41%
35-39	8,89%	7,17%
40-44	7,81%	6,67%
45-49	9,49%	8,63%
50-54	9,63%	9,57%
55-59	8,35%	9,09%
60 и более	18,39%	30,26%
Среднедушевой доход, руб.		
до 6000	19,9%	
6000-8000	13,6%	
8000-12000	23,1%	
12000-15000	21,7%	
15000-20000	14,5%	
свыше 20000	7,2%	

Для обеспечения репрезентативности выборка формировалась в соответствии со структурой генеральной совокупности. В частности в табл. 1 представлена половозрастная структура населения Тульской области в возрасте от 15 лет и старше.

Группы 10-12 в связи с несущественностью разницы мотивов между респондентами данных возрастных групп были объединены в одну.

В табл. 2 приведено распределение населения Тульской области по среднедушевым месячным доходам.

Из табл. 2 видно, что группа потребителей с доходами свыше 12000 руб. в месяц составляет наибольшую квоту. Поэтому целесообразно данную группу потребителей разбить на несколько групп. Кроме того, по нашему мнению, первые пять групп потребителей

имеют очень схожие мотивы покупки и предпочтения, в связи с чем их можно объединить в одну.

Таким образом, была выявлена следующая структура выборочной совокупности (табл. 3).

Вопрос об оптимальной численности выборки имеет важное практическое значение. Повышение размера выборки увеличивает объем исследовательской работы и вызывает дополнительные расходы материальных средств. С другой стороны, если в выборку взять недостаточное количество элементов, то результаты исследования могут содержать большие погрешности. Все это необходимо учитывать при организации выборочно-го обследования. [2, с. 194].

Определение необходимой численности выборки основывается на формуле предельной ошибки выборки:

$$\Delta = t \times \mu,$$

где t – коэффициент кратности средней ошибки выборки, который зависит от вероятности, с которой гарантируется величина предельной ошибки выборки,

μ – средняя ошибка выборки.

Множитель t – определяется в зависимости от того, с какой доверительной вероятностью надо гарантировать результаты выборочного исследования. В практике маркетинговых исследований чаще всего используют значение t равное 2, при котором обеспечивается уровень доверительной вероятности 95,45%.

Расчет предельной ошибки выборки при бесповторном отборе можно записать в виде следующих формул:

1. для доли альтернативного признака:

$$\Delta_w = t \cdot \sqrt{\frac{w(1-w)}{n} \cdot \left(1 - \frac{n}{N}\right)}$$

2. для средней величины количественного признака

$$\Delta_x = t \cdot \sqrt{\frac{\sigma_x^2}{n} \cdot \left(1 - \frac{n}{N}\right)}$$

При этом следует иметь в виду, что при сравнительно небольшом проценте единиц, взятых в выборку (до 5%), множитель $\left(1 - \frac{n}{N}\right)$ близок к единице. Поэтому на практике при расчете величины предельной ошибки выборки (при бесповторном отборе) множитель

$\left(1 - \frac{n}{N}\right)$ можно опустить, и расчет производится по формулам повторного отбора. [2, с. 188]:

1. для доли альтернативного признака:

$$\Delta_w = t \cdot \sqrt{\frac{w(1-w)}{n}}$$

2. для средней величины количественного признака

$$\Delta_x = t \cdot \sqrt{\frac{\sigma_x^2}{n}}$$

По этим формулам и может быть определена необходимая численность выборки. В частности, применительно к формуле средней величины количественного признака:

$$n_x = \frac{t^2 \cdot \sigma_x^2}{\Delta_x^2}$$

где n – число респондентов, которые следует отобрать для исследования (опроса);

t – коэффициент доверия;

σ^2 – выборочная дисперсия;

Δ – предельная (задаваемая) ошибка выборки.

Так как проводимый опрос не ограничивался одним вопросом в анкете, то теоретически необходимо рассчитывать объем выборочной совокупности для каждого из них. Однако на практике часто это не имеет никакого смысла. Достаточно ограничиться несколькими наиболее репрезентативными вопросами с максимальным уровнем ожидаемой дисперсии [1, с. 463].

Расчет необходимого объема выборочной совокупности проводился на примере вопроса относительно важности параметров услуг операторов сотовой связи. В анкете вопрос формулировался следующим образом: «Оцените важность для Вас следующих характеристик при выборе оператора сотовой связи (0 – совсем неважно, 1 – скорее неважно, чем важно, 2 – скорее важно, чем неважно, 3 – очень важно)».

Для определения стандартного отклонения совокупности исполь-

Таблица 4
Количество респондентов по группам

Группа потребителей	Количество респондентов по группам	
	мужчины	женщины
Возраст, лет		
15-19	13	13
20-24	18	18
25-29	18	17
30-34	17	17
35-39	16	16
40-44	14	15
45-49	17	19
50-54	17	21
55-59	15	20
60 и более	32	68
	176	224
Среднедушевой доход, руб.		
до 6000	80	
6000-8000	54	
8000-12000	92	
12000-15000	87	
15000-20000	58	
свыше 20000	29	

зован метод «наихудшего сценария» [1, с. 461], который предполагает определение наибольшего значения дисперсии совокупности. В данном случае наибольшее значения дисперсии совокупности будет иметь место в том случае, если половина совокупности даст ответ 0, а другая половина – ответ 3. Тогда дисперсия совокупности составит 2,25.

Расчет объема выборки опрашиваемых респондентов осуществлялся исходя из допустимой погрешности $\Delta = 0,15$, доверительной вероятности $F(t)=95\%$ и стандартного отклонения совокупности равного $\sqrt{2,25} = 1,5$:

$$n_x = \frac{t^2 \cdot \sigma_x^2}{\Delta_x^2} = \frac{4 \cdot 2,25}{0,0225} = 400.$$

Таким образом, размер выборочной совокупности в 400 человек можно считать достаточным для получения результатов с до-

пустимой статистической ошибкой.

С учетом ранее представленной структуры респондентов определим численность выборки по каждой группе респондентов (табл. 4).

Дальнейшая работа с респондентами производилась с учетом данной структуры.

На первом этапе обработки анкет из дальнейшего анализа исключаются анкеты респондентов, не являющихся реальными потребителями услуг данного вида в настоящее время. По мнению автора, включение таких анкет в анализ потребительской мотивации может исказить результаты исследования.

В данном случае, в анализируемую совокупность не вошли респонденты, не являющиеся в настоящее время активными абонентами сотовой связи. В основном это люди более зрелых возрастных групп - старше пятидесяти лет. В табл. 5 приведена зависимость ко-

Таблица 5
Зависимость количества SIM-карт от возраста абонентов

№ п/п	Возрастная группа	Мужчины (N _м)	Женщины (N _ж)
1	15-19	2,08	2,33
2	20-24	2,00	1,56
3	25-29	1,87	1,53
4	30-34	1,60	1,50
5	35-39	1,60	1,42
6	40-44	1,54	1,35
7	45-49	1,37	1,20
8	50-54	0,98	0,92
9	55-59	0,73	0,87
10	60 и более	0,44	0,56

личества SIM-карт от возраста и пола абонентов, т.е. фактически уровень проникновения сотовой связи в Тульской области в исследуемых возрастных группах.

С учетом переноса результатов выборочно исследования на генеральную совокупность путем корректировки на величину предельной ошибки выборки (доверительный интервал для средней величины количественного признака:

$\bar{x} = \tilde{x} \pm \Delta_x$, где Δ_x - величина предельной ошибки выборки) и того факта, что в анкетировании не участвовали возрастные группы до 15 лет полученные результаты не противоречат данным официальной статистики за рассматриваемый период.

На следующем этапе исследования выявляются наиболее значимые характеристики потребителя, оказывающие наиболее сильное влияние на потребительский выбор. С этой целью рекомендуется использовать статистические методы проверки гипотез.

Рассмотрим данную процедуру на конкретном примере.

В табл. 6 и на рис. 1 представлена зависимость среднего срока пользования услугами оператора от пола и возраста абонентов.

Для подтверждения влияния факторов на важную для исследователя характеристику, а также выявления силы данного влияния может быть рекомендовано использование статистических методов проверки гипотез и инструментов корреляционно-регрессионного анализа.

В частности, для подтверждения влияния вышеперечисленных факторов на средний срок пользования SIM-картой в качестве наиболее адекватных статистических методов проверки гипотез были избраны: для фактора «Пол» - Т-критерий Стьюдента, (т.к. шкалы фактора и отклика в данном случае различны: фактор «Пол» имеет двухуровневую номинальную шкалу, отклик «Срок пользования» - количественную шкалу нормального распределения); для фактора «Возраст» - коэффициент корреляции Пирсона, т.к. шкалы фактора и отклика одинаковые - количественные нормального распределения.

Не останавливаясь подробно на процедуре расчета данных показателей, вследствие многовариантности статистических методик и необходимости подбора соответствующего варианта в каждом конкретном случае, обозначим толь-

Таблица 6
Зависимость срока пользования SIM-картой (в годах) от возраста

№ п/п	Возрастная группа	Мужчины	Женщины
1	15-19	2,08	2,25
2	20-24	3,34	3,46
3	25-29	4,82	4,58
4	30-34	7,54	6,08
5	35-39	7,83	6,75
6	40-44	7,26	7,08
7	45-49	6,00	3,75
8	50-54	5,58	4,83
9	55-59	4,37	4,17
10	60 и более	2,10	2,00

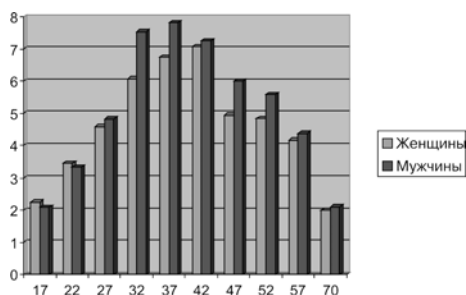

Рис. 1. Зависимость срока пользования (в годах) от возраста

ко конечный результат. Связь между вышеназванными факторами была установлена. Т.о. статистическим путем было подтверждено мнение экспертов относительно важности данных критериев.

По аналогичной схеме можно проводить анализ влияния любого другого фактора (уровня доходов, семейного положения, образования, рода деятельности и т.д.) на любую значимую для оператора выходную характеристику, например, величину среднемесячных расходов абонентов на сотовую связь.

После выявления наиболее важных характеристик потребителя переходим к анализу мотивов потребительского выбора.

С целью выявления мотивов выбора поставщика услуг сотовой

связи респондентам было предложено назвать наиболее существенные, на их взгляд, характеристики сотовой связи, оценив их по шкале от 0 до 3 (0 – совсем неважно, 1 – скорее неважно, чем важно, 2 – скорее важно, чем неважно, 3 – очень важно).

Следует подчеркнуть, что при проведении подобного анализа существует опасность искажения конечных результатов, связанного с ошибками при расчете среднего балла. Ошибка при расчете среднего значения ранжированного признака объясняется особенностями порядковых шкал, используемых в данном случае. Расстояние между градациями в такой шкале может быть различным. Для увеличения точности результатов вопрос был сформулирован таким образом, чтобы дать возможность респонденту:

1. использовать не все значения порядковой шкалы,

2. ставить одинаковое количество баллов разным критериям.

Полученные в ходе анкетирования данные анализировались в разрезе наиболее важных характеристик потребителя, выявленных на предыдущих этапах. В частности в таблице 7 приведена зависимость весомостей критериев

Таблица 7

Зависимость весомостей критериев выбора оператора сотовой связи от возраста

Примечание: 1 – стоимость, 2 - качество связи, 3 - наличие и качество дополнительных услуг (SMS, MMS, Интернет, электронная почта и т.д.), 4 - доступность пунктов продаж и пунктов приема платежей, 5 - качество абонентского обслуживания

№ п/п	Возрастная группа, лет	Мужчины (N _м)					Женщины (N _ж)				
		1	2	3	4	5	1	2	3	4	5
1	15-19	2,0	2,75	2,25	2,5	2,0	3,0	2,67	2,0	2,33	1,67
2	20-24	2,6	2,8	1,6	2,6	2,8	2,83	2,78	1,5	2,0	2,44
3	25-29	2,2	2,8	1,0	1,8	2,2	2,33	2,67	1,33	1,83	2,33
4	30-34	2,4	2,6	0,8	2,0	1,8	2,75	3,0	1,25	2,0	2,0
5	35-39	2,5	2,5	0,8	2,0	1,75	2,17	2,5	1,0	2,0	2,83
6	40-44	2,3	2,7	1,0	2,5	2,0	3,0	3,0	1,0	2,5	3,0
7	45-49	2,0	2,9	1,0	2,45	2,0	2,4	2,6	1,4	2,4	2,4
8	50-54	1,98	2,9	1,0	2,0	2,0	2,4	3,0	0,6	2,2	2,0
9	55-59	1,8	2,95	0,8	1,9	2,1	2,8	3,0	1,2	2,6	2,0
10	60 и более	1,7	2,7	0,3	1,9	2,15	3,0	3,0	0,5	2,5	2,0

выбора оператора сотовой связи от пола и возраста.

Аналогичным образом может быть представлена зависимость мотивов потребительского выбора и от других характеристик потребителя. Однако проанализировать полученные результаты в табличной форме крайне сложно, поэтому целесообразным является обобщение и систематизация полученных результатов путем проведения сегментации потребителей.

Предлагаемый автором подход базируется на методике кластерного анализа.

Цель кластерного анализа – классификация объектов на относительно гомогенные (однородные) группы (кластеры) исходя из рассматриваемого набора переменных. Объекты в каждом кластере должны быть похожи между собой и отличаться от объектов в других кластерах [5, с. 901].

Рассмотрим основные этапы проведения сегментации более подробно.

Начальным этапом процесса сегментации выступает этап формулирования проблемы, центральным вопросом которого является выбор переменных, на основе ко-

торых будет проведена кластеризация данных.

В нашем случае в качестве переменных кластеризации выступают критерии выбора поставщика услуг сотовой связи (мотивы потребительского выбора).

Введем следующие обозначения:

n – количество оцениваемых критериев конкурентоспособности услуг (в данном случае $n = 5$):

V_1 – стоимость услуг,

V_2 – качество связи,

V_3 – наличие и качество дополнительных услуг (SMS, MMS, Интернет, электронная почта и т.д.),

V_4 – доступность пунктов продаж и пунктов приема платежей,

V_5 – качество абонентского обслуживания;

m – количество респондентов, являющихся активными пользователями услуг операторов сотовой связи в настоящее время. (Напомним, что респонденты, не являющиеся активными абонентами сотовой связи не вошли в анализируемую совокупность. Вследствие этого размер выборочной совокупности сократился с 400 до 341 человека. Т.о., $m = 341$),

Таблица 8
Таблица исходных данных кластеризации

Респондент	Критерий конкурентоспособности				
	V_1	V_2	V_3	V_4	V_5
1	i_{11}	i_{12}	i_{13}	i_{14}	i_{15}
2	i_{21}	i_{22}	i_{23}	i_{24}	i_{25}
.....
m	i_{m1}	i_{m2}	i_{m3}	i_{m4}	i_{m5}

i_{ij} - значимость i -го критерия для j -го респондента, где $i = 1, \dots, n$, $j = 1, \dots, m$

Данные, полученные от респондентов, оформляются в виде таблицы исходных данных кластеризации потребителей. Общий вид таблицы представлен ниже (табл. 8).

Следующим шагом является выбор метода кластеризации и меры расстояния. Эти два элемента процесса кластеризации тесно взаимосвязаны, поэтому решение о выборе меры сходства должно приниматься совместно с решением вопроса о методе кластеризации.

Для сегментации абонентов сотовой связи по мотивам потребительского выбора был применен метод Варда.

Метод Варда – дисперсионный метод иерархической кластеризации, в котором кластеры формируются таким образом, чтобы минимизировать квадраты евклидовых расстояний до кластерных средних [5, с. 912].

Для каждого кластера вычисляют средние всех переменных. Затем для каждого объекта вычисляют квадраты евклидовых расстояний до кластерных средних. Эти квадраты расстояний суммируют для всех объектов. На каждой стадии объединяют два кластера с наименьшим приростом в полной внутрикластерной дисперсии.

Метод Варда был выбран по причине того, что он, как правило, дает наиболее точные результаты по сравнению с другими методами иерархической и неиерархической кластеризации.

Принятие решения о количестве кластеров – важнейший этап процесса кластеризации. При этом процедура кластерного анализа как таковая не может самостоятельно определить оптимальное число кластеров. Она может только подсказать искомое число. Поскольку задача определения оптимального числа сегментов является ключевой, она обычно решается на отдельном этапе анализа [6, с. 141].

В иерархической кластеризации в качестве критерия можно использовать расстояния, при которых объединяют кластеры. В нашем случае из плана агломерации (см. таблицу 9) видно, что значение в колонке «Коэффициент» плавно возрастают от 0 до 311,923 на стадии 332. Значение «Коэффициента» резко возрастает при переходе от стадии 332 к стадии 333. Следовательно – оптимальное решение – это решение о восьми кластерах.

Для проверки правильности решения о количестве кластеров рекомендуется после определения количества кластеров по коэффициентам агломерации провести кластеризацию респондентов по

Таблица 9
План агломерации кластерного анализа (фрагмент)

Стадия	Объединяемые кластеры		Коэффициент (расстояние между объединяемыми кластерами)	Стадия, на которой впервые появился кластер		Следующая стадия
	Кластер 1	Кластер 2		Кластер 1	Кластер 2	
1	330	341	,000	0	0	12
2	209	340	,000	0	0	131
3	265	339	,000	0	0	76
.....
320	8	9	160,389	310	293	329
321	45	93	167,840	302	288	328
322	32	155	175,831	314	291	333
323	3	16	184,510	319	303	335
324	28	67	193,949	249	309	327
325	7	162	203,892	306	287	331
326	18	36	214,957	315	311	335
327	2	28	227,058	292	324	330
328	6	45	239,459	301	321	333
329	8	27	256,541	320	316	338
330	2	14	273,890	327	317	336
331	7	39	292,747	325	300	337
332	1	4	311,923	307	312	334
333	6	32	337,171	328	322	336
334	1	10	365,063	332	318	338
335	3	18	396,860	323	326	337
336	2	6	443,465	330	333	339
337	3	7	494,758	335	331	340
338	1	8	568,369	334	329	339
339	1	2	668,861	338	336	340
340	1	3	917,842	339	337	0

полученному числу кластеров и построить линейное распределение по образованной новой переменной. Таким образом, можно определить, сколько кластеров состоит из статистически значимого количества респондентов (см. табл. 10).

Если все кластеры удовлетворяют критерию практической и статистической значимости численности (как в нашем случае), можно переходить к завершающему этапу кластерного анализа: интерпретации кластеров. Если есть кластеры с незначимым числом составляющих их наблюдений, процедуру повторяют, уста-

навливая меньшее количество кластеров.

Необходимо особо отметить, что критерий практической и статистической значимости численности кластеров не является единственным критерием, по которому можно определить оптимальное число кластеров. Исследователь может самостоятельно, на основании имеющегося у него опыта предложить число кластеров (условие значимости должно удовлетворяться).

Для того чтобы описать полученные сегменты, следует воспользоваться процедурой сравнения средних значений исследуе-

Таблица 10
Линейное распределение для 8-кластерного решения

Кластер	Частота	Процент	Накопленный процент
1	39	11,4	11,4
2	55	16,1	27,6
3	39	11,4	39,0
4	56	16,4	55,4
5	38	11,1	66,6
6	49	14,4	80,9
7	27	7,9	88,9
8	38	11,1	100,0
ИТОГО	341	100,0	

Таблица 11
Средние значения критериев выявленных кластеров

Сегмент рынка	Критерий конкурентоспособности			
	1	2	n
1	i_{11}	i_{12}	i_{1n}
2	y_{21}	y_{22}	i_{2n}
.....
k	y_{k1}	y_{k2}	i_{kn}

Таблица 12
Средние значения мотивов потребительского выбора для выявленных сегментов

Сегмент рынка	Критерий конкурентоспособности				
	V_1	V_2	V_3	V_4	V_5
1	2,3333	3,0000	0,5897	2,0000	2,5385
2	2,8727	2,8545	1,0545	2,0909	1,2909
3	3,0000	3,0000	2,3333	2,4872	3,0000
4	2,7857	2,2143	0,4464	1,1786	1,5357
5	3,0000	2,6316	2,5526	1,9474	1,7368
6	2,8571	2,4694	0,9796	2,8776	2,4694
7	2,2593	2,8148	0,6296	0,7778	3,0000
8	1,7895	2,9211	2,3947	2,6316	2,6053
ИТОГО	2,6540	2,7067	1,3196	2,0293	2,1701

мых переменных - кластерных центроидов (см. табл. 11).

Введем обозначения:

K - количество выявленных сегментов рынка,

y_{ik} - усредненная оценка значимости i -го критерия для k -го сегмента рынка, где $i = 1, \dots, n$, $k = 1, \dots, k$

Сравним средние значения пяти рассматриваемых критериев сегментирования в каждом из восьми

полученных кластеров (см. табл. 12).

Из табл.12 видно, что только для сегмента 8 стоимость услуг не является значимым параметром потребительского выбора. Иными словами, только 11% абонентов сотовой связи Тульской области нечувствительны к цене. Представители данного сегмента отдают предпочтение высокому уровню качества связи и сервисного обслуживания, для них важно наличие и качество

дополнительных услуг и они совсем не против за все это платить.

Сегменты 1 и 7 также характеризуются заниженной требовательностью к параметру стоимости услуг. Однако в данном случае их «нетребовательность» весьма относительна, т.к. большинство респондентов, попавших в эти сегменты оценили критерий V_1 на 2 балла, т.е. как критерий, который «скорее важен, чем неважен». Кластер 7 отличается от кластера 1 более высоким уровнем требований к качеству сервисного обслуживания и нечувствительность к количеству пунктов продаж. При этом для обоих сегментов дополнительные услуги не важны и не играют значительной роли при выборе поставщика услуг сотовой связи.

Следует отметить, что параметр V_3 - наличие и качество дополнительных услуг вообще характеризуется самыми низкими значениями усредненной значимости. Дополнительные услуги в рамках проведенной кластеризации оказались важным параметром только для сегментов 3, 5 и 8.

Сегмент 3 (11,4% респондентов) можно назвать сегментом «завышенной требовательности». Представители этого кластера назвали крайне важными (оценили на 3 балла) все или почти все представленные в перечне критерии.

Сегмент 5 крайне чувствителен к цене и качеству услуг, и совсем не значимыми для него являются параметры V_4 и V_5 .

Кластер 2 имеет относительно высокие значения по критериям V_1 и V_2 , и низкие значения по всем остальным критериям. Т.о. адекватное соотношение «цена-качество» - это единственное, что интересует представителей данной группы.

Сегмент 4 характеризуется заниженными требованиями ко всем параметрам кроме V_1 .

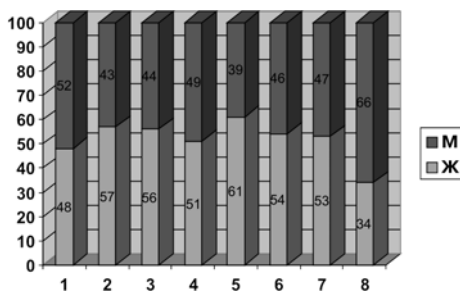

Рис. 2. Структура сегментов по полу

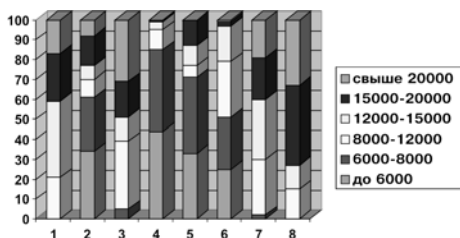

Рис. 3. Структура сегментов по среднедушевым месячным доходам

Кластер 6 - это абоненты чувствительные к цене, для которых не нужны дополнительные услуги. Значимость V_2 для этого сегмента ниже среднего уровня, V_4 и V_5 - на уровне средней по всей выборке.

Для формирования более четкого представления о результатах кластеризации имеет смысл профилировать кластеры через переменные, которые не были основанием для кластеризации. В качестве этих переменных могут быть рекомендованы социально-демографические, психографические и другие характеристики абонентов. Например, на рис. 3-4 представлена структура полученных сегментов по полу и доходам.

Табл. 12, дополненная анализом важнейших социально-демографических, психографических и других характеристик потребителя, является наглядным отображением методики сегментации на основе анализа мотивационного профиля потребителей.

Литература

1. Аакер Д., Кумар В., Дэй Дж. Маркетинговые исследования [Текст] / Аакер Д., Кумар В., Дэй Дж. – СПб. : Питер, 2004. – 848 с.
2. Башина О.Э. Общая теория статистики: статистическая методология в изучении коммерческой деятельности [Текст] / Башина О.Э., Спиринов А.А. – М. : Финансы и статистика, 2002. – 440 с.
3. Гмурман В.Е. Теория вероятностей и математическая статистика [Текст] / В.Е. Гмурман. – М. : Высшая школа, 2002. – 479 с.
4. Елисеева И.И. Общая теория статистики [Текст] / И.И. Елисеева. – М. : Финансы и статистика, 2000. – 480 с.
5. Малхотра, Нэреш К. Маркетинговые исследования. Практическое руководство [Текст] / Нэреш К. Малхотра. – М. : ООО «ИД Вильямс», 2007. – 1200 с.
6. Таганов Д.Н. Статистический анализ в маркетинговых исследованиях [Текст] / Д. Н. Таганов. – СПб. : Питер, 2002.- 192 с.
7. Черчилль, Гильберт А. Маркетинговые исследования [Текст] / Гильберт А. Черчилль. – СПб. : Питер, 2001. – 752 с.

Модернизация социальной структуры белорусского и российского обществ

Соколова Г. Н.

Анализируются проблемы модернизации социальной структуры белорусского и российского обществ в условиях перехода к новому технологическому укладу. По результатам социологического исследования делается вывод, что «стратегия инновационно-технологического порыва», разработанная в формате ограниченного модернизационного эксперимента, проблематична в технологическом и социальном контекстах. Суть технологической проблемы в несовместимости нынешнего и новых технологических укладов. Суть социальной проблемы в отсутствии инновационной восприимчивости у представителей массовых профессий, связанных с традиционными отраслями экономики.

Ключевые слова: модернизация, социальная структура, технологический уклад, белорусское общество, российское общество, модернизационный проект, инновационная стратегия

Sokolova G. N.

Modernisation of Social Structure of Belarusian and Russian Societies

The problems of modernisation of social structure of Belarusian and Russian societies under the conditions of transit to new technological way are analyzed. The results of sociological research enable to make a conclusion that «strategy of innovative-technological impulse», developed in the format of limited modernisation experiment, has problematical character in technological and social contexts. An essence of the technological problem consists in incompatibility of the present and new technological ways. An essence of the social problem consists in absence of innovative susceptibility which must be peculiar to representatives of the mass trades connected with traditional branches of economy.

Key words: modernization, social structure, technological way, Belarusian society, Russian society, modernization project, innovative strategy

Об идее модернизации можно говорить, по крайней мере, в трех смыслах. В первом, наиболее общем смысле, модернизация — это синоним всех прогрессивных изменений, когда общество движется вперед соответственно принятой шкале улучшений. Второй смысл, который вкладывается в данное понятие, тождественен понятию «современности», т.е. комплексу экономических, социальных, политических и культурных трансформаций, происходивших на Западе с XVI в. и достигших своего апогея в XIX–XX вв. Есть еще одно, специфическое значение термина «модернизация», относящееся к развивающимся странам и описывающее их усилия, направленные на то чтобы догнать ведущие, наиболее развитые страны, которые существуют с ними в одном историческом времени, в рамках единого глобального пространства. В этом случае, понятие «модернизация» описывает движение от периферии к центру современного общества и определяется как «догоняющая модернизация».

Анализируя проблему модернизации, широко обсуждаемую в

России, российский социолог О.Н. Яницкий обращает внимание на то, что современной постановке вопроса модернизации в российском дискурсе недостает системности и последовательности. Он выстраивает свою логику анализа этой проблемы в жанре свободной дискуссии, рассматривая (применительно к России): «стартовые возможности» российского государства; его активы и пассивы; коридор возможностей модернизации [1, с. 136-145]. Сам порядок обсуждения модернизационных процессов уже требует размышлений. Попробуем реализовать предложенную модель модернизации, в ключе сравнительного анализа Беларуси и России, с позиций экономического социолога, с выделением характерных для этой дисциплины технологических и социальных проблем разрывывания модернизационных процессов.

Различают два типа модернизации – органическую и неорганическую. Первичная, органическая модернизация проходила в тех странах, которые были новаторами на этом пути, и разворачивалась благодаря внутренним факторам, в частности, коренным изменениям в сфере культуры, ментальности, мировоззрения. Ее становление связывают с появлением национальных централизованных государств, зарождением буржуазных отношений, в частности капиталистической кооперации и мануфактуры, формированием раннемодерных наций, а подъем – с первой промышленной революцией, разрушением традиционных наследственных привилегий и внедрением равных гражданских прав, демократизацией, становлением национальных суверенных государств.

Вторичная, неорганическая модернизация происходит как от-

вет на внешний вызов со стороны более развитых государств и осуществляется преимущественно под влиянием заимствования чужих технологий и форм организации производства и общества, приглашения специалистов, обучения кадров за рубежом, привлечения инвестиций. Ее основной механизм – имитационные процессы. Начинается она не в сфере культуры, а в сфере экономики и/или политики и в этом случае определяется как «догоняющая» модернизация или «модернизация с опозданием». В рамках парадигмы «вызов-ответ», такая модернизация представляет собой своеобразный «вызов», на который каждое общество дает свой «ответ» в соответствии с принципами, структурами и символами, заложенными в достижениях его длительного развития. Поэтому итогом такой модернизации является не обязательно усвоение социальных достижений Запада, но совокупность качественных изменений традиционного общества, в той или иной степени адаптированных к постиндустриальному производству.

В целом, модернизация рассматривается как процесс позитивных изменений государства и общества, основанный на экономических, политических и культурных инновациях и ведущий, в конечном счете, к смене типа его экономической и социальной структуры, политической организации, повышению благосостояния всех слоев населения, развитию культуры, науки и техники и сбережению природы. Модернизация имманентно присуща процессам мирового экономического развития, поэтому актуализируются вопросы: в какой точке процесса мировой модернизации находятся Беларусь и Россия? Каковы активы и пассивы этих стран? И

наконец, каков «коридор экономических и социальных возможностей» модернизации в Беларуси и России?

Место нахождения в процессе мировой модернизации (стартовые позиции) определяется тем, что как Беларусь, так и Россия сегодня – страны с незавершенной индустриализацией, обремененные наследием распада советской системы. Если США и ЕС находятся в фазе перехода от пятой к шестой форме модернизации (т.е., от информационной к биотехнологической), то Беларусь и Россия пребывают в незаконченной четвертой (индустриальной) фазе. Каждый технико-технологический этап модернизации имеет свой потенциал и предел эксплуатации как в экономическом, так и в социальном плане. Затягивание перехода к новому укладу, откладывание процессов модернизации имеет не только экономические последствия, как может показаться на первый взгляд, но и социальные. Так, в Беларуси (как и в России) затягивались процессы модернизации, имеющиеся у экономики ресурсы шли на поднятие заработной платы работников, хотя это не было обусловлено ростом производительности труда и эффективности производства. Основные промышленно-производственные фонды предприятий устаревали (износ оборудования доходил до 80%), технологии и продукция теряли конкурентоспособность на мировых рынках, что обусловило ряд кризисных явлений и в экономике (девальвацию рубля, инфляцию, закрытие ряда предприятий в сфере малого бизнеса, неполную занятость и т.д.), и в социальной сфере (снижение уровня жизни и обеднение средних слоев, резкое падение индекса социального оптимизма и т.д.).

В основе каждого нового этапа модернизации лежат технологические, организационные, управленческие и социальные инновации. Введение этих инноваций связано с разрешением ряда технологических и социальных проблем. Суть технологической проблемы для постсоветских стран состоит в том, что третий и четвертый технологические уклады представляют собой принципиально иной тип производства, нежели пятый и шестой, и связаны практически полностью с механизированным трудом. Так, в промышленности Республики Беларусь (как и в Российской Федерации) до 1/3 всего труда составляет ручной труд, 1/5 – ручной труд с механическими инструментами, 1/3 – машинный труд и лишь 1/10 – полуавтоматизированный и автоматизированный труд. Встраивание новых технологических цепочек в устаревшие технико-технологические структуры наталкивается на проблему совместимости традиционных и инновационных технологий. Устаревшие технологические системы (третьего и четвертого технологических укладов) зачастую непригодны для новых высокотехнологичных производств и требуют не просто модернизации-обновления, а своего свертывания и значительных финансово-инвестиционных затрат.

По оценке американского экономиста и социолога Дж. Ю. Стиглица, переход, стартовавший в начале 1990-х годов таил в себе как великие вызовы, так и великие возможности. России необходимо было одновременно осуществлять перераспределение ресурсов и заново создавать системы рыночных институтов. В России имелись институты, которые назывались так же, как и на Западе, но это не значит, что они осу-

ществляли те же самые функции. В России были банки, и эти банки хранили сбережения, но они не принимали решений о том, кому нужно дать кредиты; на них не ложилась ответственность за мониторинг и обеспечение того, чтобы кредиты были возвращены. Они вместо этого просто предоставляли «фонды» так, как им это диктовал Госплан. В России имелись фирмы и предприятия, производившие товары, но не предприятия принимали решения; они производили то, что им было приказано производить, а ресурсы (сырье, материалы, труд, оборудование) получали по распределению. Главной сферой деятельности предпринимателей было нахождение путей обхода проблем, которые ставило перед ними правительство. Обход законов, а то и их прямое нарушение стали частью образа жизни. Как и в рыночной экономике, в советской системе существовали цены, но цены устанавливались распоряжением правительства, а не рынком [2, 170-171].

Несоразмерность активов и пассивов (в пользу последних) Беларуси и России как постсоветских государств определяется тем, что «догоняющая» модернизация в них связана с неизбежными социальными издержками. Активы Беларуси и России состоят в следующем: во-первых, это наличие значительного финансового резерва (например, – международные резервы Банков названных стран, неиспользованные средства бюджета и др.), что позволяет наращивать государственный спрос без возникновения значимого дефицита бюджета; во-вторых, общая недоинвестированность экономики, и особенно инфраструктуры, открывающая основные направления применения этого спроса – модер-

низацию инфраструктуры и социальную поддержку; в-третьих, сохранение основного производственного капитала (ресурсной базы) – наиболее важных видов производства (в Беларуси – это машиностроение, тракторостроение, производство ряда видов сложной бытовой техники. В России – электронная, атомная и электротехническая промышленность, станко-, судо- и приборостроение, ракетно-космическая промышленность, химико-металлургический комплекс). Это то, что С.Ю. Глазьев назвал несущими отраслями, сопровождающими развитие основного ядра пятого и шестого технологических укладов (нано- и биотехнологии, клеточные технологии и методы геной инженерии) [3]. Согласно белорусскому экономисту В.Н. Шимову, все эти отрасли нужно поддерживать, путем привлечения внешних ресурсов, но не кредитных, а акционерных, т.е. формируя межгосударственные и транснациональные корпорации [4, с. 10]. К активам можно отнести наличие квалифицированной рабочей силы, занятой в несущих производствах. Одним из важнейших активов в постсоветских странах выступает роль государства как субъекта модернизации в определении и регулировании модели социально-экономического развития.

Что можно отнести к пассивам, определяемым как социальные проблемы, требующие своего решения? Произошло реальное ухудшение соотношения социального и экономического компонентов в государственной социальной политике в пользу последнего, что проявляется в процессах имущественного расслоения (что характерно для России). Средний денежный доход 10% наиболее обеспеченных россиян уже в 16,5 раза

больше среднего дохода 10% наименее обеспеченных граждан. С учетом неофициальных доходов это различие достигает 30 и более раз. Группы, которые сложились еще к концу 1990-х годов, фактически законсервировались по размерам, сведя до минимума каналы вертикальной мобильности, что демотивирует трудовую и гражданскую активность значительной части населения. В Беларуси роль демотиватора выполняет уравнительная оплата труда работников, занятых в бюджетной сфере.

Произошло снижение уровня и ухудшение качества жизни населения, особенно в сфере защиты социально уязвимых слоев населения. В частности, качественное здравоохранение и образование все в большей степени становится платным. По оценкам российских экспертов, теневой сектор в здравоохранении не уступает бюджетному и страховому финансированию, а образование стало одной из самых коррумпированных зон. В результате, всего 15-20% населения имеют возможность поддерживать свое здоровье на пристойном уровне, дают свои детям конкурентоспособное образование. Исходя из этого, будущее состояние рабочей силы стран вряд ли способно взять на себя превращение белорусской и российской экономик в высокотехнологичные и наукоемкие.

Суть социальной проблемы состоит в том, что в ходе технико-технологической модернизации происходит свертывание ряда производств и отраслей, а это влечет высвобождение тех групп занятого населения, чей уровень профессионально-квалификационной подготовки устарел, обуславливает рост общей и структурной безработицы, снижение жизненного уровня затронутых модернизаци-

ей слоев и необходимость разработки адекватных мер их социальной защиты, включающих не только выплату пособий, но и помощь в переобучении, поиске работы и трудовой адаптации. Новые этапы модернизации требуют появления новых социально-профессиональных групп, активно участвующих в модернизации и имеющих интерес к этому процессу как источнику повышения интеллектуального уровня и уровня материального благосостояния (предпринимателей, менеджеров, специалистов и рабочих высокой квалификации). По данным Всероссийского мониторинга (2010), «социальную базу модернизации можно оценивать в одну четверть населения. Именно такова доля среднего класса» [5, с. 23]. По данным Республиканского социологического мониторинга в Беларуси, доля среднего класса как агента модернизационных процессов составляет 1/5 часть населения [6, с. 207].

В то же время, основной массив занятого населения (до 80%) в Беларуси (как и в России) составляют представители массовых профессий, связанные с традиционными отраслями экономики и образующие иерархию социально-профессиональных групп, сходных по роду занятий (наемный труд физического и умственного характера), имущественному положению (от среднего до малообеспеченного), объему прав, ограниченному рамками трудовых контрактов, и разделяющих нерыночные ценности в экономике и социальной сфере. Для того чтобы наемные работники были способны воспроизводить новые социальные слои, превратились в эффективных собственников своей рабочей силы, необходима реорганизация как внешних условий, изменяющих положение работников в об-

ществе, так и внутренних условий – преодоления патерналистских стереотипов, нацеленность на постоянное повышение профессионального образования, формирование социальной ответственности за свою жизнедеятельность.

Коридор экономических и социальных возможностей предоставляется обществу каждым новым этапом модернизации, однако то, насколько они будут использованы, определяется готовностью и способностью общества не только внедрять новые научно-технические достижения, но и модернизировать свою социальную структуру: воспроизводить необходимые социально-профессиональные слои, адаптировать систему социальных ценностей и институциональную среду, нивелировать социальные риски и потрясения.

В модернизации социальной структуры белорусского и российского общества есть общее – советское прошлое, связанное с поддержанием полной занятости, развитой системой социальной защиты, обеспечивающей стабильные и низкие цены на базовые товары, равномерное распределение доходов, доступность образования (в том числе высшего) и жилья, защите от малообеспеченности. И есть различия, а именно – различия в стратегиях перехода к рыночной экономике: выбор эволюционной модели развития в Беларуси и проведение «шоковой терапии» в России. И та и другая модель имеет свои преимущества и недостатки, приведшие к различной экономической стратификации общества – одному из основных индикаторов «расширения/сужения» коридора экономических и социальных возможностей.

В Беларуси эволюционная модель способствовала обеспечению

минимальной социальной защищенности всех слоев населения, однако сдерживала технико-технологическую модернизацию, затрудняла формирование новых социально-профессиональных групп, востребованных новыми технологическими укладами. Шоковая терапия в России усилила возможности восходящей мобильности в экономической стратификации, в ходе прохождения стадии «дикого капитализма» позволила определенным слоям накопить первоначальный капитал, который теперь используется на технико-технологическую модернизацию экономики и производства, способствовала более активному появлению принципиально новых слоев (собственники капитала, топ-менеджеры, предприниматели), однако сильно поляризовала общество по критериям имущественного неравенства.

Чтобы не допустить серьезного технологического отставания, процессы модернизации в Беларуси и России ориентируются, начиная с 2000-х годов, на «стратегии инновационно-технологического прорыва», когда инновации выступают как «точки роста» в циклическом процессе общей модернизации, как «качественные скачки», обеспечивающие принципиально новое развитие техники и технологии, переход от одного технологического уклада к другому, более высокому [7 с. 232].

Однако о стратегии прорыва можно говорить при переходе от пятого к шестому технологическому укладу, между которыми существует преемственность; граница между ними лежит в глубине проникновения технологии в структуры материи и масштабах обработки информации. Пятый технологический уклад основан на применении достижений микро-

Таблица 1

Экономическая стратификация белорусского и российского общества по уровню располагаемых ресурсов на члена семьи в соотношении с БПМ, %

Источники: [9, с. 163-166; 10, с. 179].

Страта с уровнем денежных доходов	Беларусь				Россия			
	2000	2004	2006	2010	2000	2004	2006	2010
<i>Итого:</i>	100	100	100	100	100	100	100	100
Нижс БПМ (нижний слой)	41,9	17,8	11,1	5,2	29,0	17,6	15,2	12,8
От 1 до 2 БПМ (средний слой)	43,8	55,4	51,3	30,2	48,4	34,4	30,8	41,3
От 2 до 4 БПМ (выше среднего)	13,3	25,8	31,3	51,1	15,7	30,0	35,2	23,4
Свыше 4 БПМ (верхний слой)	1,0	1,0	6,3	13,5	6,9	18,0	18,8	22,5
Козэффициент дифференциации доходов, в разак	5,8	5,2	5,6	5,9	13,9	15,2	16,0	16,5

электроники в управлении физическими процессами на микронном уровне. Шестой технологический уклад основывается на применении нанотехнологий, оперирующих на уровне одной миллиардной метра, что позволяет изменять молекулярную структуру вещества, проникать в клеточную структуру живых организмов, видоизменяя эти структуры.

Что касается третьего и четвертого технологических укладов, содержащих до 80% производственных ресурсов экономики Беларуси и России, то они принципиально не совместимы ни с пятым, ни, тем более, с шестым технологическим укладом. Вероятность того, что производства устаревшего технологического уклада за счет внедрения инноваций смогут быстро стать определяющими отраслями постиндустриальной экономики весьма проблематична. И в этом состоит основная сложность модернизации промышленности через стратегии инновационных прорывов, разрабатываемых в инновационных центрах, таких как «Парк высоких технологий» в Беларуси и «Сколково» в России.

Анализ состояния и динамики экономической стратификации общества, как индикатора модернизационных процессов, показыва-

ет, чего мы достигли в ходе «догоняющей» модернизации «сверху» за последние десять лет (табл. 1).

Практика социологических исследований свидетельствует, что нижний слой – с доходом ниже БПМ (в Беларуси – 5,2%, в России – 12,8%), обладает низким деятельностным потенциалом и не способен адаптироваться к жестким социально-экономическим условиям переходного периода. Средний слой – с доходом от 1 до 2 БПМ (в Беларуси – 30,2%, в России – 41,3%) объединяет социально-профессиональные группы, которые могут адаптироваться к новой ситуации ценой снижения социального и профессионального статуса. Сюда входят работники массовых профессий сферы услуг, рабочие низкой квалификации, крестьяне и др. Слой – выше среднего – с доходом от 2 до 4 БПМ (в Беларуси – 51,1%, в России – 23,4%), сложился из групп массовой интеллигенции (инженеры, учителя, врачи и др.), служащих, квалифицированных рабочих, частных предпринимателей, среднего звена бюрократии. Представители данного слоя обладают традиционными профессионально-квалификационными навыками и направляют основные усилия не на преобразование социальной реальности, а на адаптацию к ней и,

Таблица 2
 Распределение общего объема располагаемых ресурсов населения Республики Беларусь и Российской Федерации, %
 Источники: [9, с. 168; 10, с. 196-199].

	Беларусь					Россия				
	2000	2002	2004	2006	2010	2000	2002	2004	2006	2010
Располагаемые ресурсы, всего	100	100	100	100	100	100	100	100	100	100
<i>в том числе по квинтильным (20-процентным) группам населения:</i>										
Первая наименьшими ресурсами) (с	9,3	9,3	9,9	9,5	9,4	5,9	5,7	5,4	5,3	5,2
Вторая	13,7	13,7	14,1	14,0	13,9	10,4	10,4	10,1	9,9	9,8
Третья	17,5	17,4	17,7	17,7	17,5	15,1	15,4	15,1	14,9	14,8
Четвертая	22,5	22,3	22,3	22,3	22,5	21,9	22,7	22,7	22,6	22,5
Пятая наибольшими ресурсами) (с	37,0	37,3	36,0	36,5	36,7	46,7	45,8	46,7	47,3	47,7
Индекс Джини	0,270	0,272	0,256	0,262	0,268	0,395	0,397	0,409	0,416	0,420

зачастую, на поиск путей выживания [8, с. 311-314].

Сравнительный анализ экономической стратификации белорусского и российского обществ (по уровню среднедушевых денежных доходов) свидетельствует, что динамика в направлении уменьшения нижнего слоя, некоторого уменьшения среднего, увеличения слоя «выше среднего» не меняет принципиальной ситуации: доля населения, не имеющего прямого влияния на ход модернизационных процессов, достигала в 2010 году в Беларуси – 86,5%, в России – 77,5% (в 2000 г. – 99,0 и 93,1% соответственно).

Вместе с тем, формы и способы адаптационного поведения социальных слоев оказывают опосредованное влияние на ход процессов модернизации. В одних случаях оно может тормозить эти процессы, в других – ускорять, в третьих – изменять социальную направленность институциональных сдвигов, по сравнению с тем, что проектировалось в государственных программах социально-экономического развития. Хотя

социальный статус, менталитет, интересы и поведение этих групп различны, их роль в модернизационных процессах достаточно сходна. Это, в первую очередь, приспособление к меняющимся условиям, чтобы выжить, сохранить достигнутый статус и семейный доход, на что ориентированы 86,5% населения в Беларуси и 77,5% – России.

В рамках данной стратификации, верхним слоем – свыше 4 БПМ – назван относительно узкий слой, обладающий наиболее высоким экономическим, статусным и властным потенциалом (верхнее звено бюрократии, наемные работники, занятые в новых производствах, крупные и средние предприниматели, директора предприятий и др.). Группы, формирующие этот слой, нередко имеют разные интересы и преследуют разные цели. Но их объединяет возможность оказывать прямое влияние на процессы модернизации общества. Согласно табл. 2, верхний слой белорусского общества, составляющий 13,5%, располагает примерно 1/3 всех сред-

Таблица 3

Среднедушевые денежные доходы населения Республики Беларусь и Российской Федерации, в месяц
 Рассчитано по: [14, с. 163; 15, с. 179].

	Годы				
	2001	2002	2004	2006	2010
Республика Беларусь, тыс. бел. руб.	96,2	143,5	250,7	422,4	952,4
Российская Федерация, тыс. рос. руб.	2,28	3,95	6,41	10,19 6	18,55 2
Республика Беларусь, долл. США	44,0	65,5	115,0	195,2	317,4
Российская Федерация, долл. США.	85,0	113,0	237,4	384,3	618,4
Соотношение среднедушевых денежных доходов населения России и Беларуси в сопоставимой валюте	1,9	1,7	2,0	2,0	1,95

недушевых денежных ресурсов, тогда как верхний слой российского общества, составляющий 22,5%, располагает почти 1/2 всех среднедушевых денежных ресурсов. Подобная ситуация проявляется в значительной разнице коэффициентов дифференциации (в Республике Беларусь – 5,9, а в Российской Федерации – 16,5), а также в различии индексов Джини (0,268 и 0,420, соответственно) по данным 2010 года [8, с. 313-315].

Сравнение среднедушевых денежных доходов населения свидетельствует о том, что и в Беларуси, и в России он увеличивается. Но динамика соотношения среднедушевых денежных доходов населения обеих стран, выраженная в сопоставимой валюте, показывает, что экономическое благосостояние в России примерно вдвое выше, чем в Беларуси. И за последнее десятилетие это показатель почти не изменялся (табл. 3) [8, с. 308].

Общность типологических черт и тенденций развития модернизационных процессов в Беларуси и России в значительной мере определяется степенью государственного вмешательства в сферу экономики и государственной политикой в социальной сфере. Социальная ориентированность государственной политики в экономических преобразованиях, контроль государства над балансом эконо-

мического и социального компонентов определяют специфику развития процессов модернизации в Республике Беларусь и Российской Федерации. Различие в механизмах регуляции модернизационных процессов в Беларуси и России определяется выбором темпа осуществления реформ: эволюционный путь развития или «шоковая терапия»

В белорусском обществе социально-ориентированная рыночная экономика, как результат государственной социальной политики, реально обеспечивает позитивный экономический процесс улучшения материального положения беднейших слоев населения и уменьшает долю этой страты в обществе. Но, по результатам анализа, происходит это как за счет повышения заработной платы, так и за счет перераспределения доходов различных страт, с целью выравнивания их материального положения (при коэффициенте дифференциации – 5,9), что приводит к аккумуляции около половины населения в диапазоне денежных доходов от 1 до 2 БПМ. Это означает, что около половины населения находится в режиме простого воспроизводства своей рабочей силы, обладает традиционным (консервативным) типом мышления и вынужденным типом экономического поведения.

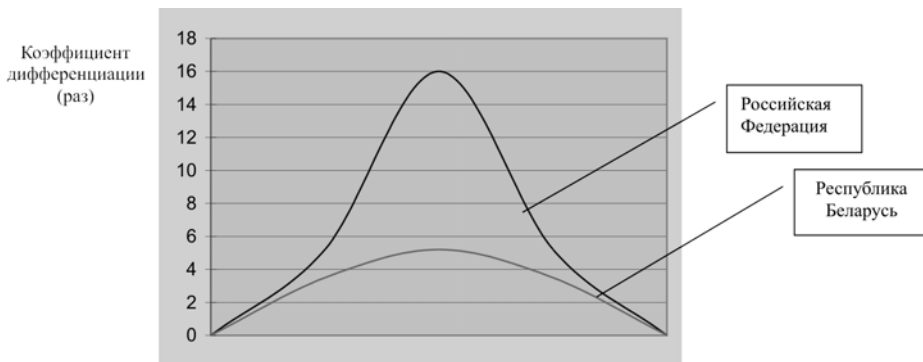

Рис. Сравнение высот экономической пирамиды в РБ и РФ (по коэффициенту дифференциации среднедушевых денежных доходов населения).

В российском обществе наблюдается увеличение социальной дистанции между полюсами дифференциации социальных слоев (при коэффициенте дифференциации – 16,5), что означает усиление социальных различий между стратами с разным денежным доходом по всем названным признакам, возникновение и обострение разногласий между ними. Вместе с тем, общий процесс повышения материального благосостояния российского общества выступает фактором компенсации социальной напряженности и гарантом стабильности в российском обществе [8, с. 316].

Таким образом, принятая в обеих странах «стратегия инновационно-технологического прорыва», когда инновации выступают как «точки роста» в циклическом процессе общей модернизации, представляется проблематичной в технологическом контексте, в силу несовместимости нынешнего (четвертого) и будущих (пятого и шестого) технологических укладов. Данная стратегия представляется проблематичной в социальном плане в силу того, что осуществляется в виде ограниченного модернизационного эксперимента, не затрагивающего основной массив населения, занятого в традицион-

ных отраслях экономики. В трактовке современных теорий модернизации, технологические инновации, как ведущая сила нового этапа модернизации, должны быть интегрированы в само «тело» социальной структуры общества. Между тем, судя по всем действиям государственных органов и выделяемым ресурсам, речь идет о технократической модели модернизации, связанной со «сжатием» гуманитарной сферы общества.

Велика вероятность того, что модернизация через стратегии инновационных прорывов может быть «консервативной» по идеологии (ограничиться некоторым технологическим и организационным усовершенствованием, без изменения принципов экономического и социального устройства общества), элитарной по масштабности (осуществляемой «сверху», в условиях ограниченного модернизационного эксперимента), технократически ориентированной по вектору ценностей гражданского общества. Отсюда следует, что интеллектуальный разрыв между «островами» модернизации и остальным обществом может увеличиваться, потенциально создавая опасность внутреннего разделения населения обеих стран на «развитый центр» и «бедную периферию». Обще-

ство, отстраненное от участия в процессе модернизации, разделится надвое. Одна его часть – меньшая, но активная – будет продолжать бороться за свои базовые права и свободы и сохранение среды обитания, другая – большинство, составляющее пассивные средние слои, – будет следовать стандартам потребительского общества. Может углубляться двойной раскол: между центром и периферией (столицей и регионами), а также между средними слоями, составляющими социальную платформу общества, и верхним слоем в обеих странах.

Что предлагается делать? Переходить к органической модернизации, с привлечением всех слоев населения «снизу», усилению их трудовой мотивации, осознанному включению в процессы модернизации. Альтернатива должна исходить из того, что органическая модернизация связана с повышением благосостояния всех слоев населения, развитием качественного образования и качественного здравоохранения, включенностью подавляющей части общества в процессы модернизации. Альтернатива должна способствовать расширению коридора экономических и социальных возможностей за счет повышения активности, адекватной трудовой мотивации и социальной ответственности основных социально-профессиональных групп за свою деятельность и жизнедеятельность. «Догоняющая» модернизация безусловно отягощает решение возникающих технологических и социальных проблем, которых можно было бы избежать при органической модернизации. Проблемы технологического плана невозможно решать без внедрения инноваций в массовое производство, а проблемы социального плана – без активного включения в экономику всех трудовых ресур-

сов при грамотной государственной политике. Эти универсальные принципы являются залогом успеха любого национального проекта модернизации.

Литература

1. Яницкий, О. Н. Модернизация в России и вокруг: конспект // Социологич. исслед. – 2011. – № 5. – С. 136-145.
2. Стиглиц, Дж. Ю. Глобализация: тревожные тенденции / Пер. с англ. и примеч. Г.Г. Пирогова. – М.: Мысль, 2003.
3. Глазьев, С.Ю. Возможности и ограничения технико-экономического развития России в условиях структурных изменений в мировой экономике. Режим доступа: <http://spkurdyumov.narod.ru/glaziev.htm> Дата доступа: 06.06.2010.
4. Шимов, В.Н. Структурная трансформация промышленного комплекса страны: императивы и направления реализации // Социология, – 2010. – № 1. – С. 9–16.
5. Беляева, Л.А. Динамика отношения россиян к социально-экономическим и политическим изменениям // Социол. исслед. – 2011. – № 10. – С. 11-25.
6. Соколова, Г.Н. Состояние и возможности развития среднего класса в Беларуси // Общество и экономика. – 2010. – № 7-8. – С. 199-218.
7. Инновационный тип развития экономики России. – М.: РАГС, 2005.
8. Соколова, Г.Н. Экономическая реальность в социальном измерении: экономические вызовы и социальные ответы. – Минск: Беларусь. наука, 2010.
9. Статистический ежегодник Республики Беларусь, 2011 (Стат. сб.). – Минск, 2011.
10. Российский статистический ежегодник, 2011 (Стат. сб.). – М.: Росстат, 2011.

ИНФОРМАЦИОННОЕ ОБЩЕСТВО

Информатизационное сознание как предпосылка включенности в информационное пространство

Жилкин В.В.

В статье уточняется понятие информационного пространства. Автором вводится в научный оборот понятие «информатизационное сознание», раскрывается его сущность, обосновывается взаимосвязь с информационным мышлением и информационной культурой. Ключевые слова: информационное пространство, информатизационное сознание, информационное мышление, информационная культура, информационно-коммуникационные технологии.

Zhilkin V.V.

Informatization consciousness as the prerequisite of inclusion into the information space

The paper clarifies the notion of information space. The author introduces the concept of scientific practice «informatization consciousness» reveals its essence, grounded relationship with the information thinking and information culture.

Key words: information space, informatization consciousness, informative way of thinking, information culture, the information and communication technologies.

Концепция «глобального информационного пространства» разрабатывалась японскими учеными-социологами О. Кишидой и Е. Масудой в рамках исследований Института информационного общества и излагалась ими в терминах «философии времени». Считая информацию основным ресурсом выживания будущей цивилизации, японские ученые прогнозировали неизбежность возникновения проблемы быстроты получения и реализации информации – другими словами, проблемы времени.

С этой же системой «время – ценность» Е. Масуда связывал функционирование «глобального информационного пространства» – пространства без региональных границ, характеризующего информационную эпоху. По утверждению Е. Масуды, распространение этого информационного пространства, сформированного на основе всеохватной информационной инфраструктуры, коммуникаций, спутниковой связи, компьютеров, в мировом масштабе будет способствовать глобализации всех мировых процессов.

По мнению президента Правозащитного фонда «Комиссия по

свободе доступа к информации» И. Дзялошинского, в России термин «информационное пространство» стал использоваться в 1992 году в связи с необходимостью сохранения тиражей печатных СМИ, которые и были его смысловым наполнением. Следует, однако, отметить, что широкое применение и популяризация масс-медиа словосочетания «информационное пространство» не обуславливает разработку его содержания как научного понятия. Соглашаясь с И. Дзялошинским, можно сделать вывод, что употребление этого термина в общем смысле скорее метафорично, чем научно. Тем не менее, операционализация понятия «информационное пространство» необходима и основывается на анализе базовых компонентов его структуры.

К основным компонентам информационного пространства можно отнести информационные ресурсы, средства информационного взаимодействия и информационную инфраструктуру.

Понятие «*информационные ресурсы*» прописано в законодательстве РФ и обозначает отдельные документы и отдельные массивы документов, документы и массивы документов в информационных системах (библиотеках, архивах, фондах, банках данных, других видах информационных систем). В более широком смысле под ними подразумевается совокупность данных, организованных для эффективного получения достоверной информации и в большинстве случаев доступных широкому кругу пользователей.

Информационные ресурсы тесно связаны со *средствами информационного взаимодействия*, совместно обеспечивая организацию процесса взаимодействия двух и более субъектов, целью и основ-

ным содержанием которого является изменение имеющейся информации хотя бы у одного из них – непосредственно *информационного взаимодействия*. В современных условиях информационное взаимодействие осуществляется преимущественно посредством ИКТ.

Что же касается *информационной инфраструктуры*, то она представляет собой совокупность информационных ресурсов и организующих к ним доступ граждан средств информационного взаимодействия (в том числе ИКТ), которая обеспечивает функционирование и развитие информационного пространства страны или региона.

На основании вышесказанного под термином «*информационное пространство*» следует понимать форму существования информационных систем, обеспечивающую и стимулирующую оперативные информационные взаимодействия производителей информации и ее потребителей, трансляцию знаний, накопленных в информационных ресурсах и их сохранение в сложившейся информационной инфраструктуре.

Становление информационного общества, усиленное и ускоренное процессами глобальной информатизации, ведет к качественному изменению роли информационных процессов в эволюции социальных систем. Интеллектуальные факторы начинают играть преобладающую роль в жизнедеятельности общества по сравнению с факторами материальными, что способствует образованию информационного пространства. Результаты исследования основных факторов социального развития в 92 странах мира показали, что доля технической реальности равна 16%, природных условий – 20%,

а вклад интеллектуального потенциала составляет 64%, дохода в развитых странах до 70–80%. Напрашивается вывод, что интеллектуальный аспект информационной деятельности современного общества становится ведущим фактором социального прогресса.

В качестве рабочей можно выдвинуть гипотезу о необходимости формирования специфического сознания личности, стоящей на пороге информационного общества, которое мы предлагаем назвать **информатизационным сознанием**. В нашем понимании, информатизационное сознание должно представлять собой *специфическую форму отражения социальной реальности, направленную на информационные процессы и информационно-коммуникационные технологии*.

Тем не менее, вопрос о правомерности выделения информатизационного сознания в относительно самостоятельный вид общественного сознания открывает начало межпредметной дискуссии. На данном этапе автор ставит своей целью попытку обоснования информатизационного сознания, научного поиска критериев его выделения, что требует осуществления таких методологических подходов, как онтологический, гносеологический и социологический.

Онтологический подход позволяет определить природу, происхождение информатизационного сознания, его субстанцию. Субстанцией информатизационного сознания, на наш взгляд, является такая разновидность материально-предметной деятельности человека, как информационная деятельность, осуществляемая в настоящий момент преимущественно посредством ИКТ. В совокупности с информатизацией как

новым эволюционным процессом в жизни человеческого общества эта деятельность и есть субстанционный фактор существования и развития информатизационного сознания.

Гносеологический подход дает возможность рассмотреть информатизационное сознание через призму положений: общественное сознание отражает общественное бытие и общественное бытие определяет общественное сознание. Процесс отражения развивается как взаимодействие объекта и субъекта под воздействием общественной потребности. Объект отражения информатизационного сознания, по мнению автора, – отношения в сфере информационной деятельности, межличностные коммуникации опосредованные ИКТ. Эти отношения с момента своего возникновения прямо и непосредственно отражаются, прежде всего, информатизационным сознанием.

Социологический подход предполагает сосредоточение основного внимания на социальном субъекте отражения, на носителе сознания, на его роли в процессе функционирования общественного сознания. Решение проблемы правомерности выделения информатизационного сознания в отдельную категорию подразумевает наличие в обществе социального субъекта, обладающего необходимостью в знаниях, идеях, умениях и навыках в сфере информационно-коммуникационных технологий. Объективные информационные потребности и информационные интересы различных социальных страт и слоев в целом обуславливают такую необходимость. Социальная роль информатизационного сознания как структурного компонента общественного сознания, на наш взгляд, характеризуется

тем, что, по выражению Ф.Энгельса, «определенному сознанию соответствуют... определенные люди и определенные обстоятельства».

В целом информационное мышление, на наш взгляд, включает в себя взгляды и представления, порожденные практическим опытом людей, их участием в информационной деятельности, теми связями, в которые они вступают в повседневной жизни. Подобное определение информационного мышления очерчивает сферу его предположительного функционирования: практика информационной деятельности, межличностные коммуникации, опосредованные информационно-коммуникационными технологиями. Информатизационное сознание, в свою очередь, должно быть связано с более высокими, принципиально иными уровнями познания – это интегративная категория, включающая в себя познание функционирования и развития информациологических законов, системный анализ функционирования и развития информационно-коммуникационных технологий и органичную интеграцию ИКТ в личностное развитие индивида, осуществляемую на эмоциональном уровне.

Такой методологический подход позволяет рассматривать информационное мышление как форму проявления информатизационного сознания в конкретной общественной ситуации; при этом недостаточная развитость информатизационного сознания обуславливает противоречивость развития информационного мышления индивидов и социальных групп.

Данный тезис подкрепляется результатами, полученными в ходе авторского исследования среди профессорско-преподавательского состава Тамбовского государ-

ственного университета им. Г.Р. – Державина и студентов гуманитарных специальностей, согласно которым современный пользователь ИКТ все чаще (44,1% респондентов) обращается к Интернет как обширной информационной базе данных. Менее четверти опрошенных (21,1%) предпочитают традиционные бумажные источники информации – при необходимости они готовы посещать библиотеки; 10,8% обходятся домашней библиотекой; 13,6% как к источнику информации обращаются к мнению специалиста в данной области; 4,7% довольствуются знаниями своего ближайшего окружения. Показательно то, что 5% респондентов при недостатке информации даже не пытаются его компенсировать, убеждая себя в неактуальности подобных действий. На наш взгляд, такая позиция свидетельствует о регрессии информатизационного мышления данной группы респондентов и об отсутствии у нее информатизационного сознания.

Показательными также являются результаты исследования, иллюстрирующие частоту проверки респондентами электронной почты. Наличие информатизационного сознания обуславливает понимание сущности научного прогресса, роли в нем скорости временных и информационных процессов, актуальности навыков своевременного (быстрого) реагирования на поступающую информацию, которое в большинстве случаев опосредовано ИКТ. Частота получения информации (или проверки ее наличия) посредством электронной почты, по мнению автора, в определенной степени свидетельствует о высоком уровне информационного мышления личности и о наличии информатизационного сознания. Среди респондентов Тамбовского

региона можно выделить несколько типов пользователей этим инструментом ИКТ: «случайные» – 20,6% – проверяют почту не чаще 1 раза в месяц, «разовые» – 7,6% – проверяют раз в 2 недели, «еженедельные» – 19,1% – проверяют 1 раз в неделю, «регулярные» – 19% – проверяют 3-4 раза в неделю, «постоянные» – 15,3% – проверяют не реже 1 раза в день и «оперативные» – 18,3% – проверяют несколько раз в день.

Кроме того, исследование выявило один любопытный аспект поведения пользователей ИКТ, который, на наш взгляд, говорит о неадекватности их отношения к технике и технологиям – 17,7% респондентов в процессе работы с компьютерной техникой для достижения результата ведут с ней «диалог», приписывая человеческие черты и душевные качества. С точки зрения автора, это означает, что даже наличие определенного уровня информационного мышления, позволяющего осуществлять информационную деятельность посредством ИКТ, не обеспечивает личности сформированность информатизационного сознания, подразумевающего адекватное взаимодействие с техникой и технологиями. По результатам исследования пользователей, воспринимающих компьютер, ИКТ технологии именно как набор «железа», лишь 28,6% из числа опрошенных. В то же время 3,3% респондентов демонстрируют некую поведенческую крайность, которую можно охарактеризовать как переход информатизационного сознания в подсознание, непреднамеренно проецируя модели собственного поведения в электронной среде на неэлектронную. Еще 14,6% опрошенных признают, что такого рода «замещения» имеют место в ряде случаев.

Так как информатизационное сознание можно обозначить как относительно новую научную категорию, вопросы его формирования социологами, философами, психологами и информатологами прежде не рассматривались. В то же время категория информационного мышления и необходимость его формирования довольно часто рассматривается российскими и зарубежными исследователями (Н.И. Гендина, А.Л. Денисова, В.А. Кутырев, А. Моля и др.). Не осуществляемый ранее анализ информатизационного мышления как формы проявления информатизационного сознания в конкретной общественной ситуации позволил бы рассматривать проблему формирования информатизационного сознания с точки зрения влияния изменений в информационном мышлении на те или иные аспекты информатизационного сознания и масштабов этого влияния на его глубинную сущность.

Согласно результатам авторского исследования, только 33,7% респондентов убеждены, что использование компьютера и компьютерных сетей способствует развитию информационного мышления пользователя ИКТ. Пессимистический взгляд по данному вопросу подавляющего большинства опрошенных, на наш взгляд, свидетельствует о низком уровне их информатизационного сознания. Этот вывод подтверждают и респонденты – всего 6,6% уверены в том, что их сознание в какой-то мере трансформировано информационно-коммуникационными технологиями.

Наличие информационного мышления не обуславливает сформированность информатизационного сознания, в то же время практика авторских наблюдений показывает, что неразвитое информатизацион-

ное сознание, в свою очередь, обуславливает противоречивое, эмоциональное по своей природе информационное мышление, которое практически не влияет на дальнейшее формирование информатизационного сознания. Последнее, представляя собой, на наш взгляд, мощный пласт общественного сознания, должно формироваться совсем иным, нежели информационное мышление, знанием, и в настоящее время объективной основы для своего эффективного формирования пока не имеет.

Противоречивое информационное мышление не способно сформировать и активную информационную деятельность, создать предпосылки для развития инициативы, творчества, коммуникативных навыков. Даже если личность способна осознать свою истинную роль (или отсутствие таковой) в дальнейшем развитии информатизации и информационной культуры, то ее готовность к освоению информационно-коммуникативных технологий, преодолению некоторых трудностей, адекватное восприятие объективных перемен выражены очень слабо. Например, по данным авторского исследования, которое проводилось на базе ТГУ им. Г.Р. Державина среди профессорско-преподавательского состава, необходимость освоения ИКТ понимает около 60% респондентов, но только пятая часть из них готовы добиться в этом освоении ощутимого результата и 5% – активно применять ИКТ в своей профессиональной деятельности.

Следует выделить три направления формирования информатизационного сознания. Первое из них связано с продуцированием и тщательной проверкой законов функционирования информации, другими словами, с созданием мощной теоретической базы в области

информатизации. Второе – с модификацией структуры общественной практики (как единства информационной деятельности и межличностных коммуникаций, опосредованных информационно-коммуникационными технологиями) в ходе дальнейшей информатизации как социокультурного процесса. И третье – с овладением необходимым на данном этапе развития общества объемом и качеством знаний. Глубокие знания расширяют кругозор и горизонт мышления, учат подходить к решению вопросов с профессиональных позиций, стимулируют творческую активность. Овладение такими знаниями становится предпосылкой грамотного и эффективного функционирования в новом типе общества.

Формирование информатизационного сознания неизбежно должно сопровождаться преодолением сложившихся стереотипов. Сохранение старых, отживающих взглядов и представлений в изменившихся условиях информационного и социального развития во многом опирается на опыт прошлого. Но приверженность к стереотипам информационной деятельности нельзя рассматривать лишь как возрастное свойство людей, что явно упрощает проблему. Суть в том, что подобные стереотипы опираются на традиционную систему образования и социализации, которая в настоящий момент не готова стать проводником личности в мир ИКТ в силу консервативности самой образовательной системы.

Как показывает исследовательская практика, информационное мышление вовлекает в оборот не все знания в сфере информации, а преимущественно те, которые непосредственно служат практике (83,6 %). Оно тесно связывает-

ся с информационными интересами людей, складывается под влиянием объективных факторов общественного развития, состояния информатизационного сознания в обществе. Информационное мышление выхватывает из широкого круга возможностей лишь немногие, отбрасывая остальное. Оно фиксирует внимание на том, как сделать выбор и каким этот выбор должен быть.

Тем не менее, существует универсальный способ корреляции информатизационного сознания и информационного мышления. Исходя из классического понимания культуры как процесса сохранения и воспроизводства культурных ценностей, *способ взаимодействия информатизационного сознания и информационного мышления, регулирующий участие индивидов и социальных групп и степень их самореализации в информационной деятельности, имеет полное право называться **информационной культурой***. Другими словами, это означает формирование прошлым информационным опытом определенного состояния информатизационного сознания (и информационного мышления как формы его проявления) общества, социального слоя, социальной группы, воплощающих это состояние в определенной информационной деятельности.

Совершенство способа этого взаимодействия обуславливает эффективность и рациональность информационной деятельности, уровень информационной культуры. Другими словами, способ взаимосвязи информатизационного сознания и информационного мышления выступает естественным регулятором информационной деятельности. При этом информационная культура как механизм, регулирующий в конечном итоге

информационную деятельность, имеет ряд особенностей.

По результатам исследования, 9,9% респондентов уверены, что обладают высоким уровнем информационной культуры, еще 25,4% опрошенных считает, что уровень овладения ими информационной культурой выше среднего. Интересен тот факт, что лишь 13,2% респондентов признают, что не стремятся совершенствовать свой уровень информационной культуры, при этом еще 25,3% испытали затруднение с ответом на данный вопрос, что скорее свидетельствует о нежелании респондентов признаваться в отсутствии стремления к повышению уровня информационной культуры.

Резюмируя вышесказанное, можно сделать вывод об актуальности тщательного исследования феномена и необходимости формирования информатизационного сознания у граждан информационного общества. При этом следует особо отметить, что непосредственно процесс формирования информатизационного сознания должен быть целостным, подразумевающим сформированность информационной грамотности, информационного поведения и в целом – информационной культуры.

Так как информация, являясь структурным элементом информационного пространства, выступает предметом информационных взаимодействий, она должна быть осмыслена в качестве некоего социального ресурса, основной характеристикой которого должна стать его доступность, как объективная, так и субъективная. Именно доступ к качественной информации становится критерием дифференциации субъектов информационных отношений, индикатором информационного статуса, означающим преимущество над субъектом, лишенным этого доступа.

Взаимодействие в интернет-пространстве как фактор изменения общественного сознания

Кузин С.А.

В современном обществе, благодаря глобальной сети Интернет, бурно протекает процесс виртуализации. Всё большее число россиян переносит свою социальную активность в Интернет-пространство. В результате общественное сознание членов российского общества виртуализируется.

Ключевые слова: социальное взаимодействие, социальное пространство, Интернет-пространство, общественное сознание, виртуальное, «онлайн мир».

Kuzin S.A

Interaction in the space of Internet as a factor of the social consciousness transformation

Due to the global Internet network the process of virtualization is progressing in a modern society. More and more Russians transfers their social activity to the space of Internet. As a result the social consciousness of the members of Russian society is virtualizing.

Key words: social interaction, social space, Internet-space, social consciousness, virtual, "online world".

Рубеж XX-XXI веков ознаменован бурным развитием феномена виртуализации общественных отношений и ростом исследовательского интереса к данному феномену [1,2,3,4,5,6]. Это происходит, прежде всего, благодаря глобальной сети Интернет. Выстраивание взаимоотношений между индивидами и социальными группами приняло иной, отличный от традиционных форм, характер. На наш взгляд, это свидетельствует о формировании нового типа пространства взаимоотношений как части социального пространства.

Д.А. Иванченко считает: «Сегодня сложились две основных концепции феномена «Интернет»: технократическая (Интернет понимается как глобальная сеть компьютерных ресурсов с коллективным доступом на основе использования единой стандартной схемы адресации, высокопроизводительной магистрали и высокоскоростных линий связи с главными сетевыми компьютерами и т.п.) и социально-философская (Интернет рассматривается в качестве всемирного информационного пространства, сложного многомерного со-

циокультурного феномена, средства массовой коммуникации, информационно-коммуникативной медиасреды, виртуального пространства и др.)» [6].

В ряде исследований подчёркивается специфика моделирования с помощью компьютера информационного пространства, в «котором находятся сведения о лицах, предметах, фактах, событиях, явлениях и процессах, представленные в математическом, символическом или любом другом виде и находящиеся в процессе движения по локальным и глобальным компьютерным сетям, либо сведения, хранящиеся в памяти любого физического или виртуального устройства, а также другого носителя, специально предназначенного для их хранения, обработки и передачи» [5]. Такое определение, по нашему мнению, является не в полной мере отражающим сложившуюся практику взаимодействия в Интернет.

В Интернет имеются виртуальные участки пространства, например, онлайн игры с виртуальными персонажами (управляемыми либо реальными людьми, либо смоделированными и управляемыми компьютером), несуществующими расами и кастами, виртуальной экономикой, географией и т.д. [10]. Или сообщества, использующие так называемых «виртуалов», когда за одним образом может скрываться несколько индивидов и, наоборот, за множеством пользователей может стоять один человек. [11] Это относится и к специализированным ресурсам, позволяющим создание виртуальных браков Интернет-пользователей; «симуляторы, воспроизводящие особенности социальной среды (виртуальные миры, позволяющие создавать виртуальных персонажей, выбрать им внешность,

придумывать характер, сочинять жизнеописание, создавать семьи, «рожать» виртуальных детей и т.д.)» [12]; сервисы, позволяющие проигрывать в общении с другими пользователями разнообразные сексуальные роли и ситуации, недоступные в реальной жизни (виртуальный секс) [13] и др.

Как и традиционное социальное пространство, Интернет-пространство структурировано и дифференцировано, неоднородно и имеет множество плоскостей, каждая из которых характеризуется определенным типом отношений и обладает собственной логикой. «Динамика Интернет-пространства - это результат столкновения интересов, от которого зависит как качественный и количественный состав социальных групп, так и коррекция их взаимоотношений и совместной деятельности в общей предметной области» [6].

Неформальное структурирование Интернет-пользователей, по мнению Д.А. Иванченко, привело к появлению своего рода неофициальной параллельной коммуникационной структуры, «которая не только выполняет функции совместной информационно-познавательной и коммуникативной деятельности, но и во многом выступает носителем современных нравственных ценностей» [6].

В качестве одного из определяющих факторов социальной дифференциации в Интернет-пространстве выступает уровень доступа к знаниям и информации. При этом, позиции Интернет-пользователей в информационной стратификации и традиционном совокупном социально-экономическом ранжировании не всегда совпадают.

Общение посредством Интернет нередко приводит к изменению ценностных ориентаций личности,

меняются мироощущение, мировоззрение, способ мышления людей, появляются новые виды девиаций. Нельзя не видеть формирования новых ограничений, связанных с развитием сетевых коммуникаций. Чем более универсализируется связь в Интернет с миром повседневности и увеличивается число пользователей, тем больше возникает возможностей для деструктивных взаимодействий в ней. В первую очередь предпосылки такой опасности заключаются в овладении большей частью членов общества технологиями обработки информации (а значит, и манипулирования ею), что дает в руки антисоциально настроенным индивидам довольно мощное средство пропаганды и реализации своих идей с помощью «отфильтрованной» информации.

Использование Интернет предполагает также некую «порядочность», цивилизованность пользователя, которые очень часто отсутствуют. Отсюда нарушение авторских прав и грубые провалы в этике общения. Немодерируемые конференции в Интернет (например, на различных форумах и чатах) «просто пестрят взаимными оскорблениями, идиоматическими выражениями и необоснованными оскорблениями» [6]. Анонимность среды дает неограниченные возможности для безответственных действий, которые в случае с «живым» общением, по крайней мере, не безнаказанны.

Выделим наиболее значимые, на наш взгляд, характеристики феномена взаимодействия в пространстве Интернет:

1) Взаимодействие между отдельными пользователями, пользователями и группами пользователей в Интернет-пространстве (общение, обмен ресурсами и т.д.) носят социальный характер.

2) Взаимодействие в Интернет-пространстве, как правило, представлено межличностным дружеским, деловым, любовным и др. общением. Также одним из ярких примеров взаимодействия является онлайн игра.

3) Темпы взаимодействия в Интернет-пространстве значительно выше, нежели в реальности.

4) Наблюдается тенденция перемещения активности взаимодействующих пользователей из общего пространства Интернет в социальные сети, которые становятся основным полем социальных взаимодействий. Некоторые исследователи называют это «социализацией всего».

5) Взаимодействие в Интернет-пространстве, особенно в форме межличностного общения, носит вторичный по отношению к взаимодействию в реальности характер.

Устойчиво выявляемая специфика интеракций, присущая исключительно пространству Интернет, требует использовать для его обозначения особого понятия «онлайн миры».

Последние связаны с феноменом социальных сетей. Некоторые исследователи правомерно онлайн миры следующей ступенью в развитии сетевых сообществ [14].

Анализ современной научной литературы позволяет утверждать, что проблема онлайн миров в социологическом аспекте изучена крайне слабо, хотя на сегодняшний день насчитывается несколько десятков подобных онлайн миров. Наиболее популярными являются: за рубежом «Second Life», «Habbo Hotel», «Club Penguin», «Webkinz» и др., в России – «Keeptown». На наш взгляд, это объясняется тем, что данный феномен появился сравнительно недавно. Например,

самый крупный и популярный проект «Second Life» был запущен в 2003 году. Также следует отметить, что нет единого общепризнанного определения данного феномена. Встречаются различные наименования: метафизическая или метавселенная, виртуальный мир, виртуальное сообщество, сетевое сообщество.

Приведём сформулированное нами рабочее определение понятия «онлайн мир»:

Онлайн мир - тип социальных сообществ, имеющих трёхмерное графическое воплощение и функционирующих в Интернет-пространстве в режиме реального времени (онлайн).

К такому пониманию данного феномена нас привело изучение проекта «Second Life», название которого переводится на русский язык, как «Вторая жизнь». Проект «Second Life» был создан компанией Linden Lab, находящейся в Сан-Франциско, и запущен в 2003 году. Идеологом проекта является основатель компании Филип Роуздейл. Идея «Second Life» пришла к нему еще в 1999 году. По данным на 2008 г. В «Second Life» зарегистрировано порядка 15 миллионов человек. Ежедневно «Second Life» посещает 15-50 тысяч пользователей.

Большинство пользователей или резидентов онлайн мира «Second Life» сходятся во мнении, что данный проект не является игрой, поскольку в нём перед индивидом не ставится конкретная цель, как в большинстве онлайн игр. Некоторые из них называют этот мир имитацией реальной жизни, её копией в виртуальном пространстве [13]. Также этот онлайн мир понимается в качестве огромной площадки для общения и самовыражения. Последнее осуществляется за счет того, что весь

контент в «Second Life» генерируют сами пользователи. Здания, парки, города, дачи, замки, автомобили – все это творения простых людей, населяющих «Second Life» и обладающих воображением и некоторыми навыками работы с компьютерной графикой.

Таким образом, «Second Life» представляет собой огромное виртуальное пространство, наполненное городами, развлекательными заведениями, магазинами, всем тем, что есть в обычном мире. Мы можем совершенно свободно перемещаться по «второй жизни», обзавестись жильём, виртуальной женой (или несколькими), машиной и т.д. При определённых условиях можно зарабатывать деньги.

Проект «Second Life» изначально был создан для того, чтобы предлагать гораздо более глубокие формы взаимодействия, нежели просто игровые.

«С детских лет я с помощью компьютеров пытался воссоздать реальный мир» - говорит Филип Росдэйл, основатель Linden Lab [13]. Таким образом, он предложил создать что-то, что позволит расширять и дополнять виртуальную реальность, создавая цифровую версию настоящей.

В отличие от других онлайн миров, которые могут лишь позволить игрокам соединять вместе разнообразные найденные артефакты, «Second Life» предоставляет в распоряжение пользователей подобие атомов - маленькие частицы виртуальной материи, которые называются «примитивы» - таким образом, они могут создавать предметы с нуля. Кори Ондрейка (Cory kndrejka), директор по разработкам Linden Lab, приводит в пример пианино. Используя подобную «атомную структуру», житель «Second Life» может

создать один из примитивов с цветом и текстурами, которые ему больше по душе. Он может назначить звук для примитивов, представляющих клавиши, и на пианино в «Second Life» можно будет играть. «Конечно, это всего лишь набор примитивов, так что пианино может летать или ездить за владельцем как домашний питомец» - рассказывает Ондрейка [13].

Благодаря возможности влиять на реальные жизни своих пользователей, передовые технологии, и уникальной бизнес модели, проект «Second Life» вызывает интерес у компаний, расположенных в так называемой «силиконовой долине». «Он (этот проект) обещает стать «сокрушительным» - говорит Митч Капор, председатель Linden Lab. По его мнению, «Second Life» можно сравнивать с персональным компьютером и с Интернетом как таковыми, которые начали свой путь как что-то странное, ориентированное на узкий круг пользователей, а затем вошли в массовое сознание и изменили его. «Проводить часть дня в виртуальном мире скоро станет нормальным и серьёзным занятием» - говорит господин Капор. Он утверждает, что «Second Life» вытеснит работу за компьютерным столом и двухмерные интерфейсы пользователей, и даже может «ускорить социальную эволюцию всего человечества» [13].

Не приводя собственных прогнозов касательно перспектив развития проекта, укажем, что на сегодняшний день участие в «Second Life» представляет собой одну из наиболее интересных форм социальной активности индивидов по всему миру, в том числе и в России. Большинство традиционных социальных практик постепенно перемещается из реального мира в виртуальный. Причём со-

храняется не только содержание подобных практик, но и форма, в которой они протекали и протекают в реальности. Подтверждением может служить тот факт, что практически все виды взаимодействий в «Second Life» имеют трёхмерное графическое воплощение с характеристиками физического окружения, которое сопутствует этим взаимодействиям в реальности. Наиболее ярким, на наш взгляд, может служить следующий пример: в «Second Life» существует огромное количество территорий (локаций), воспроизводящих реально существующие города. Причём, каждый из них практически полностью скопирован с реального аналога. В российском сегменте данного онлайн мира существуют, например, такие города, как Москва и Киев.

Данный проект продолжает существовать и развиваться. Сегодня можно с уверенностью утверждать, что отношения в данном онлайн мире являются настолько же социальными, что и в реальной жизни.

В результате вышеописанного процесса виртуализации общественных отношений всё большее и большее число россиян переносит свою социальную активность в Интернет-пространство. Повышается значимость повседневных практик в Интернет-пространстве по сравнению с традиционными, и, как следствие, меняется характер восприятия индивидами общества, отношений в нём и своего места в структуре этих отношений. Таким образом, мы можем сделать вывод о том, что общественное сознание членов российского общества, как результат восприятия окружающей нас социальной действительности, виртуализируется.

Литература

1) Иванов, Д.В. Виртуализация общества. Версия 2.0 [Текст] / Д.В. Иванов. - СПб.: «Петербургское Востоковедение», 2002. - 213 с.

2) Кастельс, М. Галактика Интернет: размышления об Интернете, бизнесе и обществе [Текст] / Мануэль Кастельс; [Пер. с англ. А. Матвеева под ред. В. Харитонова]. Екатеринбург : У-Фактория : Изд-во Гуманит. ун-та, 2009.

3) Кастельс М. Информационная эпоха: экономика, общество и культура. - М.: ГУ ВШЭ, 2000.

4) Корытникова Н.В. Интернет как средство производства сетевых коммуникаций в условиях виртуализации общества // Социс - № 2 - 2007.

5) Степанова А.Н. Виртуальные процессы в современном обществе (социально-философский анализ): Автореф. дис. ... канд. филос. наук / А.Н. Степанова - Новосибирск, НГТУ, 2008, 6 с.

6) Иванченко, Д.А.. Интерпретация Интернет-пространства в дискурсе социологии // ФОМ-Клуб: URL: <http://club.fom.ru/entry.html?entry=3080>.

7) Шютц А. Структура повседневного мышления // Социолог. исследования. 988. № 2. С.131.

8) Шютц А. Формирование понятия и теории в общественных науках. // Американская социологическая мысль: Тексты / Под ред. В. И. Добренькова М.: Изд-во Московского университета, 1999.

9) Бурдьё П. Начала: [Сборник]: Пер.с фр. / П. Бурдьё. М.: Socio-Logos: Фирма «Адапт», 1999.

10) World of Warcraft [Электронный ресурс] Г Режим доступа : <http://www.worldofwarcraft.com/>. Г Загл с экрана. Г Яз. англ.; Дозоры. Многопользовательская онлайн игра. [Электронный ресурс]. Г Режим доступа : URL: <http://dozory.ru/>. Г Загл с экрана. Г Яз. рус.

11) The Sims 2. Все о Симах. [Электронный ресурс]. Г Режим доступа : URL: <http://sims2.net.ru/>. Г Загл. с экрана. Г Яз. рус.; Civilization IV. [Электронный ресурс]. Г Загл. с экрана. Г Режим доступа : URL: <http://www.2kgames.com/civ9/home.htm/>. Г Яз. рус.

12) Дворец виртуальных бракосочетаний. [Электронный ресурс]. Г Режим доступа : URL: <http://www.wed.ru/>. Г Загл. с экрана. Г Яз. рус.; Виртуальный ЗАГС. [Электронный ресурс]. Г Режим доступа : URL: <http://weddingrin.ru/>. Г Загл. с экрана. Г Яз. рус.

13) Second Life. Российское сообщество пользователей «Second Life». [Электронный ресурс]. Г Режим доступа : URL: <http://www.secondrussia.ru> Г Загл. с экрана. Г Яз. рус.

14) Филиппова, Т.В. Интернет как инструмент социологического исследования / Т.В. Филиппова / / Социологические исследования. - 2001. - № 9. С. 125-122.

Эволюция социального пространства как Web 4.0 и 5.0

Рыжов В.А., Рыжов С.В.

В работе представлена классификация развития киберпространства интернета. За основу классификации выбрана концепция эволюции социального пространства. В качестве вех были выбраны качественные скачки в освоении виртуальной реальности.

Ключевые слова: социальное пространство, виртуальная реальность, социальные коммуникации, интернет, web.

Evolution of social environment as Web 4.0 and 5.0. Classification of the development internet's cyberspace is presented in work. For base of the classifications is chose concept to evolutions social space. As mark of change were chose qualitative leaps in mastering the virtual reality. Key words: social environment, virtual reality, social communications, internet, web.

Введение

Мы являемся свидетелями очень интересного феномена развития современного общества. На наших глазах происходит скачок системных изменений социального пространства общества под влиянием информационных технологий, компьютерной техники и телекоммуникации (ИКТ). Мы наблюдаем, как социальное пространство поглощает киберпространство интернета. Приходит очень много нового, а от чего-то привычного приходится отказываться.

Исследование перспектив освоения человечеством интернета и особенно, его важнейшей части - виртуальной реальности (VR), позволяет выявить важные фундаментальные закономерности в развитии социального пространства, как основы инфраструктуры общества. Хотелось бы знать, насколько повлияет появление киберпространства мировой сети:

- на само социальное пространство;
- на общество в целом и его социальные организмы (институты);
- на отдельную личность (характер, мировоззрение и даже физиологию);

- какие новые качества общество приобретёт, а что потеряет;
- какими опасностями и угрозами это грозит человечеству.

Социальное пространство, является вмещителем общества, важнейшей частью его экологической ниши, то есть, его своеобразным “домом” (в прямом и переносном смысле). Как любая сверхсложная система, социальное пространство развивается эволюционно и скачкообразно, чередуя этапы устойчивого развития с регулярными кризисными эволюционными переходами (скачками). После каждого такого скачкообразного перехода порождается новый цикл развития социального пространства. Это значит, что появляются перспективы в смысле новых возможностей развития и просторы в смысле новых физических и виртуальных “территорий”, расширяющих среду обитания общества и, следовательно - формируется очередной этап эволюции.

Современные ИКТ изменяют и порождают новые средства социальных коммуникаций и ВР в качестве новых “территорий” социального пространства. А мы становимся активными участниками этого глобального процесса. Следовательно, нам в роли непосредственных участников и в роли исследователей современных социальных процессов, важно достичь понимания не только сущности происходящих процессов, но и понять свою роль в происходящем.

Для исследования феномена прирастания социального пространства киберпространством в виде ресурсов ВР, будет методологически обосновано применение системного подхода и взгляда на социальные процессы как комплексное взаимодействие субъекта с объектом. Это дает конструктив-

ные модели обитаемого пространства ВР [1]. Сверх этого, теория систем и управление ими даёт возможность взглянуть на современный социум в качестве живого социального организма, который развиваясь, проходит определенные вехи на своем пути. В настоящей работе в качестве концептуального системного базиса предлагается использовать: (а) категорию социальных коммуникаций; (б) категорию пространства-вместилища - компонента социального пространства в виде ВР; (в) категорию событий, построенных на взаимодействии различных социальных субъектов - личностей, малых групп и др.

При таком системном базисе этапы развития социального пространства можно отмечать определенными эволюционными вехами в виде качественных переходов в освоении киберпространства, которые мы называем Web 1.0, Web 2.0, Web 3.0 и т.д. Этот подход дает основание построить эффективную классификацию эволюции социального пространства на современном этапе развития в виде понятных вех.

Социальное пространство и виртуальная реальность (ВР)

В своей работе мы используем понятие «Социальное пространство». Пьер Бурдьё был одним из первых авторов, который подробно раскрыл это понятие [2, стр. 49]. Позиция авторов данной работы во многом совпадает с его концепцией «двойного структурирования» [2, стр. 52]. Речь идет о структурировании социальной действительности со стороны: (а) «объективных» социальных отношений материального и нематериального характера, например, различных экономических активов, а также стороны (б) представлений людей

Эволюция социального пространства

Рис. 1. Эволюция социального пространства.

об этой «объективности», проявляющихся, например, в виде групповых и личных целей и ценностей. Эта модель с её основными постулатами в некоторых деталях совпадает с современными принципами построения обитаемой виртуальной реальности, на разработку которой сейчас нацелены многочисленные коллективы программистов [3, 4].

Концепция «двойного структурирования» широко используется в среде разработчиков ВР, что позволяет достаточно подробно формализовать модель социального пространства с учетом поставленных целей современных интернет-проектов. Уже сейчас реализуются различные архитектуры ВР на базе средств ИКТ, например, в виде социальных сетей нового поколения.

Мы не будем вдаваться в подробный анализ различных струк-

тур ВР для социального пространства, а сделаем акцент на факторах социальных коммуникаций и пространства ВР произвольной топологии. Сейчас именно они нас интересуют в связи с нашей основной задачей: каким образом связаны социальное пространство с киберпространством интернета, и каким образом происходит развитие и освоение ВР.

В связи с вышеизложенными доводами нам необходимо уточнить понятие социального пространства.

СОЦИАЛЬНОЕ ПРОСТРАНСТВО включает физическую среду обитания, сопряженную с пространствами: экономическим, правовым, информационным, культурным, образовательным, политическим и т.д. Социальное пространство основано на регулярной активностью людей и имеет два уровня структурирования ВР: (а) «объективированная» среда соци-

альных отношений – топология пространства и “законы”, управляющие внешними событиями, матрицы ролевых функций и отношений участников; (б) «субъективированная» среда социальных отношений – множество степеней свободы, позволяющее участникам формировать свою личную индивидуальность и поведение в социуме. Социальное пространство имеет динамический характер и формируется совокупностью непрерывных процессов, отношений и взаимозависимостей в социальной сфере на указанных двух уровнях. Эти два уровня, в свою очередь, также содержат иерархии, которые связаны между собой по принципу фрактального самоподобия.

Таким образом, существует неразрывная связь эволюции общества и эволюции социального пространства. В настоящее время социальное пространство приращает виртуальной реальностью, которая расширяет среду обитания общества (рис.1).

Социальное пространство занимает особое положение в социологии (не нужно путать с территориями проживания людей в виде земель). Социальное пространство включает физическую среду обитания, сопряженную с пространствами: экономическим, правовым, информационным, культурным, образовательным, политическим и т.д. Социальное пространство – это, прежде всего, вместиллице, или «среда обитания» множества личностей в форме различных социальных организмов – малых групп и сообществ, с одной стороны, на территориях в виде натуральных земель. С другой стороны, социальное пространство – это также окультуренные и искусственные территории (хижины, улицы городов, мосты, тоннели, много-

этажные дома, метро, корабли, самолеты, автомобили и пр.).

Мы ставим в один ряд следующие факторы социальных коммуникаций (см. рис.1):

1. Появление языка, речь.
2. Письменность.
3. Книгопечатание.
4. Радио, телефон, телевидение и пр.
5. ВР на базе ИКТ.

Таким образом, самое последнее приобретение социального пространства – ВР на базе ИКТ. Раскрывая содержание понятия ВР, мы сможем увидеть его неразрывную связь с социальным пространством.

ВИРТУАЛЬНАЯ РЕАЛЬНОСТЬ – кибернетическая среда, моделирующая реальность или вымышленный мир, в которые может погружаться человек. Виртуальная реальность (ВР) (от лат. *virtus* – потенциальный, возможный и лат. *realis* – действительный, существующий) – модель рабочего пространства (РП), создаваемого при помощи специальных инструментов с использованием ИКТ. Пользователь воспринимает такое рабочее пространство через его привычные для восприятия материального мира ощущения: зрение, слух, тактильность и др. Для этого у инструмента имеются специальные устройства вывода – дисплеи, источники звука и т.п. С другой стороны, пользователь может воздействовать на модель посредством его привычных действий: движений рук, голоса и пр. Для этого имеются специальные устройства ввода – клавиатура, мышь, джойстик, микрофон, видеокамера и т.п.

Структура модели ВР включает в себя рабочее пространство. С одной стороны это «арена действий» рабочей группы, с другой стороны – это среда в которой

присутствуют всевозможные объекты и разворачиваются различные процессы и явления, которые участники могут ощущать субъективно, в зависимости от своего места расположения. Технологии ВР позволяют моделировать различные варианты представления пространства и времени. Например: непрерывное 3К-пространство, динамически отображаемое на экране монитора по законам проективной геометрии с позиции подвижного наблюдателя; спрайтовое 2К пространство, состоящее из нескольких прозрачных слоев перед наблюдателем, создающих иллюзию трехмерности за счет перекрытия плоскими объектами (спрайтами) из ближнего слоя объектов из дальних слоев; 2К+ фиксированная проекция, собираемая из небольших фрагментов типа мозаики, на которых заранее заготовлены рисунки различных предметов с заданной геометрической перспективой.

Однако самое важное качество пространства ВР базируется на концепции субъекта-объекта. Пространство субъекта имеет ближний топологический план (метафора «тело-пространства») и дальний топологический план (метафора «объемлющего оптического строя» - образа сферического экрана) рабочего пространства (см. подробнее понятие субъекта-объекта). Эти два плана обуславливают основные качества пространства ВР.

В состав системы, образующей ВР, входят пользователь и инструмент - техническое средство, моделирующее рабочее пространство. Инструмент содержит устройство ввода и вывода, связанные с моделью. Пользователь воздействует на модель посредством устройства ввода и производит в ней изменения, а при помощи устройства вывода воспринимает об-

разы модели и произведенные в ней изменения. Поэтому, пользователь может целенаправленно воздействовать на модель, корректируя свои управляющие воздействия в соответствии с воспринимаемыми изменениями по принципу обратной связи.

Использование ВР в реальном рабочем пространстве (стыковка) позволяет выделить два случая применения ВР:

1) Дополненное рабочее пространство (ДРП), в котором на изображение реального рабочего пространства накладываются виртуальные объекты, сформированные в моделируемом рабочем пространстве. Например: видеочка наблюдения, распознающая и выделяющая лица людей.

2) Дополненная виртуальная реальность (ДВР), в которой в моделируемое рабочее пространство включаются образы объектов из реального рабочего пространства. Например: электронная карта аэропорта, которой пользуются авиадиспетчеры, отображает координаты самолетов.

Для выполнения «представительских» функций участников в пространстве ВР обычно применяются личные аватары. Аватар - это обычный объект ВР в форме куклы, манекена, действиями и перемещениями которого управляет сам пользователь, что создает ему восприятие эффекта личного присутствия. С другой стороны, участники узнают своих партнеров в ВР именно по внешнему виду их аватаров, и уж потом по индивидуальным особенностям поведения и коммуникациям.

Развитие среды обитания в виртуальной реальности (ВР)

Критерием существования такого социального скачка в развитии социального пространства яв-

ляются легко измеряемые параметры в роли индикаторов социальных коммуникаций, Например, количество сильных связей (прямого влияния) в малых группах, скорость осуществления коммуникаций, новые формы коммуникаций, значительное увеличение количества групповых коммуникаций и т.п. Если в традиционных контактах у лидеров малых групп в среднем фигурировало число сильных связей от 3 до 15, то с применением новейших средств коммуникаций этот параметр значительно вырос. Сейчас число сильных связей в наиболее эффективных средах социальных сетей типа Facebook или в многопользовательских ролевых онлайн-играх (Massively multiplayer online role-playing game, MMORPG) типа "World of Warcraft" достигает более ста человек. С оптимизацией пользовательского интерфейса средств коммуникаций этот параметр можно еще увеличить. В результате скорость процессов различных типов социализации значительно возрастает. Это значит, что социальные организмы малых групп будут проходить свои жизненные циклы более интенсивно.

В работе представлена модель социального пространства и показано, что в жизни общества регулярно происходят скачкообразные расширения социального пространства. С каждым скачком происходит значительное расширение социальной реальности общественного бытия. По аналогии с техническим, социальный прогресс также неоднозначен в своих проявлениях и несет не только позитивные решения, но и создает проблемы и даже угрозы обществу. Этот фактор угроз проявляется на начальных этапах освоения новых "экологических ниш" социального пространства. И лишь на этапе

зрелого освоения новых возможностей социального пространства формируется адаптивный комплекс мер, проявляемых в виде "социальной культуры стратегий и поведения". Это и есть одна из граней адаптивного механизма общества, когда оно формирует для себя новые просторы социального пространства, а затем обживает его и делает частью своей жизни. Таких примеров в жизни общества было немало – переход из эпохи палеолита в неолит, появление языка, письменности, освоение мореплавания, заселение всей планеты, технический прогресс, интернет и пр.

Восприятие человеком социального пространства и времени – пока еще малоизученная область. Мы еще находимся в рамках привычных стереотипов обычного социального пространства, из которых трудно вырваться. Правда, с появлением киберпространства в виде интернета и множества многопользовательских социальных сервисов ситуация стала меняться. Особенно с появлением многопользовательских систем виртуальной реальности стали проявляться новые, ранее неизвестные грани человеческой реальности. Оказывается, привычная социальная реальность всегда была насыщена всевозможными "артефактами", присущими именно виртуальной реальности. В результате мы приходим к парадоксу: все наше социальное пространство и среда обитания – это результат последовательного освоения человеческим обществом окультуренной части окружающего мира. В этом смысле социальное пространство носит двойственное диалектическое единство – единство реальных основ окружающего мира и искусственных объектов. Сами эти искусственные объекты могут

порождаться в результате преобразования реальных объектов, например, дома, дороги, бытовые предметы. С другой стороны, искусственные объекты могут иметь смысловую (знаковую) природу, например, слова, песни, правила поведения, технологии и деньги. Сейчас уже сложно сказать, что в жизни человека и общества более важно – материальные объекты (пища, жилье и т.п.) или смысловые объекты (язык, речь, письменность и т.п.). Ясно, что без того и другого ни человек, ни общество уже существовать не смогут.

Таким образом, развитие концепции социального пространства следует в осознании, что среда обитания, входящая в социальное пространство, естественным образом включает в себя ВР-среду. Социальное пространство включает физическую среду обитания, сопряженную с пространствами: экономическим, правовым, информационным, культурным, образовательным, политическим и т.д. Социальное пространство основано на регулярной активности людей. Оно имеет динамический характер и формируется совокупностью непрерывных процессов, отношений и взаимозависимостей в социуме, которые иерархически связаны между собой по принципу фрактального самоподобия. Одновременно с эволюцией общества происходит эволюция социального пространства. В настоящее время социальное пространство прирастает ВР, которая расширяет и качественно изменяет среду обитания.

Классификации этапов эволюции интернета

Куда идет эволюция интернета? – вопрос, всегда интересующий множество исследователей. Рассмотрим наиболее интересные

подходы разных современных авторов.

Например, американский предприниматель и веб-футуролог Нова Спивак (Nova Spivack), основатель Twine (www.twine.com), построил обзор прошлого, настоящего и будущего Web, как он это видит [5, 6]. В основе его прогностики лежит оценка качества интеллектуальных технологий. Для этого он построил графическую диаграмму эволюции технологий Web в пространстве семантики информационных и социальных связей. Из графика видно, что Web 3.0 – это эра семантических технологий. Иными словами, – это автоматический анализ и генерация контента при помощи специальных программ. Следующий этап развития интернета, по мнению Нова Спивака, который он называет Web 4.0 (или WebkS), будет иметь статус промежуточного программного обеспечения. То есть, Web начнет функционировать как своеобразная операционная система, или то, что он называет «Интеллектуальные сети».

Известный американский изобретатель и футуролог Рэймонд Курцвейл (Raymond Kurzweil), предсказывает, что к 2029 году, WebkS будет параллелен с человеческим мозгом. Как говорит Курцвейл: «Интеллектуальные машины будут сочетать в себе тонкие и гибкие навыки, отличающие людей (умение распознавать образы), с другими навыками, в которых машины уже превосходят: точное запоминание триллионов фактов, быстрый поиск по огромным базам данных, и загрузка навыков и знаний» [5].

Автор деловых книг, популярный оратор, американец Сет Годин (Seth Godin) считает, что Web 4.0 (или Web4, как он это называет) – это прежде всего «интуитив-

Эволюция Web в терминах социального пространства

Рис. 2. Эволюция Web в терминах социального пространства.

ная прозорливость и сеть с инициативой» [5]. А вот его несколько футуристических примеров будущего Web4, с которыми мы, возможно, скоро встретимся в нашей жизни:

· “Мой компьютер, в роли менеджера проекта, отлично знает все детали последовательности моей схемы бизнес-процесса, по которой я работаю в команде вместе с моими сотрудниками в рамках большого процесса. Он так же знает роль каждого участника проекта в составе моей или другой команды. Мой менеджер проекта, как только у меня возникают затруднения, всегда помогает мне, направляет и корректирует все мои действия и взаимодействия с другими участниками, как того требует бизнес-процесс. Если изменяются сроки, условия или ситуация, он тут же предьявляет наиболее оптимальное решение” [5].

· Вот пример функций личного ассистента. “Я опаздываю на де-

ловую встречу. Мой смартфон с GPS знает это (это известно по моему календарю, местоположению и статусу движения). Смартфон автоматически корректирует время встречи с другими участниками, оповещая меня и других участников, которые должны быть на встрече” [5].

Таксономическая проблема – построение оптимальной классификации этапов эволюции сложных систем – является очень сложной задачей. Здесь нет четких алгоритмов выбора ключевых параметров (или факторов), в основе которых можно построить классификацию этапов эволюции и выстроить понятные вехи между переходами. Чистая интуиция также не всегда помогает – очень легко ошибиться. По сути, это своеобразное предсказание будущего. Для этого нужно обладать опытом мониторинга текущего состояния, нужно уметь выделять значимые тенденции, часто еще не привычные

и не видимые другим. Нужно прекрасно разбираться в основах современных технологий, нужно также обладать огромным опытом междисциплинарных исследований. И вообще, здесь необходим огромный заряд творчества. В этом смысле поставленная задача является не просто предсказанием, а скорее всего сотворением будущего. Предсказывая будущее, мы становимся его невольными творцами, увлекая других исследователей по указанному пути.

Итак, основным отличием прогноза будущего развития интернета в отличие от классификации по технологическому принципу, на котором строят большинство исследователей, мы предлагаем взять за основу принцип эволюции социального пространства (Рис. 2).

Проследим связь социального пространства с эволюцией Web. Авторы предлагают свою версию продолжения классификации от Web 1.0 до Web 5.0.

Web 1.0 - контент заранее создается в виде гипермедиа на языке разметки HTML и размещается на сайте, а пользователи могут только смотреть фиксированную информацию. Web 2.0 - включает в себя все предыдущие возможности, но пользователи могут сами размещается на сайте и редактировать свою информацию (форумы, блоги, Wiki, Twitter и пр.). Web 3.0 - дополнительно использует различные алгоритмы преобразования, вычисления и генерации нового контента, например, построение рейтингов, преобразование и синтез текстов и т.п. Социальные сети в некоторой степени выходят за рамки Web 3.0, там появляются возможности пользователям объединяться в группы. Это уже начальная фаза формирования виртуального обитаемого

пространства, например, в социальной сети Facebook. Особняком стоят рабочие группы в Google, или многопользовательские ролевые онлайн-игры (ММкRPG). В этих сетевых многопользовательских системах появляется предпосылки обитаемого виртуального пространства, где множество пользователей могут не только перемещаться, но и иметь свои закрытые "территории". В этом смысле следующее поколение Web 4.0 - имеет явное развитие реального социального пространства в такие виртуальные обитаемые миры, в которых пользователи могут перемещаться и действовать подобно реальному миру. Но Web 4.0 имеет фиксированное виртуальное пространство, которое создается разработчиками таких систем, а пользователи приходят и заполняют только те просторы виртуального пространства, которые им предоставлены. Ключевым отличием Web 4.0 является возможность разобщенным пользователям порождать новые группы не формально (посещением заданного ресурса), а реальной социализацией в настоящий групповой социальный организм, подобно тому, как это происходит в реальности (свои цели, ценности, идентификация и пр.). Следующий шаг - Web 5.0. Здесь пользователи получают новую дополнительную возможность - порождать свою закрытую территорию группы в виртуальном пространстве. Иными словами, в сообществе постоянно порождаются, живут и умирают различные группы. Для каждой группы необходимо свое пространство, защищенное от чужих. В этих непрерывных циклах самоорганизации групп, как живых организмов, необходимо создавать на стадии становления групп новые виртуальные территории, принад-

лежащие группам. Понятно, что вручную этот процесс буде весьма утомителен и сложен. Поэтому каждый социальный организм группы должен сам по себе формировать свои защищенные территории. Конечно, в реальной жизни такие процессы происходят двояко – частично территория для группы “отщипывается” от свободной территории сообщества, частично перераспределяется за счет других групп и освободившихся территорий. Здесь же в ВР-среде проблем с ограничениями территории нет. Все зависит от стратегии заселения виртуального мира.

Литература

1. Рыжов В.А., Рыжов С.В. Модель пространства и времени виртуальной социальной среды // «Социология», 2010, № 4.

2. Бурдые Пьер. Социология социального пространства. - М.: Ин-т экспериментальной социологии; СПб.: Алетейя, 2007, с.288.

3. Allison Cavanagh. Sociology in the age of the Internet. / University Press, 2007. ISBN 0335229581, 9780335229581. p.224

4. <Using Applied Sociology to Navigate Internet Communities / <http://www.appliedsoc.org/internet/>

5. Callari Ron <Web 4.0,Trip Kown the Rabbit Hole or Brave New World? . Постинг от 03.06.2009 / <http://www.zmogo.com/web/web-40trip-down-the-rabbit-hole-or-brave-new-world/>

6. Nova Spivack <The Evolution of the Web: Past, Present, Future . Постинг от 21.11.2009 / <http://www.novaspivack.com/uncategorized/the-evolution-of-the-web-past-present-future>

Проблема знания в радикальном конструктивизме Э. фон Глазерсфельда

Корбан И. В.

В предложенной статье предметом рассмотрения выступают взгляды на проблему знания и познания одного из основоположников радикального конструктивизма Э. фон Глазерсфельда. Несмотря на дискуссионный характер обозначенных положений, они постоянно фигурируют в различных областях современной науки. Ключевые слова: радикальный конструктивизм, эпистемология, знание, познание, конструирование, жизнеспособность.

Korban Inna Viktorovna
THE PROBLEM OF KNOWLEDGE IN E. VON GLASERSFELD'S RADICAL CONSTRUCTIVISM

In the proposed article the subject of consideration are the views at the problem of knowledge and cognition of one of the founders of radical constructivism E. von Glasersfeld. Despite the controversial nature of the provisions outlined, they always appear in the various fields of modern science. Keywords: radical constructivism, epistemology, knowledge, cognition, designing, viability.

Радикальный конструктивизм, согласно определению, данному одним из его основоположников Э. фон Глазерсфельдом, представляет собой неконвенционалистский подход к проблемам знания и познания¹. Базовое положение эпистемологической парадигмы радикального конструктивизма гласит, что знание как таковое всегда находится в сознании людей, а мыслящий субъект не может поступать никаким иным образом, кроме как конструировать его, опираясь на собственный опыт. Соответственно, возможность научного познания внешней реальности радикальным конструктивизмом полностью отвергается.

Истоки данной точки зрения относятся к античному скептицизму с его положением о том, что все идеи и знания субъект так или иначе получает из опыта, который включает в себя ощущения, мышление, деятельность и т.д. Поэтому справедлив тезис Ксенофана о том, что даже если кому-то удастся описать точно, каков мир на самом деле, у него (неё) всё-таки не будет возможности удостовериться, действительно ли это яв-

ляется «истинным» описанием, поскольку потребуется доступ к тому миру, который не включает в себя наших опытных знаний о нём.

Данные идеи получили своё продолжение в трудах Дж. Локка, Дж. Беркли, Д. Юма и были окончательно закреплены Кантом, когда он «предположил, что понятия пространства и времени являются необходимыми формами человеческого опыта, а не характеристиками Вселенной. Это означало, что мы не можем даже представить, на что структура реального мира могла бы быть похожа, так как что бы мы ни называли структурой, это обязательно расположено в пространстве, времени или в них обоих»². Исторически конструктивистские тенденции прослеживались также в трудах учёных, работавших в других областях науки (теоретической биологии, нейрофизиологии и нейробиологии, психологии, психиатрии, кибернетике, синергетике, математике и др.)

Одним из основоположников радикального конструктивизма является Э. фон Глазерсфельд. В своих работах учёный подвергает критике в первую очередь те из положений теории познания, которые всегда казались естественными и непоколебимыми:

а) что полностью структурированный мир существует независимо от познающего субъекта;

б) что субъект имеет задачу выявить, что представляет собой «реальный» мир и какова его структура.

Как утверждает фон Глазерсфельд, «эти предположения неизбежно приводят к парадоксу. Что бы ни воспринимал или ни понимал человеческий субъект, необходим результат его способов и средств восприятия и понимания.

Не существует способа сравнения результатов этой деятельности с тем, что могло бы существовать самостоятельно, потому что доступ к предполагаемой «реальности» может быть получен только через еще один акт восприятия и понимания»³. А поскольку не существует процедур для разрешения указанного парадокса, представители радикального конструктивизма производят «решительный «сдвиг проблематики». В центре [теперь] находится не проблема обоснования знания, а исследование самого процесса (биологического, нейрофизиологического, психологического) создания конструкций, которые оказываются «последней реальностью», с которой может иметь дело человеческое познание. Центральным, таким образом, становится вопрос о том, как возникает знание наблюдателя о мире, который он воспринимает как свой собственный»⁴.

В рассуждениях о механизмах познавательного процесса фон Глазерсфельд во многом руководствуется биологическими (У. Матурана, Ф. Варела) и психологическими (П. Вацлавик, Г. Бейтсон) концепциями. Он также неоднократно апеллирует к генетической эпистемологии Ж. Пиаже и её принципам; исследуя когнитивное развитие у детей, французский учёный пришел к часто цитируемому выводу: «Разум организует мир, организует себя»⁵.

Согласно Пиаже, знание возникает в результате активной деятельности субъекта, который, координируя свой опыт, конструирует собственный мир. При этом главное, что придает полученному знанию структурированность, — это целеориентированный характер любой деятельности. Функция когнитивной практики, таким образом, представляется не

как репрезентация онтологической реальности, а как поиск наиболее оптимальных способов приспособления к окружающему миру: «Приспосабливаться — означает находить возможности и средства, чтобы обходить сопротивления и препятствия переживаемого окружающего мира. Это можно назвать выстраиванием, конструированием подходящих и содействующих выживанию способов действия и поведения»⁶. Получаемые знания, ввиду изложенного, не дают и не могут дать картину онтологически реального мира; однако, они обеспечивают более или менее надёжные способы работы с опытом, то есть способы достижения своих целей. Проблема истинности полученного знания, таким образом, заменяется вопросом его жизнеспособности — способности поддерживать свою полезность и служить достижению целей.

Это, в свою очередь, означает, что знание может являться жизнеспособным, даже не претендуя на истинность, поскольку истинность традиционно понимается как соответствие онтологически реальному миру: «В отличие от понятия «истинность» (описаний), которое потребовало бы соответствия, то есть общих точек между картиной и тем, что она предназначена представлять, понятие «жизнеспособность» (которое относится к действиям и способам мышления), требует готовности, и должно быть охарактеризовано именно отсутствием общих точек, поскольку это были бы точки трения или столкновения»⁷.

Получается, что любая наука, любое знание с позиций радикального конструктивизма, являясь продуктом опыта, носит контекстуальный характер. Знание — это когнитивная практика, и в каждой конкретной ситуации необхо-

димо анализировать, кто изучал, что, когда и с какой целью. В контексте вышеизложенного, фон Глазерсфельд предьявляет к науке идеал открытости мышления, так как ни одна научная теория не может быть защищена от опровержения новыми фактами или открытиями, а потому ученые должны приветствовать вновь возникающие решения сложных научных проблем, даже если эти решения влекут за собой тотальное изменение образа мышления и гибель теорий, которые хорошо рекомендовали себя в прошлом. Учёный констатирует: «Взгляд на историю научных идей сразу показывает, что ученые не всегда стремятся к этому идеалу открытости мышления. Концепции и методы, которые они взрастили, часто кажутся такими же непоколебимыми, как и любой предмет религиозной веры, и виновные в инновации, как правило, рассматриваются как еретики»⁸.

Как утверждает фон Глазерсфельд, «проблема заключается в том, что на протяжении всей западной истории идей и вплоть до наших дней, два необходимых элемента рассматривались как фундаментальные в любой эпистемологической дискуссии о знании. Первый из этих необходимых элементов требует, чтобы все, что мы хотели бы называть «истинным знанием», было независимым от познающего субъекта. Второй необходимый элемент заключается в том, что знание должно быть принято серьезно только тогда, когда оно претендует на то, чтобы представлять мир «вещей в себе» в более или менее достоверной форме. Другими словами, это автоматически само собой разумеется, что полностью структурированный и познаваемый мир «существует», и что это дело познающего челове-

ческого субъекта – обнаружить, что представляет из себя эта структура»⁹.

В парадигме радикального конструктивизма все познание, весь опыт целиком и полностью зависят от субъекта. И хотя принципиальная возможность существования некоей объективной реальности конструктивистами допускается, всё-таки эта допустимость оказывается совершенно бесполезной для субъекта в процессе конструирования им социальной реальности. Суть данного утверждения раскрывается фон Глазерсфельдом в следующих двух позициях:

1. Познающие субъекты не приобретают знаний только ради удовольствия. Все свои отношения они развивают через свой опыт: им начинает нравиться один опыт и не нравится остальной. Поэтому они начинают действовать целенаправленно, стремясь повторить то, что им нравится, и избежать того опыта, который им не нравится. Субъект пытается добиться этого, поскольку полагает, что должны существовать закономерности (законы) в мире нашего опыта (как сказал Матурана, биологические организмы работают индуктивно; они полагают, что то, что сработало однажды, будет работать снова). Один из видов знания, поэтому – знание того, что работало в прошлом.

2. Знание, с данной позиции, не должно быть охарактеризовано как «картина мира». Оно вообще не отражает мир – оно отображает, что кто-то может и чего не может сделать.¹⁰

Вопрос объективности отражения окружающей действительности, таким образом, в радикальном конструктивизме снимается либо не возникает вообще. Единственный доступный субъекту ре-

альный мир – тот, который он сам конструирует в процессе познания. В работах фон Глазерсфельда проблематика знания получает принципиально иное истолкование: оно выступает не в качестве модели онтологической действительности, максимально приближенной к своему идеалу, а скорее в качестве образа действия.

В основании данного истолкования природы знания лежит предложенное Пиаже понимание когнитивной активности ребенка как метода проб и ошибок (формирование «операционных схем»): ни одно живое существо не приобретет знания до тех пор, пока не начнет предпринимать активных действий (субъект не начнет познавать, пока ему не встретится то или иное препятствие). В общем виде данный тезис, развиваемый фон Глазерсфельдом, был сформулирован современным исследователем конструктивистской проблематики С.А. Цоколовым: «в процессе познания познающий не извлекает позитивное знание (информацию) о вещах и явлениях из внешнего мира, как они есть, а организует в ту или иную связную картину тот негативный опыт от неудавшихся действий, который сам же рекурсивно эти препятствия внешней среды когнитивно определяет»¹¹.

Подобная точка зрения позволяет осуществить качественный переход: от попыток описания объективной реальности к функциональной эффективности получаемых знаний (данная позиция также развивалась в прагматизме, инструментализме и операционализме). Цель любого познания, таким образом, сводится к тому, чтобы выстраивать такие модели реального мира, которые могли бы наиболее логично упорядочить наличный опыт и обеспечить опти-

мальное решение практических задач. В подтверждение своей позиции фон Глазерсфельд неоднократно обращается к постулату Пиаже об адаптивной функции знания: «Для Пиаже ... знание не является и никогда не может быть «представлением» о реальном мире. Вместо этого, оно является набором концептуальных структур, которые оказываются адаптивными или, как я бы сказал, жизнеспособны в диапазоне опыта субъекта»¹².

Истолкование познания как процесса, функционально неотделимого от действия, ведет к отказу от какой бы то ни было онтологии: «Когниция имеет адаптивную функцию и состоит не в отражении объективной действительности, а в продуцировании «адаптивных» способов поведения. Знание есть конструктивно-понятийное образование, которое не должно вступать в конфликт с опытным миром»¹³. По утверждению фон Глазерсфельда, радикальность радикального конструктивизма заключается «...прежде всего в том, что он порывает с общепринятой традицией и предлагает теорию познания, в которой понятие знания больше не соотносится с «объективной», онтологической действительностью, а определяется единственным образом как установленный порядок и организация опытного мира, формируемого в процессе жизни»¹⁴. Такая деонтологизация философии с необходимостью влечет за собой мировоззренческий плюрализм: признание множества различных равноправных версий реальности.

Указанные положения радикального конструктивизма многократно подвергались критике за недопустимость философских обобщений относительно выводов, полученных в рамках естествен-

нонаучного знания, либо за риск вырождения в солипсизм. Вообще, любые обвинения в солипсизме конструктивистами решительно отвергаются. Вот что фон Глазерсфельд утверждает на этот счет: «...вопрос – почему мы не можем построить какой-либо реальности, которая нам нравится – может быть поднят, только если концепция жизнеспособности неправильно понимается или игнорируется. Абсурдность солипсизма берёт начало с отказа от любой связи между знанием и не зависящим от переживающего миром. Радикальный конструктивизм постарался подчеркнуть, что вся деятельность, будь то физическая или концептуальная, подвергается ограничениям... жизнеспособность действия показывает не более чем «реальный» мир, оставляющий нам возможность действовать таким образом. И наоборот, когда мои действия терпят неудачу, и я вынужден сделать физическую или концептуальную аккомодацию, это не оправдывает предположения, что моя неудача показывает что-то, что «существует» вне моего опыта. Любое препятствие, я мог бы предположить, может быть описано только в терминах моих собственных действий»¹⁵.

Несмотря на обилие критики положений радикального конструктивизма, XX век изобилует постоянством апелляций к ним в различных областях науки, а также в искусстве. Идеи радикального конструктивизма, в своих истоках восходящие к античному скептицизму, получили наиболее полное раскрытие (в том числе в форме практической направленности, целеориентированности) только во второй половине XX века – времени бурного развития науки, культурных и социальных революций, перманентного ускорения

темпов развития человеческого общества в целом.

Дискурс радикального конструктивизма является одним из наиболее ярких примеров междисциплинарного знания. Сложно не согласиться с утверждением С.А. Цоколова, что радикальный конструктивизм – это «мощная методологическая база для построения здания современной науки»¹⁶. Кризис фундаменталистской парадигмы в философии (связанный с принципиальным размежеванием «сознания» и «мира») требует выработки новых подходов к проблемам онтологии и теории познания. Представляется вполне возможным, что в этой роли могут выступать именно положения радикального конструктивизма.

Литература

1. Glasersfeld E., von An Exposition of Constructivism: Why Some Like it Radical // www.oikos.org/constructivism.htm
2. Glasersfeld E., von Aspects of Radical Constructivism // www.vonglaserfeld.com/ 191 – 17 P.
3. Glasersfeld E., von Facts and the Self from a Constructivist Point of View // www.vonglaserfeld.com/122 – 17 P.
4. Glasersfeld E., von Radical Constructivism. – London: Falmer Press, 1996. – 245 p.
5. Piaget J. La construction du réel chez l'enfant. – Paris.: Neuchâtel, Kelachaux et Niestle, 1937. – 398 p.
6. Кезин А.В. Радикальный конструктивизм: идеи, аргументы, критика // Философия науки и научно-технической цивилизации: юбилейный сборник (<http://www.philosophy.ru/library/msu/kon/sbornik.html>)
7. Кезин А.В. Радикальный конструктивизм: познание в «пещере» // mydump.ru/?p=654.
8. Цоколов С.А. Дискурс радикального конструктивизма. Традиции скептицизма в современной философии и теории познания. – München: Gesellschaft zur Forderung von Unternehmungen aus Kunst und Wissenschaft im interdisziplinären Rahmen, 2000.
9. Цоколов С.А. Философия радикального конструктивизма Эрнста фон Глазерсфельда // mydump.ru/?p=658.

Ссылки:

- 1 См.: Glasersfeld, E. von. Radical Constructivism. – London: Falmer Press, 1996. – P. 1.
- 2 Glasersfeld E., von An Exposition of Constructivism: Why Some Like it Radical // <http://www.oikos.org/constructivism.htm>.
- 3 Glasersfeld E., von Aspects of Radical Constructivism // www.vonglaserfeld.com/191 – P. 1-2.
- 4 Кезин А.В. Радикальный конструктивизм: познание в «пещере» // Радикальный конструктивизм: познание в «пещере» // Вестник Московского университета. – Серия 7. Философия. – №4. – 2004. – С. 8.
- 5 Piaget J. La construction du réel chez l'enfant. – Paris.: Neuchâtel, Kelachaux et Niestle, 1937. – P. 311.
- 6 Кезин А.В. Радикальный конструктивизм: познание в «пещере» // Радикальный конструктивизм: познание в «пещере» / Вестник Московского университета. – Серия 7. Философия. – №4. 2004. – С. 10.
- 7 Glasersfeld E., von Facts and the Self from a Constructivist Point of View // www.vonglaserfeld.com/122 – P. 6.
- 8 Glasersfeld E., von Aspects of Radical Constructivism // //

www.vonglaserfeld.com/ 191 – P 1.

9 Glaserfeld E., von An Exposition of Constructivism: Why Some Like it Radical // <http://www.oikos.org/constructivism.htm>.

10 См.: Glaserfeld E., von Facts and the Self from a Constructivist Point of View // www.vonglaserfeld.com/122 – P. 3.

11 Цоколов С.А. Философия радикального конструктивизма Эрнста фон Глазерсфельда // <http://mydump.ru/?p=658>

12 Glaserfeld E., von Aspects of Radical Constructivism // www.vonglaserfeld.com/191 - P.6.

13 Кезин А.В. Радикальный конструктивизм: идеи, аргументы, критика // Философия науки и научно-технической цивилизации: юбилейный сборник (<http://>

www.philosophy.ru/library/msu/kon/sbornik.html)

14 Цоколов С.А. Дискурс радикального конструктивизма. Традиции скептицизма в современной философии и теории познания. – Munchen: Gesellschaft zur Forderung von Unternehmungen aus Kunst und Wissenschaft im interdisziplinaren Rahmen, 2000. – С. 58.

15 Glaserfeld E., von An Exposition of Constructivism: Why Some Like it Radical // <http://www.oikos.org/constructivism.htm>

16 Цоколов С.А. Дискурс радикального конструктивизма. Традиции скептицизма в современной философии и теории познания. – Munchen: Gesellschaft zur Forderung von Unternehmungen aus Kunst und Wissenschaft im interdisziplinaren Rahmen, 2000. – С. 318.

Экономическая культура как социальный медиатор: диалектика культурного и экономического начала

Миннегалиев И.М.

Предметом рассмотрения статьи выступает экономическая культура как целостное общественное образование, выступающее посредником по переводу ценностей из сферы духовной в материальную. Особое внимание уделено осмыслению взаимодействия культурной и экономической составляющей этого феномена. Ключевые слова: социальное наследование, социальное управление, экономическая культура, экономическая рациональность.

Minnegaliev Ilshat Mauzirovich

Economic culture as the social mediator: dialectics of the cultural and economic beginning

As subject of consideration of article the economic culture as the complete public education mediating on translation values from sphere spiritual in the material acts. The special attention is given judgement of interaction of a cultural and economic component of this phenomenon. Keywords: social inheritance, social management, economic culture, economic rationality.

Широко ныне распространенный в социально-экономических исследованиях термин «экономическая культура» помимо предиката «экономический» содержит весьма важный термин «культура». Последний отсылает к явлению, выступающему предметом изучения целого комплекса наук – от социологии и философии до антропологии и истории. В самом широком смысле под культурой понимается все созданное человеком, ее истолковывают как «социальную наследственность» или «социальную память», как внутреннее, духовное развитие и богатство человека; как образ жизни определенного народа и т.п. «Культура включает в себя ценности, носителями которых являются члены определенной группы, нормы, которым они следуют и материальные и духовные блага, производимые ими»¹. Все приведенные выше характеристики культуры отражают разные стороны этого многообразного социального явления, однако мало что дают для понимания того, что собой представляет экономическая (организационная и корпоративная) культура.

Ставя задачу дать определение этому феномену именно с позиций культуры, необходимо иметь ввиду, что большая часть современных исследователей в этом случае склоняется к социологическим подходу, руководствуясь тем соображением, что корпорации по своей сути являются особой социально-экономической группой. Кроме того, в отличие от других гуманитарных наук, социология рассматривает культуру в ее взаимосвязи с социальными институтами. Поэтому не случайно, что именно в сфере социологического знания мы находим ряд понятий, близких к проблематике: «культура предприятия», «культура управления» и т.д. Каждое из указанных явлений имеет свою специфику и относится к соответствующим социальным институтам (производство, управление и т.д.).

Последнее позволяет нам - уже в культурологическом разрезе - квалифицировать интересующий нас феномен как особую «субкультуру». Под «субкультурой» в этом узком значении термина следует понимать определенные культурные комплексы, свойственные небольшим и средним социальным группам. Можно сформулировать целый ряд признаков, по которым в современном мире формируются субкультурные общности: национальность, религия, род занятий, регион, пол, возраст, классовые и микросоциальные различия внутри социума. Изучение таких субкультур представляется важным, поскольку каждое общество имеет не просто один гомогенный вид культуры, но достаточно пеструю мозаику взаимодействующих субкультур. Жизнь конкретных людей протекает главным образом в рамках определенных субкультур.

Тот бесспорный факт, что экономическая культура формирует-

ся в контексте общей культуры, присущей данному обществу, не отменяет один из ее определяющих признаков: экономическая культура (особенно в форме культуры корпоративной) содержит в себе ценности и нормы, которые могут весьма существенно отличаться от ценностей и норм, господствующих в доминирующей культуре. Культура социальна в том смысле, что культурные привычки разделяются людьми, живущими в организованных коллективах, и сохраняют свое относительное единообразие под воздействием социальных факторов. Иными словами, это групповые привычки, общие для членов определенной социальной группы.

Помимо социологии развитый категориальный инструментарий для изучения феномена «культура» предоставляет современное антропологическое знание. Ряд определений, выработанных этой отраслью гуманитарного знания, представляются крайне важными для описания интересующей нас проблематики. Так, например, феномен культуры, проинтерпретированный в качестве «социального опыта», отсылает исследователя к особым способам трансляции и аккумуляции группового опыта. В то же время процесс формирования и накопления традиций является ключевым для анализа закономерностей экономической (организационной и корпоративной) культуры. Помимо этого ряд авторов склонны считать способность к обучению культурной способностью по преимуществу, придавая ей значение одного из конститутивов собственно человеческого состояния. К примеру, согласно взглядам Ч.Хокке-та, культура может в пределе быть сведена к совокупности привычек, транслируемых в процессе обучения и взаимодействия².

Этот аспект является важным для интерпретации корпоративной культуры, поскольку люди переживают нормативную систему корпорации во многом в порядке научения от лидеров-руководителей и от «старожилых» компаний. Однако не всякое научаемое поведение может быть отнесено к культуре социальной группы. Поэтому в определениях культуры часто подчеркивается, что культура – это «поведение, общее для членов определенного сообщества», это «общие для членов общества паттерны (стереотипы) научаемого поведения», «культура состоит из общих и более или менее стандартизированных идей, установок и привычек»³. В этой трактовке справедливо подчеркивается, что культурные нормы и образцы поведения должны быть общими для многих людей, типичными и стандартными. Однако при этом нужно учитывать, что в культуре больших корпораций могут одновременно присутствовать несколько различающихся и даже соперничающих субкультур.

Наконец, еще одна значимая в контексте данного исследования традиция в трактовке понятия «культура» сводится к его определению через трансляцию intersубъективных идей, ценностей и представлений, значимых внутри конкретного социума. Применительно к корпоративной культуре такого рода идеи – это ценности, цели, общие схемы «видения» и т.п. Наконец, следует отметить, что культура способствует удовлетворению исходных биологических потребностей и вторичных потребностей, возникающих на их основе. «Культура состоит из привычек, а психология показывает, что привычки существуют лишь до тех пор, пока приносят удовлетворение. Удовлетворение под-

крепляет привычки, упрочивает их и воспроизводит, в то время как отсутствие удовлетворения неизбежно приводит к их угасанию и исчезновению»⁴. Итак, обстоятельный анализ феномена экономической культуры предполагает предварительную локализацию экономической системы в пространстве культуры, экспликацию ее особой координатной сетки.

Одним из авторов, кто уделил серьезное внимание данной проблематике, был крупнейший экономист XX века, представитель институционалистской школы Дж. Гэлбрейт. В своих трудах учёный исследовал факторы формирования крупных корпораций акционерного типа. В качестве ключевых процессов, способствовавших росту корпораций, он выделил следующие: роль государственного планирования экономического развития должна быть существенно усилена; во главе предприятий должны стоять профессионалы, в том числе – технические специалисты-администраторы (учёный относит их к особой социальной группе, которую он называет «техноструктурой»); применение новейших технологий неизбежно интенсифицирует производительность труда в корпорациях. В итоге, согласно взглядам ученого, в обществе складываются две системы – «рыночная», охватывающая преимущественно мелкие хозяйства, и «планирующая», куда входят корпорации, взаимодействующие с государством. Исходя из качественно изменившихся в XX веке объективных условий хозяйственного развития, учёный решительно опровергает устаревшие положения неоклассицизма о подчинении целей экономической системы интересам отдельного человека, о свободной и совершенной конкуренции мелких товаропроиз-

водителей, о рыночном саморегулировании национальной экономики, о преимуществах хозяйственной деятельности единоличных собственников, о соединении в лице предпринимателя собственника, организатора производства и получателя дохода⁵.

В целом, рамках своей концепции исследователь выделяет следующие основные нововведения и изменения, произошедшие в экономической жизни в XX веке: во-первых, применение все более сложной и совершенной техники в сфере материального производства, связанное с его укрупнением. Всё это требует крупных вложений капитала, а также высококвалифицированных специалистов. Из этих перемен вытекает необходимость и возможность создания крупных хозяйственных организаций. Только такие организации в состоянии привлечь необходимый для современного производства капитал; только они могут мобилизовать рабочую силу требуемой квалификации.

Во-вторых, расширение сферы деятельности корпораций. Если в начале XX века деятельность последних ограничивалась такими отраслями, в которых производство должно было вестись в крупном масштабе (железнодорожный и водный транспорт, производство стали, добыча и переработка нефти, некоторые отрасли горнодобывающей промышленности), то в 70-е годы XX века корпорации стали охватывать также бакалейную торговлю, мукомольное дело, издание газет и даже увеселительные предприятия - словом, все те виды деятельности, которые некогда были уделом индивидуального собственника или небольшой фирмы. При этом множестве принадлежащих корпорациям предприятий, производящих сотни ви-

дов продукции, крупнейшие фирмы используют оборудование стоимостью в миллиарды долларов и привлекают к труду сотни тысяч работников. Так, на долю пятисот крупнейших корпораций приходится почти половина всех товаров и услуг, производимых в Соединенных Штатах.

В-третьих, произошло разделение предпринимателя-собственника, организатора производства и получателя дохода. Гэлбрейт отмечает, что в начале XX века корпорация была инструментом ее владельцев и отражением их индивидуальности. Имена этих магнатов - Карнеги, Рокфеллер, Гарриман, Меллон, Гугенгейм, Форд - были известны всей стране. Те, кто возглавляет теперь крупные корпорации, как правило, безвестны. Эти люди не являются собственниками сколько-нибудь существенной доли данного предприятия. Их выбирают не акционеры, а, как правило, совет директоров.

В-четвертых, изменились взаимоотношения между государством и экономикой. Начиная с 20-х годов XX века доля экономической деятельности государства возросла примерно в четыре раза и составила в 70-е годы 20 - 25%.

В-пятых, достаточно серьезно видоизменились и экономические функции государства. Так, государство в современных условиях берет на себя задачу регулирования совокупного дохода, расходовемого на приобретение товаров и услуг, в масштабе всей экономики. Оно стремится обеспечить достаточно высокий уровень покупательной способности, позволяющей реализовать всю продукцию, которую может произвести существующая в данный момент рабочая сила. Если эта деятельность приводит к достижению высокого уровня занятости, правительство

стремится не допустить повышения цен в результате роста заработной платы, равно как и повышения заработной платы под давлением роста цен, упорно движущихся вверх по спирали, - хотя в данном вопросе деятельность правительства носит более осторожный характер и встречает меньшую поддержку со стороны общественности.

В-шестых, можно отметить упадок профсоюзов. Число членов профсоюзов в США достигло максимума в 1956 г. С тех пор занятость, естественно, продолжала расти, а число членов профсоюзов в целом уменьшалось.

В-седьмых, произошли структурные изменения в профессиональном составе рабочей силы. Существенно возросло число лиц, желающих получить высшее образование, и наряду с этим, в несколько более умеренной степени, увеличились реальные возможности для его получения.

В-восьмых, возросла роль планирования. Привлечение крупного капитала и соответствующая организация производства требуют - задолго до того, как можно будет воспользоваться его результатами, - предвидения и, более того, принятия всех возможных мер, которые гарантировали бы, чтобы это предвидение действительно сбылось⁶.

Далее, сам характер техники и связанные с ней потребности в капитале, а также время, которое занимает разработка и производство продукции, еще более настоятельно диктуют необходимость государственного регулирования спроса. Корпорация, рассматривающая вопрос о производстве автомобиля новой модели, должна иметь возможность убедить людей купить его. Столь же важно, чтобы население располагало необхо-

димыми для этого средствами. Это приобретает решающее значение, когда производство требует весьма крупных и долгосрочных капиталовложений, а продукция может с равной степенью вероятности попасть на рынок и во время депрессии, и во время подъема. Возникает необходимость стабилизации совокупного спроса. Нельзя не обратить внимания в этой связи как разросся аппарат рекламных служб, связанный с продвижением товаров на рынке. По средствам, которые расходуются на эту деятельность, и прилагаемым усилиям, которые находят в ней применение, она все более соперничает с непосредственным процессом производства товаров

Следует также обратить внимание, что такие процессы, как увеличение роли планирования в экономической сфере, привели к снижению степени свободы в рамках данной сферы. Кроме того, дифференциация экономических ролей на инвестора, собственника, организатора, рабочего и получателя дохода говорит о "перешагивании" через существовавшие в сфере экономики традиции. В комплексе этих черт и заключается одна из базовых специфических особенностей феномена экономической культуры. Итак, можно констатировать, что экономическая культура представляет собой сложное многосоставное понятие. Такая многосоставность проявляется прежде всего в том, что различные ее аспекты проявляются сразу в нескольких социально-антропологических плоскостях. Кроме того, экономическая культура осуществляет одну из своих специфических функций: она помогает социуму понимать и оценивать агента экономического действия, соотнося его деятельность с поведенческими стереотипами,

которые находятся в этой же социальной плоскости. Отметим и то обстоятельство, что экономические институты определяют саму парадигму и способ действия индивида в условиях как рыночного, так и планового хозяйства. Наконец, еще одна особенность феномена экономической культуры выражается в синтезировании культурных и экономических институтов.

Обобщая изложенное выше, можно констатировать, что проявляя какую-либо экономическую активность, индивид провоцирует и стимулирует внешний контекст на ответные действия; в свою очередь, ответные действия социального контекста вынуждают индивида к инициативе нового порядка. Можно заключить, что феномен экономической культуры является тем местом в координатной сетке социальной сферы, где происходит синтез или, другими словами, интеграция взаимных экономических претензий и интересов индивида и внешнего ему социального контекста. Уместно будет предположить, что при условии осмысления механизмов конституирования и функционирования феномена экономической культуры можно получить дополнительные рычаги управления экономическими и социальными процессами, что даст определенные преимущества в достижении экономической стабилизации.

Таким образом, экономическая культура - это часть более широкой системы - общей культуры общества. Если культура представлена во многих сферах - искусстве, науке, политике, праве, религии, морали и экономике, то говоря об экономической культуре, мы имеем в виду те традиции, привычки, сложившиеся нормы поведения, которые реализуются

в сфере экономики и связаны с экономической деятельностью людей. Однако экономическая культура связана не только со сферой экономики, но одновременно и со сферой социальных отношений. С одной стороны, привычное экономическое поведение люди реализуют на множестве рынков - на рынке товаров и услуг при покупке каких-либо товаров; на рынке труда при приобретении рабочих мест; на рынке финансов, где они осуществляют операции с деньгами и т.п. Рынки и отношения на них - это та среда, внутри которой функционируют люди, являющиеся субъектами экономики и одновременно носителями экономической культуры. В экономической культуре эти две среды - экономическая и социальная - соединены в единое целое, поскольку социальные отношения всегда пронизаны экономическими.

Каждый сегмент экономического пространства формирует свои собственные стереотипы действия, среди которых мы можем выделить три главные группы: (1) ориентация на приобретение выгодных рынков сбыта продукции в области внешнеэкономической политики; (2) устойчивые интересы людей в сохранении рабочих мест, повышении оплаты труда в сфере занятости; (3) устойчивые ориентации на приобретение земли и прибыльных предприятий - в сфере отношений собственности. О чем свидетельствуют данные стереотипы? О *символической* природе экономической культуры, и - как следствие - преобладании *культурного* начала в данном феномене над сугубо экономическим. Вместе с тем, главные различия в системе экономической культуры проявляются не между различными сферами ее реализации, а меж-

ду различными социальными субъектами – группами населения или общностями, культура которых, так или иначе, отличается.

Подводя итог можно сказать, что при всех особенностях экономических культур разных стран везде сохраняются одни и те же структурные закономерности. Если говорить об экономической культуре, то это всегда и везде своеобразный медиатор между широким комплексом политико-правовых, идеологических и прочих условий той или иной страны и собственно поведением ее субъектов. В этом смысле экономическую культуру следует признать своеобразным посредником по переводу ценностных и идейных ориентаций из духовной (символической, культурной) сферы в материальную. В данном случае экономическая сфера олицетворяет ценности и интересы в материальном действии – в производстве товаров и услуг, в финансовых операциях, в торговых сделках, получении кредита, выплате налогов, внедрении новых технологий и т.п.

Литература

1. Гидденс, Э. Социология / Пер. с англ.; науч. ред. В. А. Ядов; общ. ред. Л. С. Гурьевой, Л. - Н. Посилевича. — М.: Эдиториал УРСС, 1999. — 703 с.

2. Кафанья, А.К. Формальный анализ определений понятия «культура» / А.К.Кафанья / пер.

В.Г. Николаева // Антология исследований культуры: В 2 т. - Т. 1. Интерпретации культуры / сост. С.Я. Левит. - СПб.: Университетская книга, 1997. - С. 91-115.

3. Мердок, Дж. Фундаментальные характеристики культуры // Антология исследований культуры: В 2 т. - Т.1. Интерпретации культуры.- СПб.: Университетская книга, 1997. - С. 49-56.

4. Гэлбрейт, Дж. Новое индустриальное общество / Дж. К. Гэлбрейт. - М.: Прогресс, 1969.- 479 с.

Сылки:

1 См.: Гидденс, Э. Социология / Пер. с англ.; науч. ред. В. А. Ядов; общ. ред. Л. С. Гурьевой, Л. - Н. Посилевича. — М.: Эдиториал УРСС, 1999. - С. 43.

2 См.: Кафанья, А.К. Формальный анализ определений понятия «культура» / А.К.Кафанья / пер. В.Г. Николаева // Антология исследований культуры: В 2 т. - Т. 1. Интерпретации культуры / сост. С.Я. Левит. - СПб.: Университетская книга, 1997.- С. 102.

3 Там же.

4 См.: Мердок, Дж. Фундаментальные характеристики культуры // Антология исследований культуры: В 2 т. - Т.1. - СПб., 1997. - С. 52

5 См.: Гэлбрейт, Дж. Новое индустриальное общество / Дж. К. Гэлбрейт. - М.: Прогресс, 1969. - С. 234-237

6 См. подр.: Гэлбрейт, Дж. Новое индустриальное общество / Дж. К. Гэлбрейт. - М.: Прогресс, 1969. - С. 250-259.

Россия и арабский Восток. Из истории взаимоотношений

Экарева И.Л.

В статье рассматривается история отношений Руси и России со странами арабского Востока. Эти отношения складывались и развивались с начала существования Киевской Руси, а впоследствии – Московского царства и Российской империи, представляя собой одно из основополагающих явлений международных отношений и мирового развития. В статье исследуется двусторонний процесс развития торгово-экономических отношений и культурных связей по материалам древних арабских историков, а также формирования «мира ислама» в России, все больше населявшейся мусульманскими народами по мере строительства империи.

Ключевые слова: древние арабские источники, международная торговля, история и культура ислама, конгломерат этнических групп, становление научного востоковедения, взаимопроникновение культур.

The article discloses the history of relations between Russia and the countries of Arab East. These relations have developed since the epoch of Kievan Rus and then the tzardom of Muscovy and Russian Empire introducing one of the fundamental events of international relations and world development. The article examines the development process of bilateral trade and economic relations and cultural contacts based on the ancient Arab historians, as well as the formation of «the world of Islam» in Russia, being populated by Muslim peoples while the Empire was in making.

Key words: ancient Arab sources, international trade, the history and culture of Islam, a conglomerate of ethnic groups, the emergence of scientific Oriental studies, interpenetration of cultures.

Отношения Руси и России со странами Востока насчитывают более тысячи лет. Они складывались и развивались с самого начала существования Киевской Руси, а впоследствии – Московского государства и Российской империи, представляя собой одно из основополагающих явлений международных отношений и мирового развития в эпоху Средневековья и в Новое время.

Особый вопрос отношения России к Востоку может быть понят в контексте сопоставления контактов между ними на всем протяжении исторического пути. Основанием для этого служит реальная история конфликтов, завоеваний, социальных взаимодействий и государственного строительства. Однако осязаемое значение этих связей, а в более широком смысле, положение России между Востоком и Западом – всегда имело огромное значение для русской культуры. Русское видение Азии и отношение русских к ней – в качестве жертв, колонизаторов или друзей – имело идеологический характер. Однако и отношение Востока к Руси-России было,

в конечном счете, аналогичного свойства.

Арабы о Руси

Первые упоминания о Руси в восточных странах восходят к рубежу 1 и 2 тыс. н.э. Арабские авторы IX-XI, как и последующих столетий оставили в своих сочинениях ценнейшие сведения о русах и Руси. Связи с Востоком расширились после принятия Христианства. Русские паломники в Святую землю принесли с собой подробные сведения о землях Палестины, Сирии и Египта.

Арабские авторы, путешественники и торговцы оставили нам одни из ранних источников по истории славян и Руси. Славяне издавна привлекали внимание арабов, которые видели в них естественных союзников против Восточной Римской империи. Они описывали Русь, начиная с VIII в. н.э. Арабские монеты обнаруживаются в кладах и россыпью между Днепром и Волгой.¹

Из арабских источников известно, что славяне, с разрешения византийцев и самовольно, поселялись на землях Малой Азии уже в VII веке. Так, славяне, по показаниям арабов, расселились в Сирии уже в 664 году. Император Юстиниан, сообщая византийские хронисты, заключил со славянами соглашение о поселении в Малой Азии 20 000 славян.

Византийцы пропускали славян в Малую Азию, видя в них завесу против наседавших на империю арабов, а арабы видели в славянах союзников в войнах против византийской и персидской монархий.

Арабские источники рассказывают, а византийские подтверждают участие славян и в междоусобных войнах между арабами. Арабские историки сообщают о

многих случаях неожиданного появления славянских отрядов на Ближнем Востоке. **Аль-Бадур** (60-е гг. IX в.) пишет, что славяне, приходя в Сирию, расселялись на границах с Византией и Ираном. Мадван Ибн-Мухаммед, один из влиятельных арабских эмиров, «велел населить город Масиса славянами, персами и христианами — набатеями»². Славяне и отчасти руссы составили один из элементов в сложном конгломерате этнических групп, с которыми в XII-XIII вв. столкнулись в Палестине, Ливане и Сирии крестоносцы, особенно в христианских монастырях.

Начиная с VIII в. сфера знаний арабских географов и историков расширилась: они описывают не только тех славян, которые попадали в их поле зрения на Ближнем Востоке, но и славян Восточной и Центральной Европы, а также балканских славян, хотя не всегда точно. Арабский географ **Аль-Фазари**, описывая страны и народы, отмечает, что славяне занимают огромные пространства от Дуная до Дона (772—3 гг.). Арабы знали, что существует три ветви славян — южная, северная и западная. Русов они относили к северной ветви.

Арабские ученые интересовались и происхождением славян. Они относили их, как и Нестор, к яфетову³ племени. Уже **Аль-Каиба** (ум.819 г.) сообщает, что славяне — народ яфетического, т.е. индоевропейского происхождения.

Аль-Фаргани (ок. 844 г.) знает, что Славония располагается за Барджанией (по-видимому, Великая Булгария).

Географ **Ибн-Хардасбех** (ум. 912 г.) в своей «Книге путей государств» пишет, что к северу от Черного моря живут «руссы,

принадлежащие к племени славян». Хардасбеху известно, что «царь славян называется князь». По времени это может быть отнесено как к Рюрику, так и к Олегу. Со слов арабских купцов и путешественников он рассказывает, что руссы ведут оживленную торговлю с другими народами и что через своих и иноземных купцов они вывозят товары в разные страны («меха бобров, меха черных лисиц и мечи из дальних концов Славонии»). Ибн-Хардасбех сообщает, что русские купцы доходят даже до Багдада, где «выдают себя за христиан». В действительности купцы не выдавали себя за христиан, а были христианами, членами тех общин, которые существовали задолго до формального принятия христианства при Владимире. **Ибн-Хадкаль** отмечает, что арабы называли Итиль (Волгу) и Танаис (Дон) русскими реками.

Еще один арабский ученый **Аль-Джангани** (конец IX — начало X вв.) в своей «Книге путей для познания государств» отмечает, что русичи «ведут также торговлю на воде, ничего не сообщают о своем состоянии и не связываются с иностранцами. Они не допускают, чтобы кто-либо (из иноземцев) отправился в их страну». Это означает, что руссы предпочитали вести торговлю без иноземных посредников и перекупщиков, не допуская к тому же в свои пределы всякого стремящегося к обману и наживе.

Джангани, опираясь на византийские источники, сообщает, что руссы вывозят в другие страны «не одни меха, но также олово». Особый интерес представляют сведения **Аль-Бахли**. Он пишет, что «Русь состоит из трех племен. Одно — ближайшее к Болгару на Волге, и царь их живет в столице

по имени Куяба, город больше Болгара». В этом городе «больше Болгара» нетрудно узнать Киев (Куяба в арабской транскрипции). «Второе отделенное от них племя называется Селавия — продолжает аль-Бахли, т.е. Славония (по Нестору) с центром в Новгороде. «Третье племя называется Бармания, и царь его живет в Абарме». Это «третье племя» издавна привлекало внимание многих исследователей. Хвольсон идентифицировал его с пермяками и их столицей на Каме Биармой (Пермью). Сообщения о Биарме есть в исландских сагах и у Отера (Veormas).

Ценны сообщения о Руси арабского писателя **Ибн-Росте** (Ибн-Даста), относящиеся к малоизвестному по русским источникам периоду начала X в. Он отмечает особое положение в Русской земле Новгорода, хотя замечает, что «эта земля имеет и много других городов». Сведения о Новгороде Ибн-Росте получил, по-видимому, от арабских купцов, торговавших в Великом Булгаре и беседовавших с новгородцами, прибывавшими в город на своих ладьях, что привлекло внимание арабов. Его сведения не слишком точны. Он утверждает, что Новгородская земля находится «на острове, окруженном озером», остров же «покрыт лесами и болотами». Впрочем, Ибн-Росте понял, что русичи (новгородцы) живут в довольстве, дорожат своей свободой, «Русь — мужественны и храбры». Новгород — богатый город, в котором «даже мужчины носят золотые браслеты». Руссы великодушны и с «рабами обращаются хорошо». Ибн-Росте считал руссов огнепоклонниками. Он сделал этот вывод, наблюдая сожжение умершего русича, приехавшего в Великий Булгар. Еще больше поразило его добровольное само-

сожжение жены умершего.

Ибн-Росте записал и распространенные легенды: «Когда у кого на Руси родится сын, отец (ново-рожденного) берет обычный меч, кладет его перед дитятею и говорит: «Не оставлю в наследство тебе никакого имущества: будешь иметь только то, что приобретешь себе этим мечом». За подобными рассказами о малознакомом народе всегда видно стремление к некоторому более или менее красочному преувеличению, но в целом сообщения Ибн-Росте заслуживают доверия, включая и его сообщение, что руссы «любят опрятность в одежде».

Ибн-Росте повествует о том времени жизни Руси, когда она вела борьбу с тюрками-хазарами. Он фиксирует некоторые моменты этих отношений, включая этимологические, например: «Русь имеет царя, который зовется хакан-русъ», т.е. царем, князем руссов. Скорее всего, он услышал об этом титуле от хазар или болгар. Ибн-Росте отмечает также, что «все свои набеги и походы производят они на кораблях», имея в виду плавание руссов по Волге и Каспию (походы новгородцев и руссов из верхней Волги). Он описывает поход руссов на кораблях по Волге и Каспию в 913 г. Он же пишет, что руссы живут «по обеим сторонам Волги».

По сообщению Ибн-Росте, торговые и земельные споры между влиятельными русичами разбираются князем («царем»). «Если же обе стороны приговором царя недовольны, то по его приказанию должно предоставить окончательное решение оружию».

«При сжигании покойников, — писал Ибн-Росте, — предаются шумному веселью, выражая тем радость свою, что бог оказал милость покойнику (взяв его к себе)».

Хвольсон делает любопытное примечание к этому месту в сочинении Ибн-Росте: «Славяне верили в посмертное продолжение индивидуального существования человека», но не в бессмертие души в христианском смысле. **Ибн-Вахш** полагал, что славяне сжигают умерших, будь они цари или простолюдины, из опасений болезней, возникающих от разложения трупов.

Русы как народ чрезвычайно интересовали Ибн-Росте; он стремился охватить все стороны их жизни, включая их человеческие качества, обычаи и способы развлечения. Арабский писатель отметил, в частности, особенную любовь русичей к музыке, которая исполняется на самых различных инструментах, («есть у них разного рода лютни, гусли и свирели») и к танцам.

Среди арабских источников, повествующих о Руси, с сочинением Ибн-Росте вполне сравнимы записки **Ибн-Фадлана** «Книга Ибн-Фадлана, посла Ал-Муктадира к царю славян». Этот труд не одно столетие был известен в отрывках. Лишь сравнительно недавно, уже в XX веке, был найден полный текст в одном из иранских архивов.

Ибн-Фадлан, как он рассказывает, был послан багдадским халифом к «царю славян». Трудно судить о том, какого «царя славян» он посетил, ибо арабский посол описывает свое путешествие из Багдада в Великий Булгар и о пребывании в нем. Сведений о посещении Руси он не сообщает, и большая часть исследователей полагает, что или Ибн-Фадлан или те, кто его послали, решили, что «царь славян» проживает в Великом Булгаре, или он по каким-то причинам не смог побывать на Руси. Не посетив «царя славян»,

Ибн-Фадлан встретил в Великом Булгаре русских купцов и воинов, наблюдал их обычаи, беседовал с ними и подробно описал все, что видел и слышал.

Путешествие Ибн-Фадлана относится к 920—921 гг. Помимо Великой Булгарии, он посетил также Хазарский каганат незадолго до того, как он был разгромлен сначала Игорем, а потом Святославом. Русов Ибн-Фадлан наблюдал очень внимательно: по каким-то причинам они вызывали у него особенный интерес. Так, он отмечает: «Я видел русов, как они пришли со своими товарами и расположились на реке Итиль». Он заметил, что русы обычно хорошо вооружены: «Мечи их суть широкие волнообразные клинки франкской работы». Ибн-Фадлан сообщает и такую любопытную деталь: «На одной стороне их от острия до рукоятки изображены деревья, фигуры и другое, тому подобное».⁴

Ибн-Фадлан расспрашивал о русах у своих знакомых болгар, которые сообщали ему и были, и небылицы. Со слов болгар он записывает, что русы имеют помногу жен, а их царь — 40 жен. Это совпадает с сообщением Нестора, что радимичи и вятичи (соседи болгар и хазар) имеют по две — три жены. Какого царя русов (многоженца) подразумевает Ибн-Фадлан — неясно, но у Нестора в качестве такового фигурирует Владимир, который до того, как он стал христианином, имел «40 жен». Арабский путешественник отметил, что руссы — язычники, поклоняющиеся «деревянным идолам». Он описывает некоторые их культовые обряды, в частности сожжение умершего знатного руса: «Вы, арабы, глупый народ, — передает Ибн-Фадлан свой разговор с другим знатным русом, хоронившим умершего, — ибо вы

берете милейшего и почтеннейшего для вас из людей и бросаете его в землю (арабы хоронили своих мертвецов без гробов), где его съедают черви; мы же сжигаем его в огне, и он в тот же час входит в рай».

Арабские писатели и путешественники дополняют в ряде случаев русских летописцев. Так, аль-Масуди (ум. 956 г.) в своем труде «Летописи времени» рассказывает, что территория русов простирается от Черного моря до необитаемого Севера. Русы — культурный народ, который ведет войны с греками, франками, лангобардами и другими варварскими народами. По-видимому, он относит норманнов и русов к одному народу. Это видно из того, что, по сведениям аль-Масуди, русы напали на Кордовский халифат и осаждали Севилью в 912 году. К востоку от русов располагаются хазары и болгары. Из текста труда аль-Масуди видно, что он отождествил русов и норманнов, рассматривая их как единый народ. Он сообщает, уже более точно, о походах русов числом в 50 тысяч человек; пустившись на судах вниз по Итилю (Волге), они «вошли на кораблях в Хазарское море» (ок.943 г.). Русы, по его словам, захватывали и грабили прибрежные города вплоть до Ирана («в нефтяной земле, до самого Азербайджана»). Иранец Табори (VII в.) относит первые походы русов по Волге и Каспию к еще более раннему времени — к 642 году. Аль-Масуди рассказывает также о походах русов по Черному морю в Малую Азию, а также осаду ими Константинополя как о событии, хорошо известном арабам. Он рассказывает также, что «славяне разделяются на многие народы: некоторые из них суть христиане».

Любопытно сообщение аль-Масуди, что Азовское море «есть море Русское: так как ни один народ, исключая русских, не плавает в этом море. Это великий народ, живущий на одном из берегов этого моря. Они никогда не имели князя, не признавали никакого положительного закона», — сообщение, полученное, скорее всего, от новгородцев. В других арабских источниках Русским морем именуется Черное море. По своим торговым делам русы ходят «в Испанию, Рим, Константинополь и к Хазарам». Это указание ценно; оно подтверждает предоставленную договорами Олега и Игоря с византийцами возможность транзитной торговли русских купцов через Босфор и Дарданеллы в Средиземноморье.

Аль-Масуди поведал также о том, что русы располагают серебряными рудниками (к северу от Азовского моря). Это сообщение, как и подобное ему сообщение Марко Поло, долго оспаривалось, но оба были правы: серебро добывалось в копях Донецкого края. Сведения арабских и западноевропейских путешественников, как и многие другие данные, делают совершенно беспредметными утверждения немца Шлецера, будто славяне до Рюрика не вели торговли, включая и торговлю с восточными народами. Вели, и достаточно оживленную, по меркам того времени.

Ибрагим Ибн-Якуб в своих «Записях» (965 г.) замечает, что «вообще славяне люди смелые и наступательные, и если б не было разрозненности их вследствие многочисленных разветвлений их колен и разбросанности племен, то не померялся бы с ними в силе ни один народ в мире». Ибн-Якуб, как и другие арабские авторы, не говорит о каких-то конкретных

распрях меж славянами, но мы знаем, что распри были.

Арабские купцы, путешественники и просто искатели приключений, авантюристы посещали Русь и после принятия ею христианства. Один из таких путешественников, **Абу Хамил Аль-Гаран-ти**, родился в Кордовском Халифате в 1080 г. и в годы молодости посетил арабские столицы халифатов — Каир, Александрию и Багдад. Где-то около 1150 г. он побывал в Киеве и в записках восхищается богатством и красотой города. Аль-Гаранти был в Киеве и по торговым делам, отметив, что в городе проживают «тысячи магрибийцев» — «по виду тюрок, говорящих на тюркском языке».

Аль-Гаранти стремится понять, что такое славяне и почему Киевская Русь достигла такого могущества. «Славяне храбры», — отмечает он. И тут же определяет их веру: «Они придерживаются византийского толка несторианского⁵ христианства». Естественно, что арабские путешественники интересуются отношениями между Русью и Византией, с которой арабский халифат вел непрерывные войны.

«Русь, — пишет **Ибн-Хаукал**, — многочисленное и сильное племя, потому что когда-то они наложили дань на римлян». Другой араб, **Аль-Мекин**, удивлялся политической близорукости византийцев: император просит у русов помощи против арабов, заведомо зная, что русы «его враги». Аль-Мекин не вник в сложную механику отношений между Русью и Византией, где преобладали то мирные, то воинственные умонастроения. В целом свидетельства арабских авторов о Руси лишены предвзятости и ценны, особенно в тех случаях, когда они общаются о том, что непосредственно наблюдали.

Русские и арабский Восток

Итак, Древняя Русь — зона контактов Востока и Запада. У России нет общей границы с арабским миром, но связи с ним уходят в раннее средневековье. Благодаря историко-археологическим изысканиям последних десятилетий вырисовывается четкая картина международных торговых связей, пронизывавших в VIII–XI вв. территорию нашей страны. Знаменитый путь «из варяг в греки», Волжско-Каспийский торговый путь, торгово-ремесленные поселения в Ладоге, под Новгородом, Смоленском, Ярославлем «составляли единую систему центров и путей, двигаясь по которой арабское серебро достигало Британии, а изделия ирландских ювелиров — Верхней Волги». В этот период на Балтике сомкнулись западная и восточная ветки «транс-европейской системы торговых связей», «образуя уникальный в своем роде «серебряный мост»... связавший пространства от Британии на западе и до Прикамья на востоке, от крайних областей Норвегии на севере до причерноморско-каспийских степей на юге Европы». Местное население активно участвовало в создании системы «широтных путей» (Волхов — Новгород — Мста — Верхняя Волга; Западная Двина — Днепр — Ока), которые «обеспечивали выходы к непосредственным источникам арабского серебра на Волжском пути». Через Русь, через Волжско-Каспийский торговый путь проникали к викингам заимствованные с Востока «шаровары с множеством складок, подвешивавшиеся под коленом» и «наборные пояса, к которым подвешивали (кроме оружия) различные бытовые вещи (нож, оселок, кресало, кошелек)». ⁶

После христианизации Руси связи с Востоком упорядочились.

Важной частью русской жизни стали паломничества к Святым местам. В круг народных поэтических представлений вошли Иерусалим, Гроб Господень, житие Богородицы. Бродячие слепцы по всей Руси распевали духовные стихи, калкики переходящие рассказывали о своих странствиях.

Арабов в русской духовной и летописной традиции называли «агарянами», «измаильтянами» и «сарацинами». ⁷ Обозначения арабов были распространены на всех мусульман, будь то татары или турки.

Уже в первой половине XII в. новгородцы ходили в Иерусалим. Там паломники получали патриаршее благословение, и везли оттуда святые мощи и крестильную или водосвятную чашу. По возвращении они получали благословение епископа, а великий князь Иван Данилович Калита пожаловал им «кормление во веки».

В течение длительного времени представления об исламе в России питались в основном контактами с Турцией, если не считать опыта контактов с мусульманским миром в Поволжье. Так, Иван Пересветов считал полезным для России турецкий опыт реформ (середина XVI в.). Феодосий Косой утверждал равенство всех вер и народов. Известны были на Руси и труды, и взгляды Иоанна Дамаскина и Федора Абу Курры — непосредственных выходцев из арабской среды. Сведения о Мухаммеде и исламе часто черпались из католических трудов ярко выраженного полемического характера. Из популярной в грамотной среде «Космографии 1670 г.» можно было получить сведения о Палестине, Египте, Вавилоне. Известный переводчик с греческого языка Николай Спафарий знал также арабский язык. Еще одной

струей проникновения в Россию арабских мотивов и материалов были памятники мировой литературы, например, «Повесть о Варламе и Иоасафе», эпос о Калиле и Димне, арабскую переработку индийских сказок, басни Лукмана.

В Россию также проникала и получила широкое хождение арабская медицина. Сведения об исламе приносили и греко-византийские источники. В конце XVI в. на русский язык с польского переводится и получает довольно широкое распространение статья «О Магмете волхве и еретике». В XVII в. Симеон Полоцкий перевел с латинского языка «Иносказание о Махмате». Наконец, в русский язык через посредство турецкого языка пришло много арабских слов. Самые ранние же заимствования связаны с торговлей, которую вели мусульманские купцы Казани и Бухары. Через Запад приходила заимствованная от арабов научная и бытовая лексика.

Потребность в основательном знании самых разных аспектов жизни непосредственных соседей России — Османской Турции и Ирана подталкивала к изучению языков и истории, к более точному знанию об исламе — не только с позиции религиозного противостояния, но и с точки зрения выработки правильных политических решений, учитывающих специфику мусульманского общества.

На протяжении многих веков формировался «мир ислама», охвативший огромное пространство, населенное мусульманами. В составе Российской империи «мир ислама» был представлен, главным образом, Поволжьем, Северным Кавказом, Азербайджаном и Средней Азией. Историческое прошлое арабов, житие Мухаммеда и легенды о нем, Коран, сложные запутанные генеалогии и, главное,

арабский язык стали достоянием большого количества людей, осознававших себя, прежде всего мусульманами. Значительную часть мусульманского населения Российской империи составляли тюркские народы. Для подавляющего большинства русского населения образ мусульманина формировался, прежде всего, под влиянием непосредственных контактов с согражданами-иноверцами, и именно эта среда как бы «транслировала» историю и культуру ислама.

Многолетняя торговая практика, естественно, требовала переводчиков — толмачей, практически владевших восточными языками и обеспечивавших заключение сделок, переговоры, неизбежные тяжбы и дружеские контакты.

XVIII век стал для России не только веком прорыва к новым формам организации общественной жизни. Промышленно-экономическое развитие Запада шло быстрыми темпами, а дряхлеющая Османская империя стала стержнем «восточного вопроса». Накопленные знания и опыт, расширение политических и экономических контактов, военная активность — практические потребности общества и государства должны были обрести научное воплощение. Начальный этап становления научного востоковедения относится к эпохе Петра Великого и связан с именами приглашенных в Россию немецких ученых Г. Я. Кера (1692 – 1740) и З. Т. Байера (1694 – 1738), изучавших арабский язык под руководством сирийского араба, выходца из Дамаска Соломона Негри (ум. в 1729 г.)

В областях, населенных мусульманами арабский язык преподавался в школах. Так, в Астрахани его преподавали в 1764 г. в школе для солдатских детей, которая в 1806 г. была превращена в гимназию.

При Екатерине II было принято издание арабского текста Корана для распространения среди мусульман России. Это издание, известное как «петербургский Коран», было высоко оценено европейскими востоковедами. Русский читатель мог получить представление о Коране благодаря двум переводам его с западных языков, в частности, с французского. С французского же были переведены и изданы в Смоленске в 1796 г. сказки «1001 ночь». В Калуге в 1787 г. был опубликован перевод с французского «Краткого повествования об аравах».

В XIX в. русские много путешествовали по Арабскому Востоку. Арабы-проводники, как правило, хорошо говорили по-русски. Население относилось к русским дружелюбно и выражало это при каждом удобном случае. В 1883 г. А. В. Елисеев в своих записках «Путь к Синаю» писал, что везде он встречал со стороны арабов самое дружелюбное отношение, а во время бомбардировки англичанами Александрии, «когда бедуины и египетская чернь избивала европейцев, одно слово «я москов» спасало русских от общей участи». Отмечают расположение арабов к русским и другие путешественники.

Свидетельств о пребывании наших соотечественников на Аравийском полуострове сохранилось очень мало. К 1895 г. относится путешествие сотрудника русского консульства Ш. Ишаева из Джидды в Мекку. Он описал Каабу — святыню мусульман и оставил горькое свидетельство о работе торговле в Аравии. Через три года в Хиджазе побывал штабс-капитан Давлетшин, отметивший слабость турецких позиций в Аравии и также описавший рабский рынок (рабство в Саудовской Аравии

было отменено только в начале 60-х гг. XX века).

Интересы племенного коневодства, процветавшего в России, привели в 1862 г. в Аравию полковника М. Н. Дохтурова, оставившего обстоятельные записки о быте бедуинов. В 1888 и 1900 гг. княгиня О. А. Щербатова объехала огромную территорию от Египта до Верхней Месопотамии и написала о своих путешествиях книгу «Верхом на родину бедуинов в поисках за кровными арабскими лошадьми (2600 верст по аравийской пустыне в 1888 и 1900 гг.» (СПб., 1903).

В Судане русские исследователи и путешественники появлялись нечасто. В 1847 г. великий реформатор Египта Мухаммед Али пригласил для разведки и разработки золота в Восточном Судане Е. П. Ковалевского (1811 – 1868). Вместе с ним Русское географическое общество направило Л. С. Ценковского, снабдив его специально разработанной программой географических и этнографических наблюдений. Золото было найдено в Тумате, верховьев которого экспедиция достигла, где на лодках, где пешком. Нога европейца в эти места еще не ступала.

Арабский Восток нашел свое отражение в русской литературе и поэзии. «Восточное» направление представлено в творчестве А. С. Пушкина, Н. В. Гоголя, М. Ю. Лермонтова, Л. Н. Толстого и других писателей.

Таким образом, традиции международных отношений, развивавшихся столетиями между Россией и странами арабского мира, способствовали не только развитию торгово-экономического взаимовыгодного сотрудничества, но и взаимопроникновению культур, что, в конечном счете, обогащает собственную культуру, как русских, так и арабов.

Литература:

1. Вернадский Г.В. О движении русских на восток. Из кн. Арабески Истории. М.,1996

2. Дьяков Н.Н. Россия и страны Арабского Магриба. Сб. Россия и Восток. СПб., 2000 г.

3. Карпенкова Т.В. Самодержавие и российские мусульмане. М.,2003

4. Коялович М.О. История русского самосознания по историческим памятникам и научным сочинениям. СПб., 1884.

5. Лебедев Г. С. Эпоха викингов в Северной Европе. Историко-археологические очерки. Л., 1985.

6. Малинин В.А. Русь и Запад. Калуга.,2000

7. Сипенкова Т.М. Россия и арабский Восток. Сб. Россия и Восток. СПб., 2000 г.

8. Щербатова О. А. Верхом на родину бедуинов в поисках за кровными арабскими лошадьми (2600 верст по аравийской пустыне в 1888 и 1900 гг.». СПб., 1903.

9. История дипломатии (сб. Сост. А. Лактионов) М.,2005.

Ссылки:

1 Коялович М.О. История русского самосознания по историческим памятникам и научным сочинениям. — СПб., 1884. С.492.

2 Набатеи – одно из арабских племен, проживавших на территории совр. Иордании с 3 века до н.э. до 2 века н.э.

3 В библии Яфет – один из трех сыновей Ноя.

4 Малинин В.А. Русь и Запад. Калуга.,2000,С. 158

5 Течение в христианстве, основанное в Византии Несторием, константинопольским патриархом в 428-431гг. Осуждено как ересь на Эфесском соборе.

6 Лебедев Г. С. Эпоха викингов в Северной Европе. Историко-археологические очерки. Л., 1985.С. 140, 143 - 145.

7 по имени Агари –матери Исмаила, «измаильтянами» - по имени Исмаила, «сарацинами» (от греческого названия арабов).

НАШИ АВТОРЫ

Бегинин Виктор Иванович - доктор философских наук, профессор, Федеральное Государственное Образовательное Учреждение Высшего Профессionalного Образования «Саратовский государственный аграрный университет им. Н.И. Вавилова». beginin@sgau.ru

Булгаков Сергей Викторович - кандидат социологических наук, доцент, Федеральное Государственное Образовательное Учреждение Высшего Профессionalного Образования «Саратовский государственный аграрный университет им. Н.И. Вавилова». BulgakovSV_77@mail.ru

Верховин Владимир Исаакович — доктор социологических наук, профессор кафедры экономической социологии и маркетинга социологического факультета МГУ им. М.В. Ломоносова. viverhovin@yandex.ru

Воронцов Алексей Васильевич - доктор философских наук, профессор кафедры истории и теории социологии Российского государственного педагогического университета им. А.И. Герцена

Глотов Михаил Борисович - доктор социологических наук, профессор кафедры истории и теории социологии Российского государственного педагогического университета им. А.И. Герцена

Гусева Марина Александровна - Автономная некоммерческая организация реабилитации детей с онкологическими и гематологическими заболеваниями «Дети» (Москва). gusmarina@mail.ru

Денисова Людмила Евгеньевна - начальник Учебно-методического управления Российского государственного геологоразведочного университета им. С.Орджоникидзе (РГГРУ), г. Москва. kaf_in@freemail.ru

Дзусов Ирбек Игоревич - аспирант кафедры социологии политических и социальных процессов Северо-Осетинского государственного университета им. К.И.Хетагурова.

Дзуцев Хасан Владимирович - доктор социологических наук, профессор, заведующий отделом социологических исследований СОИГСИ им. В.И.Абаева,

заведующий кафедрой социологии политических и социальных процессов СОГУ им.К.Л.Хетагурова, директор Северо-Осетинского Центра социальных исследований ИСПИ РАН.

Жилкин Владимир Владимирович – кандидат философских наук, доцент Лаборатории прикладной культурологии и медиакультуры, ГОУВПО «Тамбовский государственный университет им. Г.Р. Державина».

zhilkin@actualresearch.ru

Злотников Анатолий Геннадьевич – кандидат экономических наук, доцент, заведующий кафедрой теории кооперации и социологии, Белорусский торгово-экономический университет потребительской кооперации (г. Гомель). zlot@tut.by

Иванова Виктория Анатольевна – кандидат социологических наук, сотрудник Научно-исследовательского центра ФГБОУ ВПО «Новгородский государственный университет им. Ярослава Мудрого».

vika.ivanova2008@gmail.com

Корбан Инна Викторовна – аспирант кафедры философии естественных факультетов ФГБОУ ВПО «Самарский государственный университет», perasperaadastr@list.ru

Кузин Сергей Александрович – аспирант, Новосибирский Государственный Технический Университет. ufosirius@mail.ru

Лебедь Ольга Леонидовна – кандидат социологических наук, доцент кафедры социологии семьи и демографии социологического факультета МГУ им. М.В. Ломоносова. lebed_olga@mail.ru

Лыскова Ольга Валерьевна – кандидат исторических наук, доцент, зав. кафедрой Менеджмент туристического бизнеса,

Саратовский государственный технический университет. 970380@list.ru

Миннегалиев Ильшат Маузирович, аспирант ФГБОУ ВПО «Камская инженерно-экономическая академия», Ilshat82@yandex.ru

Митяева Ольга Александровна – старший преподаватель кафедры коммерции и менеджмента, ТФ ГОУ ВПО «РГТЭУ» (г.Тула). moa11@yandex.ru

Реут Дмитрий Васильевич – кандидат технических наук, доцент кафедры «Экономика и организация производства» факультета «Инженерный бизнес и менеджмент» Московского государственного технического университета им. Н.Э. Баумана. dmreut@gmail.com.

Робатень Сергей Сергеевич – кандидат технических наук, эксперт по технологиям, Ведис групп (Москва). robaten@list.ru

Романенко М.В. – доктор философских наук, профессор кафедры экономической социологии и маркетинга социологического факультета МГУ имени М.В. Ломоносова – miklwas@mail.ru

Рыжов Владимир Александрович – кандидат физико-математических наук, Научно-техническая корпорация (НТК) «Ведис Групп». vryshov@gmail.com

Рыжов Сергей Владимирович – аспирант, Московский Государственный Гуманитарный Университет имени М.А.Шолохова. ryzhovsergey@mail.ru

Сивирин Борис Сергеевич – доктор социологических наук, доцент, зав. кафедры социологии и социального управления, Сибирская Академия государственной службы. sivirinov@sapa.nsk.su

Соколова Галина Николаевна - доктор философских наук, профессор, заведующая отделом экономической социологии и социальной демографии Института социологии Национальной академии наук Беларуси. gnsok@cosmostv.by

Сушко Валентина Афанасьевна - кандидат социологических наук, старший научный сотрудник социологического факультета МГУ им. М.В. Ломоносова. Valentina.sushko@gmail.com

Сюй Яньли - кандидат социологических наук, ст. преподаватель Пекинского института трудовых отношений (КНР), докторант кафедры экономической социологии и маркетинга социологического факультета МГУ имени М.В. Ломоносова - wangmingyu1220@126.com

Тендит Константин Николаевич - кандидат философских наук, доцент кафедры философии и

социологии Комсомольского-на-Амуре государственного технического университета (г. Комсомольск-на-Амуре). tenditkn@rambler.ru

Цейтлин Григорий Янклеевич - доктор медицинских наук, профессор, Федеральное государственное учреждение «Федеральный научно-клинический центр детской гематологии, онкологии и иммунологии» Минздравсоцразвития России (Москва). grigoryts@yandex.ru

Цогоева Фатима Бексолтановна - кандидат социологических наук, старший научный сотрудник отдела социологических исследований и политологического мониторинга Северо-Осетинского института гуманитарных и социальных исследований им. В.И.Абаева. Web-страница: nocss.ru

Экарева Ирина Леонидовна, кандидат исторических наук, РЭУ им. Г.В. Плеханова

